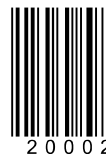

ISSN 2409-336X

9 772409 336004 2 0 0 0 2

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2(56)
2020

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А.А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ДУК Д. У. Назіранні за паўсядзённым жыццём Полацка (па матэрыялах актаў кнігі полацкага магістрата за 1727 г.)	4
ПЛАВІНСКІ У.А., ПЛАВІНСКІ М.А. Разведачныя раскопкі на беразе возера Наўры ў 2017 г.	9
ТЕРЕНТЬЕВ И.В. История изучения изделий черной металлургии X–XV вв. городов Могилевского Поднепровья.....	22
КЕЖА Ю.Н. “Нахождение Антиохово”: к негативному образу Всеслава Полоцкого в древнерусском летописании.....	36
ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Депутаты от Витебской губернии в I и II Государственных думах.....	43
СТАРОСТЕНКО Э.В. Первая мировая война в документах и воспоминаниях последнего протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского	50
ВОРОБЬЕВ А.А. Деятельность Гомельской организации партии социалистов-революционеров весной 1917 г.	56
ДУБРОВКО Е.Н. Беларусь на страницах англоязычной прессы (конец 1917 – начало 1921 г.)	62
ИГНАТОВИЧ А.Е. Взаимодействие принимающего общества и мусульманской общины в Великобритании: вопросы внутренней безопасности (до терактов 2005 г.).....	70
ОГОРОДНИКОВ А.А. Дорожная инфраструктура Полоцкой области в 1944–1954 гг.	78
ЧАЙКИН С.Н. Деятельность пенитенциарной системы на белорусских землях в период революции 1905–1907 гг.	84
ВИШНЕВСКИЙ М.И. Социокультурные аспекты философской образованности	91
ЕВОРОВСКИЙ В.Б. От очевидности к умозрительности (критический анализ современных подходов к пониманию сознания и восприятия)	98
ШАРШНЁВА В.М. Стылістычныя функцыі парцэляцыі ў дыялогу (на матэрыяле мастацкіх твораў У. Караткевіча)	104
ЗАБЛОЦКАЯ Ю.С. Рэтраспекцыйная і праспекцыйная накіраванасць парэнтэтычных канструкцый у мастацкіх творах У. Караткевіча.....	112
ШАРАПАВА А.В. Асаблівасці стварэння сэнсу і структуры ў аўтабіяграфічнай літаратуры Беларусі XX ст. (на прыкладзе твораў Алены Васілевіч “Пачакай, затрымайся...” і Івана Навуменкі “Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва”).....	119
ЧЭНЬ ТИН. Омонимия ключевых китайских существительных разных семантических групп	124
ТРИГУБОВА Д.Л. Рецензирующая аннотация к кинофильму: понятие, структура, содержание.....	132

ДЫСКУСІЙНАЯ ТРЫБУНА

РИЕР Я.Г. Пандемия с точки зрения исторической демографии	140
--	-----

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 930.2(476.5) “1727”

НАЗІРАННІ ЗА ПАЎСЯДЗЁННЫМ ЖЫЦЦЁМ ПОЛАЦКА (па матэрыялах актаў кнігі полацкага магістрата за 1727 г.)

Д. У. Дук

доктар гістарычных навук, прафесар

рэктар Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова

Па матэрыялах актаў кнігі магістрата Полацка за 1727 г. разгледжаны звесткі пра ўнутранае (побытавае) жыццё гараджан і гарадскі асяродак. У кнізе прадстаўлены ўнікальныя звесткі пра захаванне гістарычнай памяці ў найменні тапаграфічных аб’ектаў Полацка (“маскоўскі перакоп”, “шанец маскоўскі”). Зроблена выснова, што прыгарадны двор Прасмужкі ў 1720-х гг. фактычна меў статус полацкага пасада. Інфармацыя пра штодзённы побыт палачан прадстаўлена ў апісанні асобных катэгорый нерухомах і рухомах аб’ектаў.

Ключавыя словы: Полацк, кніга полацкага магістрата, гістарычная тапаграфія, побыт, рамяство.

Уводзіны

Матэрыялы па гісторыі Полацка са складу 45 захаваных полацкіх магістрацкіх кніг XVIII ст. практычна не прадстаўлены ў археаграфічных выданнях. На гэтым фоне публікацыя кнігі 1727 г., падрыхтаваная А.М. Латушкіным і М.Д. Макаравым і надрукаваная ў 2012 г., з’яўляецца станоўчым выключэннем [1]. Па назіранні М. Д. Макарава, у фондзе 1823 (“Полацкі магістрат”) Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі большасць з 45 кніг XVIII ст. складаецца пераважна з актыкацый дакументаў шляхты Полацкага ваяводства і слаба асвятляе ўнутранае жыццё горада. На гэтым фоне актавая кніга 1727 г. (разам з кнігамі 1728 і 1729 гг.) выгадна вылучаецца багаццем зместу і разнапланавасцю дакументаў [1, с. 22].

З апорай на звесткі кнігі звернем увагу на ўнутранае (побытавае) жыццё Полацка і яго жыхароў. Адразу адзначым, што гэтых звестак у кнізе 1727 г. сустракаецца ўсё ж не так багата. У гэтым сэнсе найбольш інфарматыўнай з захаваных кніг полацкага магістрата з’яўляецца кніга 1656–1667 гг. [2], тым не менш некаторыя звесткі з кнігі 1727 г., напрыклад па гістарычнай тапаграфіі Полацка, больш не сустракаюцца ў іншых пісьмовых крыніцах.

Тапаграфічныя заўвагі. Вялікая колькасць актаў кнігі 1727 г. датычыцца спраў, звязаных з мяшчанамі ці маёмасцю прыгараднага полацкага мястэчка Прасмужкі. Гэты “двор” з “будынкамі дворнымі і гуменнымі”, “бравярнямі”, з “конямі, быдлам усялякім – рагатым і нерагатым”, “з усім набыткам рухомым” і інш. 2 красавіка 1727 г. быў здадзены ў арэнду гродскаму рэгенту Полацкага ваяводства Алексію Юзафу Спірыдовічу тэрмінам на тры гады [1, с. 112–113]. Таксама двор Прасмужкі неаднаразова згадваецца ў справах куплі-продажы дамоў.

Па пісьмовых крыніцах XIV–XVIII стст. вядома, што “сяльцо” Прасмужкі з ворыўнымі землямі і сенажацямі было размешчана на ўсход ад Вялікага пасада за валатоўкамі ці “гарамі Балгарэйскімі” [3, арк. 51–51 адв.; 4, с. 86; 5, с. 143]). Сёння гэтая тэрыторыя ўваходзіць у межы Полацка і размешчана на ўсход ад вуліцы Юбілейнай. Двары і “грунты” маёнтка Прасмужкі ў кнізе 1727 г. і род заняткаў яго жыхароў па апісанні былі ідэнтычныя забудове і заняткам насельніцтва старадаўніх полацкіх

пасадаў. Фактычна двор Прасмужкі ў 1720-х гг. меў статус пасадскай тэрыторыі, нароўні з левабярэжнай часткай Полацка – Крыўцовым і Экіманскім пасадамі. Гэтую выснову падмацоўваюць найменні кштальту “мешчанін полацкі з Прасмужак”.

Шмат разоў у кнізе згадваецца сельскагаспадарчае прадмесце ў Бельчыцы (“Кабак¹ Бельчыцкі ці Баханьскі”, частка Крыўцовага пасада), на якім пераважна размяшчаліся агароды, засяяныя ячменем, і сенажаці [1, с. 95]. Памеры агародаў і сенажаці тут былі большыя за звычайныя надзелы зямлі на Вялікім пасадзе, Запалоцці ці ў Прасмужках і вызначаліся ў памеры да некалькіх пляцаў². Падвор’і “на Кабаку” былі абнесены пло-там (відавочна, драўляным), мелі вароты [1, с. 101].

Гэты “Кабак Бельчыцкі ці Баханьскі” па статусе быў аналагічны двару Прасмужкі, паколькі перыядычна цалкам ці часткова здаваўся ў арэнду розным уладальнікам.

Упершыню ў кнізе 1727 г. мы знайшлі звесткі пра вуліцу Скурачынскую ў Запалоцці [1, с. 163].

З бліжэйшых полацкіх ваколіц згадваецца вёска Ропна, якая і сёння знаходзіцца на аддаленасці 5 км на захад ад Запалоцця, у той час гэтую вёску атачаў лес. Адзін з запісаў паведамляе, што “злудзей закапаў пад Полацкам на Ропне, у лесе” частку скрадзеных пенязяў [1, с. 166]

Бадай, самае цікавае тапаграфічнае апісанне кнігі тычыцца тэрыторыі каля Ніжняга замка³ і старажытнага полацкага гарадзішча⁴. Так, у запісе ад 23 чэрвеня гаворка ідзе пра продаж чатырох надзелаў зямлі, размешчаных на поўнач ад Ніжняга замка. Гэтая тэрыторыя цікавая тым, што тут пралягаюць два рэчышча ракі Палаты – старое і новае. Старое рэчышча Палаты (азярына і пратокі пад назвай “Палацішча”) атачае гарадзішча з поўначы і захаду, з усходу яно засыпана зямлёй, па якой пракладзена дарога на гарадзішча. Па сведчаннях мясцовых старажылаў, гэтая дарога і насып былі зроблены пасля 1948 г., калі пачалася актыўная забудова былога гарадзішча⁵.

Пра будаўніцтва Ніжняга замка, паводле Р. Гейдэнштэйна, вядома наступнае: да 1563 г. горад стаяў “при подошве холма, который москвитяне впоследствии заняли Стрелецкою крепостью” [6, с. 54]. Вусныя паданні пра змену рэчышча Палаты дажываюць у горадзе да XX ст., звесткі пра іх сустракаюцца ў паведамленнях Зарыяна Далэнгі-Хадакоўскага і Івана Пятровіча Дэйніса. У прыватнасці, у 1822 г., падчас наведвання Полацка, З. Далэнга-Хадакоўскі занатаваў наступнае: “Полоцк на Двине, главное место древних полочан, имеет кроме замков особое Городище меж старого и нового течения реки Полоты – оно видно при въезде в Полоцк на левой стороне и употреблено для кладбища. Несмотря на то что тут часто роются, однако еще приметен насыпной чернозем” [7, с. 111]. У паведамленні З. Далэнгі-Хадакоўскага прама згадана існаванне старога рэчышча Палаты. Таксама аўтар па-

¹ Тэрмін “кабак” у дачыненні да мясцовасці каля Бельчыц фіксуецца ў кнігах полацкага магістрата з XVIII ст. і з’яўляецца ўстойлівым маркерам гістарычнай тапаграфіі Полацка таго часу.

² Плошча пляца, па рэвізіі 1765 г., намі была вызначана ў дыяпазоне ад 1077 да 1236 кв.м., звычайна на Вялікім, Запалоцкім і Крыўцовым пасадах зямельныя надзелы мяшчан і шляхты складалі $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ часткі пляца, што было каля 125–150, 250–300, 500–600 кв.м адпаведна.

³ Ніжні замак быў пабудаваны ў 1563 г. па загадзе Івана Грознага падчас захопу Полацка ў гады Лівонскай вайны. Будаўніцтва замка істотна змяніла гістарычную тапаграфію Полацка. Для насыпання вала Ніжняга замка, які сярод палачан і зараз называецца “вал Івана Грознага”, было пракапана новае рэчышча Палаты. З таго часу за Замкавай гарой пры вусці Палаты замацавалася назва “Верхні замак”, а старажытнае гарадзішча аказалася адрэзаным новым рэчышчам Палаты ад Вялікага пасада. У XVIII ст. Ніжні замак канчаткова страціў сваё абарончае значэнне.

⁴ Старажытнае полацкае гарадзішча, ці “Рагвалодава гарадзішча”, з’яўляецца першапачатковым дзяцінцам Полацка, своеасаблівым “пунктам адліку” гістарычнай тапаграфіі Полацка. Было заселена з I тыс. н. ч., у XVIII ст. на гарадзішчы размяшчаліся каталіцкія могілкі.

⁵ Гэтыя звесткі занатаваны намі падчас раскопак на полацкім гарадзішчы ў 2007 г.

ведамляе пра наяўнасць культурнага пласта (“насыпнага чарназёму”) у падножжа гарадзішча, па якім быў пракладзены ўзвоз з усходняга боку, які і сёння размешчаны там жа. І.П. Дэйніс занатаваў паданне пра капанне новага рэчышча Палаты і падрабязна разгледзеў яго з апорай на вядомыя яму крыніцы ў рукапісе “Полацкай даўніны” [8, с. 12].

Запісы ў кнізе 1727 г. таксама пацвярджаюць захаванне ў той час гістарычнай памяці пра падзеі 1563 г. і прадстаўляюць новыя даныя пра змену рэчышча Палаты падчас будаўніцтва Ніжняга замка: “Другі грунт, памерам паўтары чвэрці пляца ... там жа, над ракой Палатой, над шляхецкім былым млынам лежачы, з аднаго боку вуліцы, названай Сабачай, з другога боку ад рова альбо перакопу маскоўскага”¹, “трэці грунт на цэлы пляц над млынам таксама шляхецкім, дзе перад тым паркан быў, перакопам праз Маскалёў канец таго пляца перакапаны... тыльным бокам да самага перакопу альбо шанца маскоўскага прылеглы” [1, с. 168]. Дадзенае паведамленне сведчыць, па-першае, пра наяўнасць перакопу (старога рэчышча Палаты), па-другое, пра наяўнасць паркана (відавочна, гэта паркан Вялікага пасада, які ў XVIII ст. ужо не аднаўляўся) і, па-трэцяе, пра мэтавае прызначэнне перакопу – для будаўніцтва “шанца”² Ніжняга замка, вядомага ў Полацку пад назвай “вал Івана Грознага”.

Дарэчы, працытаваны запіс з кнігі не адзінкавы, дзе згадваюцца гарадскія ўмацаванні. Так, дакумент ад 27 чэрвеня сведчыць пра наяўнасць у “месце Полацкім” на вуліцы Невельскай у накірунку ад рынку ўчастка зямлі, які размешчаны “з аднаго боку каля грунціку яго міласці пана Пятра Мінгайлы, з другога боку – каля перакопу месцага” [1, с. 178]. “Перакоп месці” – гэта абарончы роў паркана.

Сродкі перамяшчэння. Традыцыйнымі сродкамі перамяшчэння па рацэ Дзвіне, згаданымі ў кнізе, былі чоўны. На чоўнах перавозіліся тавары, нярэдка на вялікія сумы [1, с. 125]. Паводле кнігі полацкага магістрата за 1656–1657 гг. вядома, што чоўны аснашчаліся ветразямі (згадваецца “ветразь чоўнавы”) [2, арк. 273].

Аб’екты нерухомасці. Кніга ўтрымлівае акты, у якіх называюцца аб’екты нерухомасці без іх дэтальнага апісання (напрыклад, “дом”, “свіран”, “гумно” і інш.). Найбольш інфарматыўнымі з’яўляюцца паведамленні такога роду: за парканам на вуліцы Ільінскай згадана “старое гумно” бурмістра Яна Лянчыцкага, якое было агароджана “занядбалым парканам” [1, с. 127], ці паведамляецца пра “згарэлы стары будынак” на пляцы, размешчаны паміж вуліцамі Ільінскай і Прабойнай, “на самым рагу” [1, с. 85].

Цэнтральныя гарадскія вуліцы, як, напрыклад, Вялікая ў Запалоцці, масцілася дрэвам (у тэксце літаральна пазначана “кладка” – драўляная брукаванка) [1, с. 259]. Адсылка ў тэксце пра “накірунак ад кладак вуліцы ў бок завулка” можа сведчыць пра адсутнасць брукавання другарадных гарадскіх вуліц ці завулкаў.

Рамесныя прафесіі. Сярод рамесных прафесій згадваюцца кушнеры, краўцы, шапачнікі, шаўцы, ткачы, гарбары, слесары, цырульнікі. Згаданы і цэхі (краўцоў, шапачнікаў і кушняроў). Сярод працоўнага люду згадваюцца бабылі – асобы “без вызначанага роду заняткаў”, якія “жывуць з працы сваіх рук” [1, с. 58, 78, 83, 88, 109, 135, 206, 222]. Натуральна, у кнізе прадстаўлены далёка не ўсе рамесныя прафесіі Полацка першай трэці XVIII ст., а толькі тыя з іх, якія трапілі ў разгляд магістрацкіх паседжанняў.

Нерухомае маёмасць. Традыцыйна ў тэстаментах шляхты і мяшчан пералічваецца шмат рэчаў з рухомай маёмасці (пераважна адзенне, тканіна, дарагія по-

¹ Тут і далей пры цытаванні крыніцы прадстаўлены аўтарскі пераклад з польскай на беларускую мову.

² У дадзеным выпадку пад тэрмінам “шанец” трэба разумець агульную назву палявых умацаванняў без вызначэння іх віду.

суд, упрыгожанні і інш.), пералік іх багаты і ў асобных справах, звязаных з вопісам маёмасці, у прыватнасці, у некаторых актах аб крадзяжах. Адзначым таксама, што пералік рухомай маёмасці з асобных скарбовых “скрынь” займае некалькі старонак, як, напрыклад, рэчаў са скрыні нябожчыцы Марыяны Мушынскай. У вопісе пералічаны ўсе рэчы, падрабязна апісаны іх стан і колькасць. Вопіс зроблены па наступных катэгорыях: сукны, хусты, срэбра, золата, пенязі, каштоўныя паперы [1, с. 247–254]. Аднак, бадай, самым цікавым прадметам, згаданым у актавай кнізе, з’яўляюцца “акуляры ў футарале” [1, с. 111].

Рысы побыту. У кнізе згадваюцца асаблівасці побыту мяшчан і шляхты. Па справе аб крадзяжы трох мяхоў жыта бабылямі Філіпам Гулідычам і Якімам Жакам паведамляюцца наступныя дэталі: скрадзенае жыта было схавана на ложку, жыта знаходзілася ў мяху з радніны і было накрыта спадніцай [1, с. 82].

Адзначым яшчэ адну цікавую дэталю побыту: на хрэсьбінах нехта Філіп Гулідыч частаваў хросных бацькоў “кашай з аліўкавым алеем і з перцам”. Праўда, далей ідзе рэмарка: “елі кашу не з аліўкавым алеем, а з алеем” [1, с. 83]. З пункту гледжання сённяшніх кулінарных пераваг каша з алеем і перцам відавочна здзіўляе. Дарэчы, абвінавачаныя ў крадзяжы бабылі жылі “з працы рук”, гэта значыць, “перабіваліся” часовымі заробкамі.

Згадваюцца ў кнізе і аб’екты крадзяжоў (напрыклад, лес з пушчы, якая належала Глеба-Барысаўскаму базыльянскаму кляштару). Уяўляе цікавасць і спалучэнне ў дачыненні да старажытнага Бельчыцкага манастыра назвы “Глеба-Барысаўскі” замест традыцыйнага “Барыса-Глебскі”. Згадана тут і “вулічнае” ўзбраенне, з дапамогай якога мяшчане напалі на вікарыя (гэта “кіі” і “драгі”) [1, с. 71].

Заклучэнне

Такім чынам, запісы ў кнізе актаў магістрата Полацка за 1727 г. нароўні з рэдкімі і цікавымі назіраннямі за паўсядзённым жыццём насельніцтва Полацка сведчаць пра захаванне гістарычнай памяці пра “маскоўскі перакоп” у першай трэці XVIII ст. Гэта пацвярджае ўстойлівае захаванне гістарычнай памяці пра падзеі далёкага мінулага ў Полацку ў эпоху ранняга новага часу.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Кніга магістрата места Полацка 1727 г. – Беласток : Беларускае навуковае таварыства. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2012. – 406 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 1823. Воп. 1. Спр. 1. Актавая кніга Полацкага магістрата за 1656–1657 гг.
3. НГАБ. – Фонд 1823. Воп. 1. Спр. 17. Актавая кніга Полацкага магістрата за 1732 г.
4. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 6 вып. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР. – М., 1977–1989. – Вып. 1 / сост. А. Л. Хорошкевич. – 1977. – 228 с.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 6 вып. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР. – М., 1977 – 1989. – Вып. 2 / сост. А. Л. Хорошкевич. – 1978. – 220 с.
6. *Гейденштейн, Р.* Записки о Московской войне (1578–1582) / Р. Гейденштейн. – СПб. : Издание археографической комиссии, 1889. – 309 с. [указатели – 27 с.].
7. *Далэнга-Хадакоўскі, З.* Выбранае / З. Далэнга-Хадакоўскі. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 448 с.
8. *Дэйніс, І. П.* Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс ; уклад., прад. і камент. М. Баўтовіча ; пер. з руск. мовы М. Ермалаева. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.06.2020 г.

Кантакты: rector@msu.by

(Дук Дзяніс Уладзіміравіч)

Duk D. OBSERVATIONS OF POLOTSK DAILY LIFE (based on the acts of the Polotsk Magistrate book of 1727).

According to the Polotsk Magistrate book dated 1727 the author has studied the information about the internal (everyday) life of citizens and the urban environment of Polotsk. The book presents unique data on the preservation of historical memory in the names of the topographic objects of Polotsk ("Moskovski perekop"). It is concluded that in fact the suburban courtyard of Prasmuzhka at least in the 1720s had the status of Polotsk Posad. The information about the everyday life of Polotsk citizens is presented in the description of certain categories of immovable and movable objects.

Keywords: Polotsk, Polotsk Magistrate book, historical topography, everyday life, trade.

УДК 903.4/5(476.1):930.2

РАЗВЕДАЧНЫЯ РАСКОПКІ НА БЕРАЗЕ ВОЗЕРА НАЎРЫ Ў 2017 г.

У. А. Плавінскі

выкладчык кафедры археалогіі
і спецыяльных гістарычных дысцыплін
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

М. А. Плавінскі

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных навук і ўстойлівага развіцця
Міжнародны дзяржаўны экалагічны інстытут імя А.Д. Сахарава

У ліпені 2017 г. археалагічная экспедыцыя гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам У.А. Плавінскага праводзіла разведачныя даследаванні на беразе возера Наўры. У выніку даследаванняў 2017 г. на паўднёва-ўсходнім беразе возера было выяўлена шматкультурнае паселішча, культурны слой якога ўтрымлівае матэрыялы трох храналагічных перыядаў: крамянёвыя артэфакты эпохі мезаліта – бронзавага веку, фрагменты ляпного посуду позняга этапу культуры штрыхаванай керамікі, кругавую кераміку позняга Сярэднявечча і эпохі Новага часу.

Ключавыя словы: археалагічныя раскопкі, комплекс археалагічных помнікаў, Мядзельскі раён Мінскай вобласці.

Комплекс пахавальных помнікаў Наўры: тапаграфія і гісторыя вывучэння

Комплекс пахавальных помнікаў эпохі ранняга Сярэднявечча каля вёскі Наўры Сваткаўскага сельскага савета Мядзельскага раёна Мінскай вобласці (мал. 1) вядомы ў навуковай літаратуры з канца XIX ст. [1, с. 22]. Помнік унесены ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь як помнік катэгорыі 3 пад нумарам 613В000446 [2, с. 570].

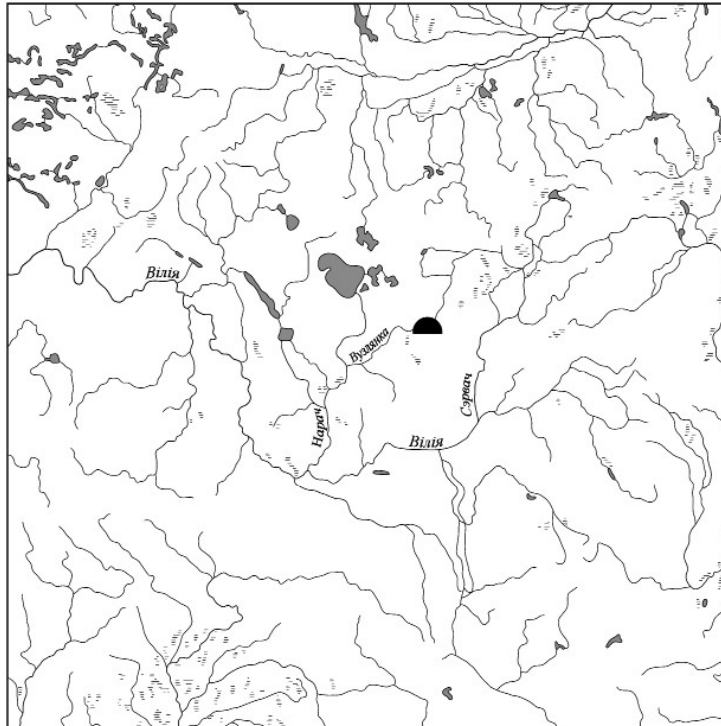
У склад комплексу пахавальных помнікаў у Наўрах да 2017 г. уваходзілі тры курганныя групы і бескурганны могільнік, прылеглы да адной з іх. Асноўная курганная група – Група I – першапачаткова, верагодна, налічвала не менш за 117 насыпаў [3, с. 320]. Пахаванні ў ёй здзяйсняліся на працягу XI–XII стст. па абрадзе інгумацыі (за адзіным выключэннем). Група II знаходзіцца за 400 м на поўдзень – паўднёвы ўсход ад вёскі Наўры і складаецца з 12 моцна пашкоджаных курганоў. Да гэтай групы прылягае бескурганны могільнік з пахаваннямі па абрадзе крэмацыі [4]. Група III вядомая толькі паводле апісання А. Цэгак-Галубовіч. Яна размяшчалася на адлегласці менш за 100 м на ўсход ад асноўнай курганнай групы [5].

Раскопкі ў Наўрах былі распачатыя ў 1934 г. экспедыцыяй археалагічнага музея Віленскага ўніверсітэта імя Стэфана Баторыя пад кіраўніцтвам А. Цэгак-Галубовіч. Супрацоўнікі экспедыцыі даследавалі 24 насыпы ў асноўнай групе могільніка (Група I). Акрамя таго, было раскапана 5 курганоў у Групе III [5. S. 5]. У 1975 і 1985 гг. могільнік у Наўрах абследаваў Я.Г. Звяруга. Ён выявіў і ўпершыню апісаў курганную Групу II [6, с. 84]. У 1987 г. раскопкі ў Наўрах былі адноўленыя археалагічнай экс-

© Плавінскі У. А., 2020

© Плавінскі М. А., 2020

педыцыяй Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам В.Н. Рабцэвіча і А.М. Плавінскага, якія даследавалі 9 курганоў у Групе I [7, с. 127].

Мал. 1. Комплекс археалагічных помнікаў Наўры на мапе Павілля

Новы этап раскопак некропаля ў Наўрах распачаўся ў 2012 г. пад кіраўніцтвам М.А. Плавінскага. З 2012 па 2017 г. у асноўнай курганнай групе могільніка было даследавана 10 насыпаў з інгумацыямі. І толькі ў адным кургане (№ 70) выяўлена парнае пахаванне – інгумацыя і крэмацыя [3; 8; 9; 10]. Такім чынам, агульная колькасць курганоў, даследаваных у групе I могільніка Наўры, склала 43. Час функцыянавання курганнай групы можа быць вызначаны ў межах XI–XII стст. Яна была пакінута калектывам жыхароў заходняга памежжа Полацкай зямлі [3, с. 321].

У 2017 г. пад кіраўніцтвам А.М. Плавінскага былі распачатыя раскопкі курганнай групы II, дзе даследаваны курган 12, які ўтрымліваў два пахаванні па абрадзе крэмацыі культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў. Яны могуць быць датаваныя фінальным этапам існавання гэтай культуры ў міжрэччы Заходняй Дзвіны і верхняй Віліі – X – пачаткам XI ст. Непадалёк ад кургана 12, быў даследаваны ўчастак тэрыторыі бескурганнага могільніка, які на дадзены момант можна папярэдне датаваць канцом I – пачаткам II тыс. н.э. (найбольш верагодна, у межах X – сярэдзіны XI ст. [4])

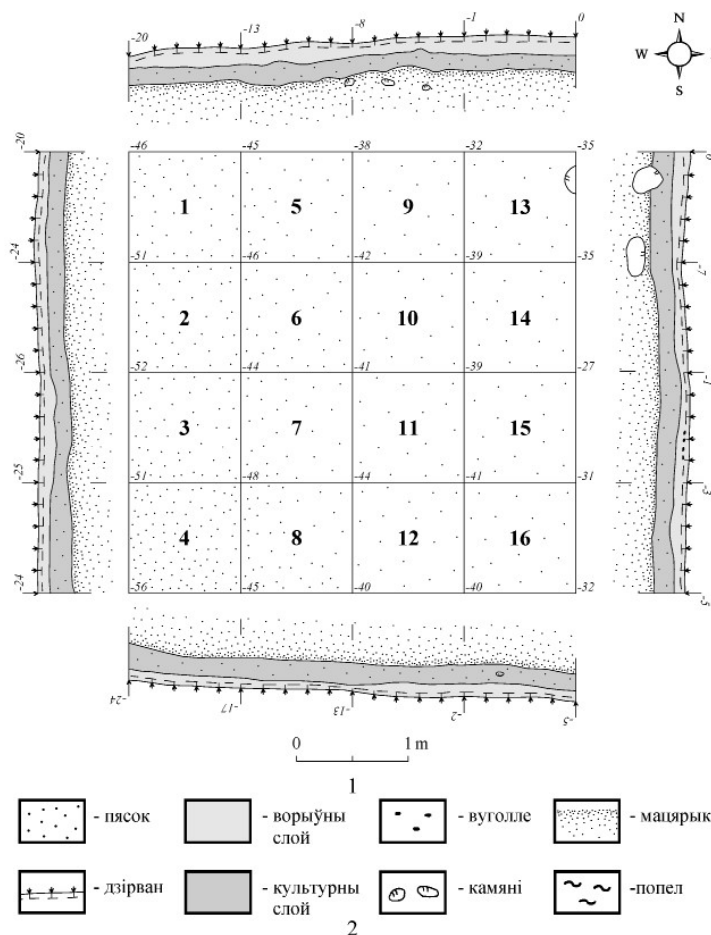
На сённяшні дзень комплекс пахавальных помнікаў Наўры з’яўляецца адным з найбольш поўна і дэталёва вывучаных некропаляў эпохі ранняга Сярэднявечча ў Верхнім Павіллі. Акрамя таго, матэрыялы раскопак, якія праводзіліся ў Наўрах у 1934, 1987, 2012, 2015 і 2016 гг., былі дастаткова поўна апублікаваныя (а вынікі даследаванняў 1934, 2012 і 2015 гг. апублікаваныя цалкам, уключаючы антрапалагічныя вызначэнні косных парэшткаў нябожчыкаў [3]). Гэты факт дазваляе разглядаць некропаль у Наўрах у якасці эталоннага пахавальнага помніка эпохі

ранняга Сярэднявечча для рэгіёна Верхняга Павілля і ўсёй тэрыторыі заходняга памежжа Полацкага княства.

Аднак да 2017 г. не было выяўлена паселішча (ці паселішчаў) эпохі ранняга Сярэднявечча, сінхроннага (сінхронных) часу функцыянавання некропаля, без чаго паўнаважасная рэканструкцыя сацыяльнай структуры і гаспадарчых заняткаў старажытнага калектыву, які хаваў тут сваіх нябожчыкаў, застаецца надзвычай праблематычнай. Аднак, асноўнай мэтай разведаных раскопак на беразе возера Наўры, якія праводзіліся У.А. Плавінскім на падставе Дазволу № 3058 па форме 2, было выяўленне і пачатак вывучэння пасяленчых помнікаў эпохі ранняга Сярэднявечча, сінхронных курганам I і II могільніка Наўры.

Разведаныя раскопкі на беразе возера Наўры. Шурф I

Шурф I быў закладзены на паўночна-ўсходнім беразе возера Наўры, справа ад грунтавой дарогай, якая ідзе з вёскі на паўднёвы захад, уздоўж усходняга і паўднёва-ўсходняга берагоў возера. Шурф меў квадратную форму 4×4 м і, адпаведна, плошчу 16 кв.м. Паверхня пляцоўкі, на якой быў закладзены Шурф I, крыху паніжалася з паўночнага ўсходу да паўднёвага захаду – у накірунку берага возера Наўры.

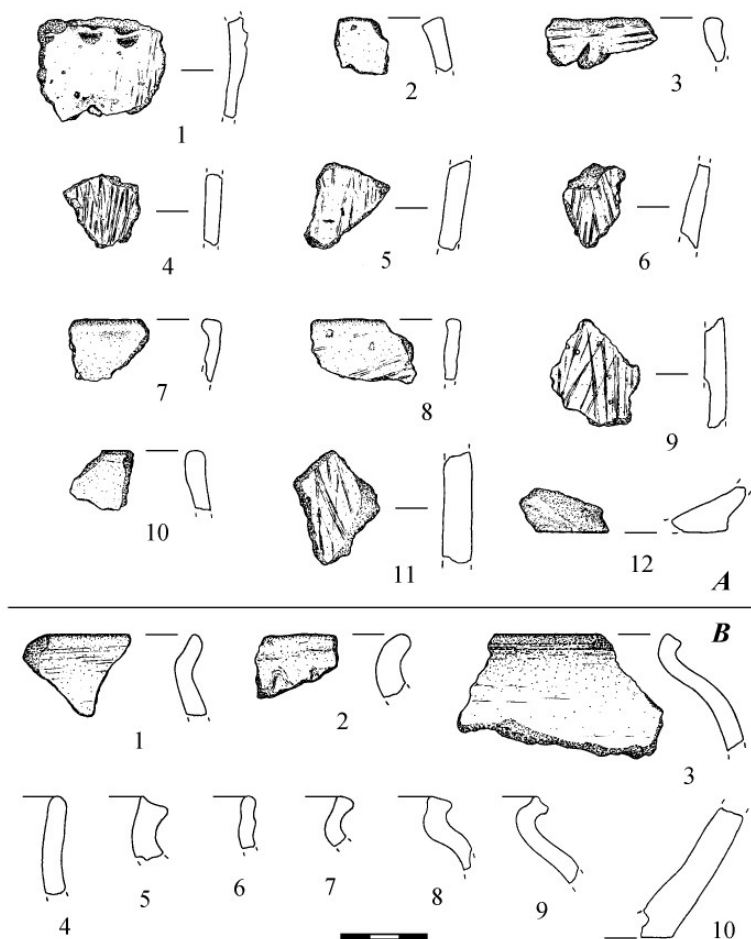

Мал. 2. Наўры 2017. Шурф I: 1 – План мацерыка і профілі шурфа, 2 – умоўныя пазначэнні (мал. У.А. Плавінскага)

Паверхня шурфа была пакрыта слоём дзірвану магутнасцю каля 0,05 м (месцамі – да 0,08–0,1 м (мал. 2:1)). Пад дзірваном быў выяўлены слой перамяшанага ворывам гумусу светла-шэрага колеру магутнасцю 0,15–0,18 м. Пад ім знаходзіўся непашкоджаны ворывам культурны пласт магутнасцю 0,12–0,2 м цёмна-шэрага колеру. Такім чынам, агульная магутнасць напластаванняў у Шурфе I дасягала 0,35–0,36 м. Мацярык складаўся з дробнага цёмна-жоўтага пяску з асобнымі камянямі памерам да 0,35 м. Яго паверхня плаўна паніжалася з паўночнага ўсходу да паўднёвага захаду – у накірунку берага возера Наўры.

Масавыя знаходкі з Шурфа I могуць быць падзеленыя на тры катэгорыі, якія належаць да трох розных храналагічных перыядаў: кругавая кераміка, ляпная кераміка, апрацаваны крэмень.

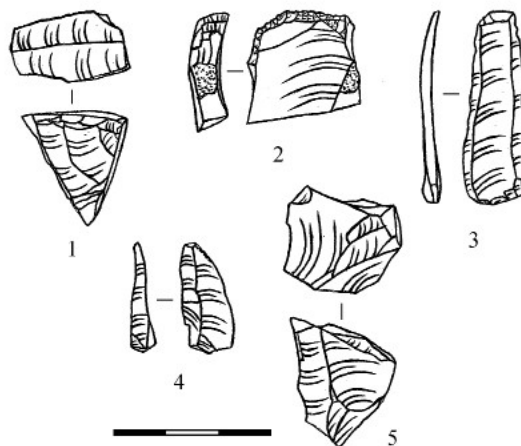
Знаходкі кругавой керамікі адрозніваюцца пераважна дробнымі памерамі (каля 3×3 см), што, відавочна, тлумачыцца іх пашкоджаннем у выніку шматразовага разворвання дадзенага ўчастка. Паводле тэхналогіі вытворчасці і прафілёўкі венцаў і донцаў выяўленая ў Шурфе I кругавая кераміка можа быць аднесена да познясярэднявечнага перыяду і Новага часу (мал. 3В).

Мал. 3. Наўры 2017. Шурф I: А – ляпная штрыхаваная кераміка, В 1 – кругавая кераміка (мал. М.А. Плавінскага)

Фрагменты ляпной керамікі таксама пераважна дробныя (каля 3×3 см), што можа быць патлумачана іх пашкоджаннем падчас ворыва. Выяўленая ў Шурфе I ляпная кераміка была выраблена з цеста з дамешкам некалібраванай жарсты (кварцыту) і адрозніваецца нераўнамерным абпалам. Знешняя паверхня абсалютнай большасці фрагментаў пакрыта нераўнамернай штыхоўкай (мал. 3А). Мяркуючы па нешматлікіх захаваных фрагментах венцаў, яны належалі да посуду рабрыстых формаў з рабрынай у верхняй частцы пасудзіны і венцам, крыху адагнутым унутр (мал. 3А:2–3, 7, 10). На адным фрагменце плечука з зусім лёгка пазначанай рабрынай маюцца добра выяўленыя сляды гарызантальных пальцавых зашчапаў (мал. 3А:1). Выяўленая ляпная кераміка на падставе яе марфалагічных і тыпалагічных прыкмет можа быць упэўнена аднесена да позняга этапу культуры штрыхаванай керамікі і датаваная сярэдзінай I ст. да н.э. – III ст. н.э. [11, с. 111–112;]. На думку А.М. Мядзведзева, пераход носьбітаў культуры штрыхаванай керамікі з гарадзішчаў на селішчы ў Беларускай Панямонні адбыўся прыблізна ў 150–250 гг. н.э. [12, с. 79].

Сярод знаходак апрацаванага крэменю вылучаюцца нуклеусы (мал. 4:1, 5), пласціны (мал. 4:3), у тым ліку з рэтушшу (мал. 4:4), скрабок (мал. 4:2). Вузкага датавання выяўленыя крамянёвыя артэфекты не маюць і могуць быць датаваныя ў шырокіх храналагічных межах – ад ад эпохі мезаліту да бронзавага веку¹.

Мал. 4. Наўры 2017. Шурф I. Крэмень са слядамі апрацоўкі
(мал. А.Ф. Касюк)

Аналіз пластаграфіі масавых знаходак у Шурфе I дазваляе меркаваць, што перадамацерыковая частка культурных напластаванняў засталася найменш пашкоджанай разворваннем і ўтрымлівае найбольшую колькасць знаходак апрацаванага крэменю і ляпной штрыхаванай керамікі.

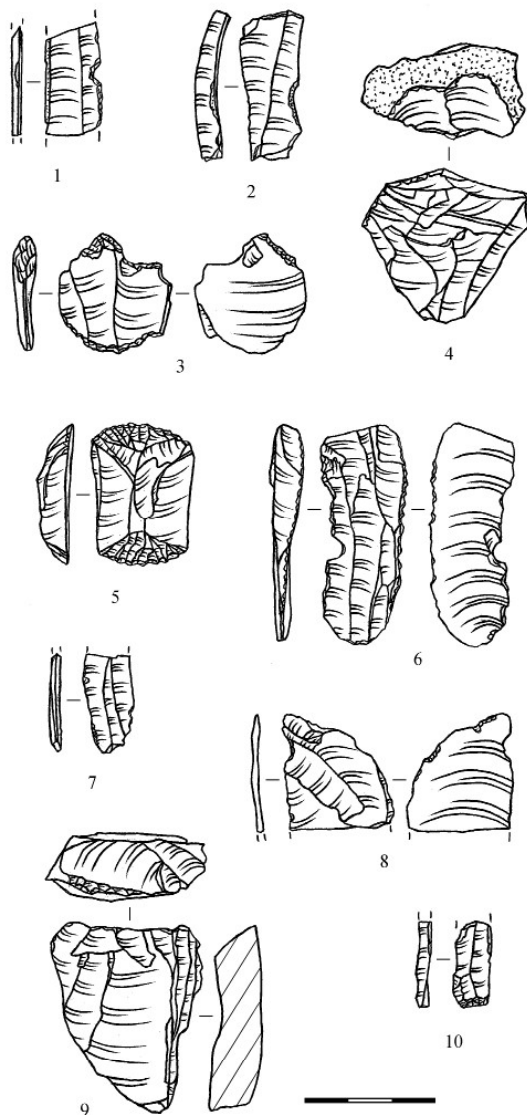
Павярховыя зборы

Паралельна з распрацоўкай Шурфа I ажыццяўлялася абследаванне берагоў возера Наўры. У выніку былі выяўлены два ўчасткі, дзе пад'ёмныя матэрыялы сустракаліся часцей, чым у іншых месцах.

Участак I размяшчаўся на ворыўным полі на заходнім беразе возера, якое на момант правядзення павярховых збораў было засеяна канюшынай. Падчас візуальнага

¹ Вызначэнне крамянёвых артэфектаў з разведаных раскопак 2017 г. здзейснена навуковымі супрацоўнікамі аддзела археалогіі першабытнага грамадства А.М. Вашанавым, С.Б. Ліневічам і А.Ю. Ткачовым, за што аўтары прыносяць ім шчырую падзяку.

абследавання на Участку I быў выяўлены шэраг крамянёвых артэфактаў, у тым ліку пласціны, адшчэпы, камбініраваны выраб (скрабок + пракрутка, пракрутка, аформленая супрацьлеглай рэтушшу (мал. 5:1–4)), а таксама нешматлікія дробныя фрагменты кругавога посуду. Выяўленыя крамянёвыя матэрыялы могуць быць датаваныя ў шырокіх храналагічных межах – ад эпохі мезаліту да бронзавага веку.

Мал. 5. Наўры 2017. Пад'ёмны матэрыял. Крэмень са слядамі апрацоўкі: 1–4 – Участак I, 5–10 – Участак II (мал. А.Ф. Касюк)

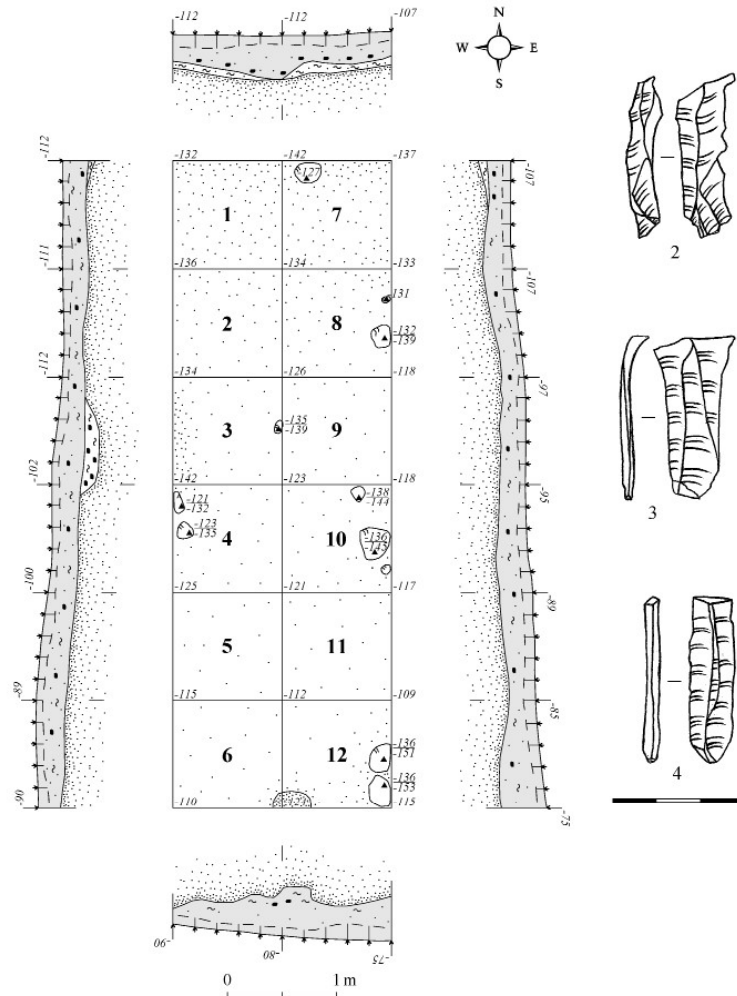
Участак II знаходзіўся на ворыўным полі на паўднёвым – паўднёва-заходнім берагах возера Наўры, якое на момант правядзення павярховых збораў заставалася незасеяным. Падчас яго візуальнага абследавання былі выяўлены знаходкі апрацаванага крэменю, у тым ліку: тарцавы двухканцовы скрабок на пласціне (мал. 5:5), рэтушаваныя пласціны (мал. 5:6–7), адшчэпы (мал. 5:8), нуклеус (мал. 5:9), мікрапласцінка

(мал. 5:10). Выяўленыя матэрыялы могуць быць датаваныя ў шырокіх храналагічных межах – ад ад эпохі мезаліту да бронзавага веку. Акрамя таго, на Участку II было знойдзена венца пасудзіны, верагодна ляпной ці падпрацаванай на паваротнай дошцы, ці марудным ганчарным крузе са слаба выяўленай рабрынай па плечуку, і два венцы кругавых пасудзін, якія могуць быць датаваныя часам не раней за XIX ст.

Аналіз тапаграфіі знаходак пад'ёмнага матэрыялу на Участках I і II дазволіў выказаць меркаванне пра магчымасць размяшчэння тут паселішча ці паселішчаў каменнага веку. З мэтай праверкі гэтай гіпотэзы былі закладзены Шурфы II і III.

Разведачныя раскопкі на беразе возера Наўры ў 2017 г. Шурфы II–IV

Шурф II быў закладзены на паўднёва-ўсходнім беразе возера Наўры на краі Участка II збору пад'ёмнага матэрыялу, у непасрэднай блізкасці да крайніх паўночна-заходніх насыпаў курганный групы II. Шурф меў прамавугольную форму 6×2 м, плошчу 12 кв.м і быў арыентаваны доўгім бокам па лініі поўнач – поўдзень. Пляцоўка, на якой быў закладзены Шурф II, крыху паніжалася з поўдні да поўначы – у накірунку берага возера Наўры.

Мал. 6. Наўры 2017. Шурф II: 1 – план мацерыка і профілі шурфа, 2–4 – крэмень са слядамі апрацоўкі (1 – мал. А.Ф. Касюк і У.А. Плавінскага, 2–4 – мал. А.Ф. Касюк)

Паверхня шурфа была пакрыта слоем дзірвану магутнасцю каля 0,05–0,1 м (мал. 6:1). Пад ім быў выяўлены слой гумусаванай глебы цёмна-шэра-карычневага колеру са шматлікімі вугольчыкамі і ўключэннямі попелу шэрага колеру магутнасцю ад 0,1 да 0,25 м.

Фактычна гэта звычайны падзолісты слой, насычаны вугаллем і попелам. У ім быў выяўлены шэраг камянёў памерам ад 0,1 да 0,3 м са слядамі знаходжання ў агні. Непасрэдна пад гэтым слоем выяўлены мацерык, які складаўся з цёмна-жоўтага пяску, на якім таксама знойдзена некалькі камянёў памерам ад 0,1 да 0,3 м. Паверхня мацерыка ў Шурфе II паніжалася з поўдня да поўначы – у накірунку берага возера Наўры. У квадраце 3, а таксама ў квадратах 6 і 12 у мацерыку былі выяўленыя паглыбленні глыбінёй да 0,1–0,15 м, запоўненыя вугаллем і попелам (мал. 6:1).

Па ўсёй плошчы Шурфа II на ўсю глыбіню даследаванняў напластаванняў сустракаліся дробныя фрагменты сучаснага бітага шкла і пробкі ад бутэлек. Такія ж матэрыялы былі знойдзены і ў мацерыковых паглыбленнях, запоўненых вугаллем і попелам. Можна ўпэўнена меркаваць, што якіх-небудзь старажытных культурных напластаванняў у Шурфе II выяўлена не было, а фармаванне яго стратыграфіі тлумачыцца тым, што на гэтым участку паўднёва-ўсходняга берага возера Наўры перманентна функцыянуе неабсталяваная турыстычная пляцоўка. Разам з тым падчас распрацоўкі Шурфа II былі знойдзены асобныя крамянёвыя артэфекты, у тым ліку пласцінкі (мал. 6:2–4), адшчэпы і лускавінкі. Выяўленне гэтых знаходак дазваляе сцвярджаць пра наяўнасць пэўнай гаспадарчай дзейнасці жыхароў размешчанага недзе побач паселішча ў перыяд ад мезаліту да бронзавага веку.

Шурф III быў закладзены на паўднёва-заходнім беразе возера Наўры на паўднёва-ўсходнім краі Участка I збору пад'ёмнага матэрыялу. Шурф быў закладзены на адносна роўнай пляцоўцы, меў прамавугольную форму 6×2 м, плошчу 12 кв.м і быў арыентаваны доўгім бокам па лініі понач – поўдзень.

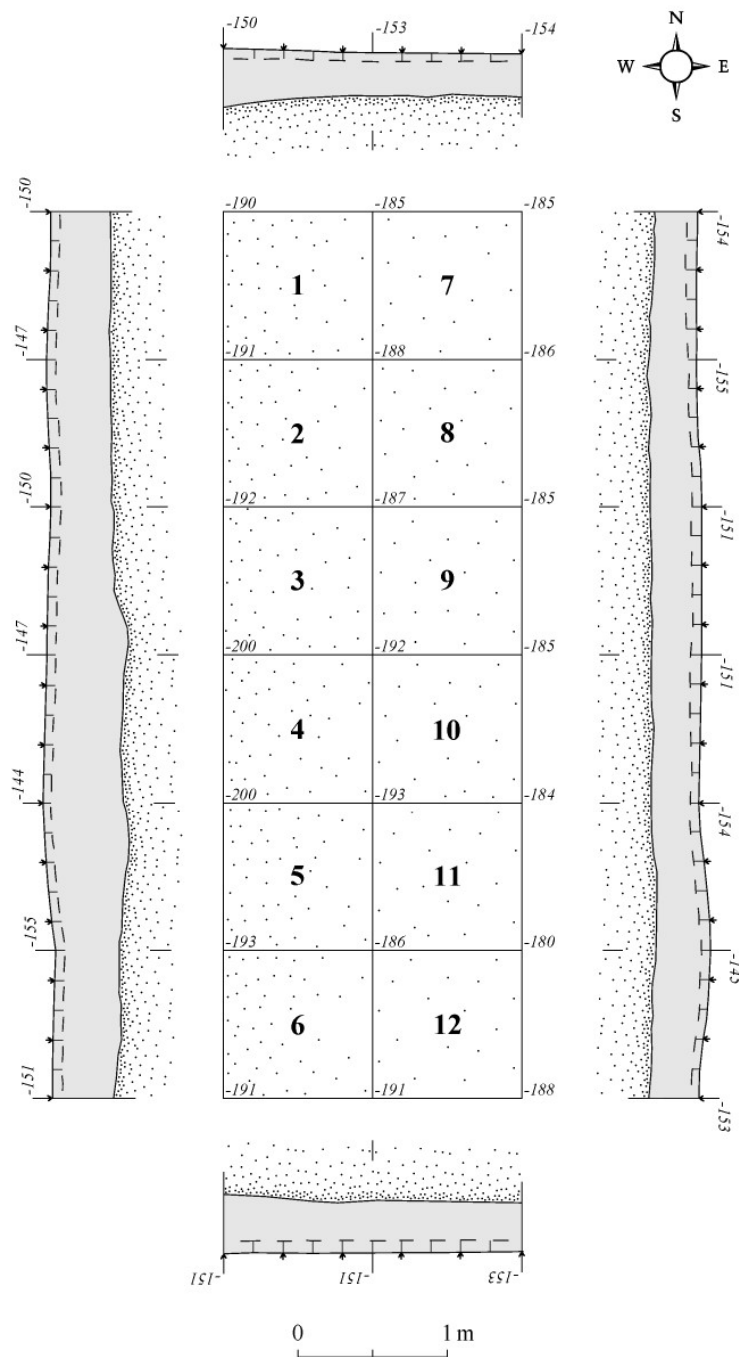
Паверхня шурфа была пакрыта слаба выяўленым слоем дзірвану магутнасцю каля 0,04–0,07 м, які сфармаваўся ў выніку высявання канюшыны, непасрэдна пад якім выяўлены моцна перамышаны машынным ворывам слой гумусу цёмна-шэрага колеру магутнасцю да 0,25–0,45 м (мал. 7). Дадзены слой, відавочна, мае прыроднае паходжанне. Мацерык складаўся з дробназярністага пяску шэра-жоўтага колеру. Мацерыковая паверхня ў Шурфе III роўная.

Такім чынам, старажытныя культурныя напластаванні ў Шурфе III адсутнічаюць. Аднак падчас яго распрацоўкі былі знойдзены асобныя крамянёвыя артэфекты, у тым ліку пласцінкі, адшчэпы і лускавінкі (мал. 8), а таксама асобныя дробныя фрагменты кругавога посуду Новага часу. Выяўленне гэтых знаходак дазваляе сцвярджаць пра наяўнасць пэўнай гаспадарчай дзейнасці жыхароў размешчанага недзе побач паселішча ў перыяд ад мезаліту да бронзавага веку, а таксама ў Новым часе.

Шурф IV быў закладзены на паўночна-ўсходнім беразе возера Наўры з мэтай вызначэння межы выяўленага падчас распрацоўкі Шурфа I паселішча. Шурф меў прамавугольную форму 4×2 м, плошчу 8 кв.м і быў арыентаваны доўгім бокам па лініі понач – поўдзень. Ён размяшчаўся на адносна роўнай пляцоўцы з невялікім паніжэннем (да 0,1 м) па лініі захад – усход.

Стратыграфія Шурфа IV у агульных рысах супадае са стратыграфіяй Шурфа I (мал. 9). Яго паверхня была пакрытая слоем дзірвану магутнасцю каля 0,05–0,12 м, пад якім выяўлены слой перамышанага ворывам гумусу светла-шэрага колеру магутнасцю 0,1–0,2 м. Пад гэтым слоем знаходзіўся непашкоджаны ворывам культурны пласт цёмна-шэрага колеру магутнасцю 0,05–0,15 м (месцамі да 0,2 м). Такім чынам, агульная магутнасць напластаванняў у Шурфе IV дасягала 0,3–0,35 м. Мацерык складаўся з дроб-

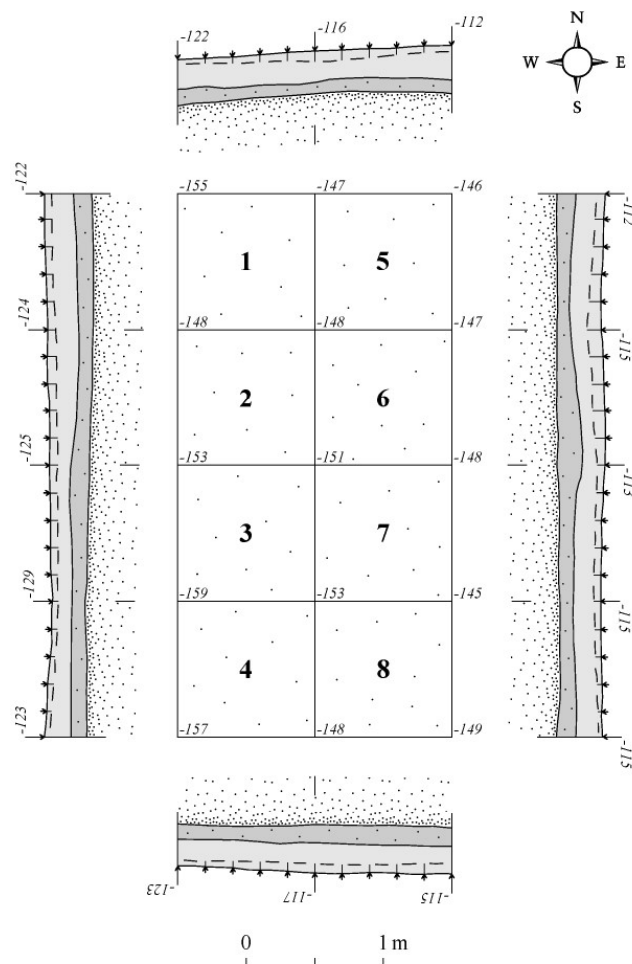
нага цёмна-жоўтага пяску з асобнымі камянямі памерам да 0,1 м. Яго паверхня плаўна паніжалася з паўночнага ўсходу да паўднёвага захаду – у накірунку берага возера.

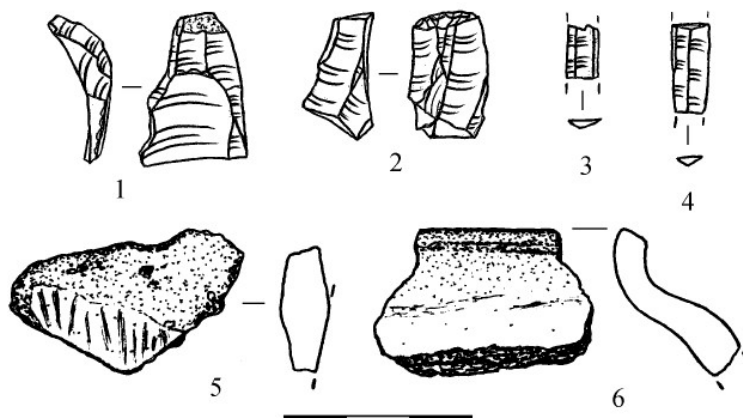
Мал. 7. Наўры 2017. Шурф III. План мацерыка і профілі шурфа (мал. У.А. Плавінскага)

Мал. 8. Наўры 2017. Шурф I. Крэмень са слядамі апрацоўкі
(мал. А.Ф. Касюк)

Мал. 9. Шурф IV. План мацерыка і профілі шурфа (мал. У.А. Плавінскага)

Мал. 10. Наўры 2017. Шурф IV: 1–4 – крэмень са слядамі апрацоўкі, 5 – сценка ляпной пасудзіны, 6 – венца кругавой пасудзіны (1–4 – мал. А.Ф. Касюк, 5–6 – мал. М.А. Плавінскага)

Масавыя знаходкі, гэтаксама як і ў Шурфе I, могуць быць падзеленыя на тры катэгорыі, якія належаць да трох розных храналагічных перыядаў: кругавая кераміка (мал. 10:6), ляпная кераміка (мал. 10:5), апрацаваны крэмень (мал. 10:1–4). Галоўным адрозненнем масавых знаходак з Шурфа IV ад знаходак з Шурфа I з’яўляецца іх адносна нешматлікасць і меншая рэпрэзентатыўнасць.

Фрагменты кругавой керамікі – пераважна дробныя (каля 3×3 см), што, відавочна, тлумачыцца іх пашкоджаннем у выніку шматразовага разворвання дадзенага ўчастка. З агульнай колькасці фрагментаў кругавой керамікі для тыпалагічнага аналізу прыдатным з’яўляецца толькі адно венца (мал. 10:6), якое можна аднесці да познясярэднявечнага перыяду і Новага часу. Фрагменты ляпной керамікі прадстаўлены ўсяго трыма дробнымі экзэмплярамі са слядамі штрыхоўкі – позняга этапу культуры штрыхаванай керамікі (мал. 10:5).

Асноўную частку масавых знаходак складаюць крамянёвыя матэрыялы, сярод якіх вылучаюцца: скрабок высокі на адшчэпе (мал. 10:2), фрагменты мікралітаў – укладышаў тыпу Боркі эпохі мезаліту (мал. 10:3–4), адшчэпы, пласцінкі, мікрапласцінкі, а таксама сколы (мал. 10:1) і лускавінкі. Выяўленыя крамянёвыя матэрыялы могуць быць датаваныя ў шырокіх храналагічных межах – ад эпохі мезаліту да бронзавага веку.

Заклучэнне

Такім чынам, у выніку разведаных археалагічных даследаванняў 2017 г. на паўночна-ўсходнім беразе возера Наўры выяўлена адкрытае паселішча, на тэрыторыі якога былі закладзены Шурфы I і IV агульнай плошчай 24 кв.м. У выніку распрацоўкі гэтых шурфоў было вызначана, што культурны слой паселішча ўтрымлівае матэрыялы трох храналагічных перыядаў: крамянёвыя артэфакты эпохі мезаліту – бронзавага веку; фрагменты ляпнога посуду позняга этапу культуры штрыхаванай керамікі; кругавую кераміку познясярэднявечнай эпохі і Новага часу.

На берагах возера Наўры былі акрэслены два ўчасткі, дзе пад’ёмныя матэрыялы сустракаліся параўнальна часцей, чым у іншых месцах: Участак I на заходнім беразе і Участак II на яго паўднёвым – паўднёва-заходнім берагах.

Сабраныя тут калекцыі пад’ёмных матэрыялаў складаліся пераважна з крамянёвых артэфактаў, што дазволіла выказаць меркаванне пра магчымасць размяшчэння тут

паселішча ці паселішчаў каменнага веку. З мэтай праверкі дадзенай гіпотэзы былі закладзены Шурфы II і III плошчай па 12 кв.м кожны. Аднак культурных напластаванняў у іх выяўлена не было. Разам з тым у абодвух шурфах знойдзены асобныя крамянёвыя артэфакты, што дазваляе ўключыць дадзеную тэрыторыю ў рэсурсную зону паселішча ці паселішчаў, якія маглі функцыянаваць побач у перыяд ад мезаліту да бронзавага веку.

Напрыканцы неабходна адзначыць, што асноўная мэта разведачных раскопак, якія праводзіліся на беразе возера Наўры ў 2017 г., была дасягнута толькі часткова. Нягледзячы на выяўленне на паўночна-ўсходнім беразе шматкультурнага адкрытага паселішча Наўры, пасяленчыя помнікі эпохі ранняга Сярэднявечча, сінхронныя курганам групам I і II могільніка Наўры, пакуль застаюцца невядомымі. Гэта, у сваю чаргу, абумоўлівае неабходнасць працягу археалагічнага вывучэння дадзенага мікрарэгіёна ў будучым.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Покровский Ф. В.** Археологическая карта Виленской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна : Типография А. Г. Сыркина. – 164 с.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад.: В. Я. Абламскі, І. М. Чарняўскі, Ю. А. Барысюк. – Мінск : БЕЛТА, 2009. – 684 с. : іл.
3. **Плавинский, Н. А.** Курганный могильник Навры в верховьях Вилии / Н. А. Плавинский // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова : материалы 62-го заседания. – Вып. 32. – М. : ИА РАН, 2017. – С. 320–340.
4. **Плавинский, Н. А.** Бескурганные погребения культуры смоленско-полоцких длинных курганов у деревни Навры Мядельского района Минской области / Н. А. Плавинский // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. – М. (Труды исторического факультета Московского государственного университета. Вып. 140. Сер. II, Исторические исследования; 83). – 2018. – С. 63–64.
5. **Cehak-Hońubowiczowa, H.** Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim / H. Cehak-Hońubowiczowa // Rocznik archeologiczny. – Wilno, 1937. – Т. 1. – S. 5–49.
6. **Звяруга, Я. Г.** Наўры / Я. Г. Звяруга // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. – Мінск : БелСЭ, 1987. – С. 84.
7. **Плавінскі, М. А.** Наўры / М. А. Плавінскі, А. М. Плавінскі // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2 : Л–Я. – С. 127.
8. **Плавінскі, М. А.** Раскопкі кургана могільніка Наўры і разведкі на Мядзельшчыне і Браслаўшчыне ў 2012 г. / М. А. Плавінскі, Э. А. Астаповіч, М. І. Сцяпанав // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 25. – Мінск, 2014. – С. 351–359.
9. **Pławinski, M.** Badania cmentarzysk kurhanowych w Nawrach i Kostykach nad górą Wilią w 2016 roku / M. Pławinski // Badania archeologiczne w Polsce środkowowschodniej, zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2016 : streszczenia referatów XXXIII konferencji. – Lublin, 2017. – S. 40–41.
10. **Pławinski, M.** Badania zespołu stanowisk archeologicznych koło wsi Nawry, rej. międzyolski obw. miński, w 2017 roku / M. Pławinski, A. Pławinski, U. Pławinski, W. Tarasiewicz, W. Makouskaja, E. Astapowicz // Badania archeologiczne w Polsce środkowowschodniej, zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2017: streszczenia referatów XXXIV konferencji. – Lublin, 2018. – S. 38.
11. **Егорейченко, А. А.** Культуры штрихованой керамики / А. А. Егорейченко. – Минск : БГУ, 2006. – 207 с. : ил.
12. **Медведев, А. М.** Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье / А. М. Медведев. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 350 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.09.2019 г.

Кантакты: plavinsky_arc@mail.ru (Плавінскі Мікалай Аляксандравіч)

Plavinski U., Plavinski M. PROSPECT EXCAVATIONS ON THE SHORES OF THE NAŬRY LAKE IN 2017

In July 2017, the archaeological expedition of the historical faculty of the Belarusian State University under the head of U. Plavinski conducted prospect excavations on the shores of the Naŭry Lake. In the course of the research in 2017 a multicultural settlement was discovered on the southeastern shore of the Naŭry Lake. The cultural layer of the settlement contains materials from three chronological periods: the Bronze Age flint artifacts, pots fragments of the late stage of the brush pottery culture, wheel ceramics of the late Medieval Period and the Modern Period.

Keywords: archaeological excavations, complex of archaeological monuments, Miadziel District of Minsk Region.

УДК 930.2 (476.4)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ X–XV вв. ГОРОДОВ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

И. В. Терентьев

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлен историографический аспект изучения изделий черной металлургии городов Могилевского Поднепровья (Мстиславль, Кричев, Славгород, Шклов, Могилев). Анализируются основные публикации и обобщающие труды XIX–XX вв., оказавшие существенное влияние на изучение изделий кузнечного ремесла. Изложена история изучения металлических изделий X–XV вв. с территории городов Могилевского Поднепровья. Сделан вывод о существовании трех этапов в исследовании металлических артефактов рассматриваемого региона.

Ключевые слова: историография, Поднепровье, черная металлургия, типология, классификация, оружие, бытовые изделия.

Введение

В изучении изделий черной металлургии выделяются два направления анализа артефактов – исследование изделий с помощью формально-типологического метода и изучение изделий с привлечением методов естественных наук. Каждое из направлений используется для решения определенных задач. Формально-типологическое изучение изделий используется при решении вопросов хронологии, культурно-торговых связей, функционального предназначения, этнической принадлежности. Исследование изделий с помощью методов естественных наук проводится с целью установления технологии производства, изучения торговых связей региона с иными центрами Европы.

Металлические изделия стали предметом научных исследований в XIX в. За два века издано множество трудов по данной проблематике. В большинстве работ при анализе изделий использовались формально-типологические подходы, часть работ базируется на методах естественных наук, значительный пласт работ совмещает два описанных метода. К настоящему времени появляется все больше работ, в которых совмещаются оба направления анализа артефактов. Последнее объясняется пониманием учеными важности всестороннего изучения артефактов и междисциплинарных исследований.

Основная часть

Обобщающие труды по рассматриваемой тематике

Первой работой, посвященной металлическим изделиям Древней Руси, является книга “О металлическом производстве в России до конца XVII в.” И.Е. Забелина, вышедшая в 1853 г. Книга посвящена в большей степени высокохудожественным изделиям из цветных и черных металлов и построена на детальном изучении письменных источников. Красной нитью через текст проходит идея о подавляющем превосходстве по качеству, технике исполнения и другим параметрам импортных вещей над местными. Так, автор указывает на определяющее влияние Византии на древнерусское государство в целом и на ремесло в частности. Описывая иконопись, исследователь отмечает колоссальное греческое влияние. Исходя из этого, автор подчеркивает, что если в такой

зависимости от греков было иконописное искусство, то, без всякого сомнения, в той же зависимости были и металлические изделия, особенно церковная утварь, и другие вещи [1, с. 9–10].

И.Е. Забелин считал, что все оружие и снаряжение всадника поставлялось в Древнюю Русь с Востока, в подтверждение данного вывода исследователь приводит их восточные названия [1, с. 3, 10–11]. Ученый создал собственную классификацию изделий:

А) Церковная утварь [1, с. 45–72].

Б) Утварь столовая и вообще посуда (1. Сосуды плоские, принадлежащие к роду торели или блюда. 2. Сосуды, составлявшие род чаши или чары. 3. Сосуды кубовастые, составлявшие род горшка. 4. Сосуды, составлявшие род кувшина и бутылки. 5. Сосуды цилиндрической формы, в роде стакана [1, с. 72–93].

В) Утварь хоромная [1, с. 94–100].

Г) Утварь мужских и женских нарядов [1, с. 101–109].

В 1866 г. выходит книга Н.Я. Аристов “Промышленность Древней Руси”. Анализ древнерусских ремесел производился на основе письменных источников, небольшой раздел был уделен и обработке черных металлов. В своих выводах относительно места происхождения металлических изделий, бытовавших в древнерусском государстве, автор книги не так категоричен, как И.Е. Забелин. Н.Я. Аристов считает, что в Древней Руси издавна умели плавить железную руду и извлекать из нее железо. Доказательством кузнечного промысла на Руси, по мнению ученого, является наличие большого количества металлических изделий, существование соответствующей терминологии в древнерусском языке, а также упоминания о кузнечном ремесле и кузнечной продукции в письменных источниках [2, с. 111–113]. Н.Я. Аристов, в отличие от И.Е. Забелина, отмечает, что в Древней Руси существовало собственное производство оружия, при этом он не отрицает и наличия импортного вооружения [2, с. 114–117].

В 1914 г. выходит труд В.Ф. Клименко “Западно-русские цехи XVI–XVIII вв.”. Данная книга является одним из первых исследований, посвященных изучению кузнечного ремесла на территории Беларуси и первым шагом к изучению цехов Беларуси. Труд базируется на письменных источниках, в первую очередь на статутах и судебных делах цехов. В книге изложена история цехов, организация цеховой деятельности, описаны повинности объединений ремесленников, вовлеченность в торговые отношения, указаны причины появления и распада цехов и другие аспекты данной проблемы [3].

Значительный вклад в изучение металлургии железа на белорусских землях внес А.Н. Лявданский. В 1933 г. была издана книга “Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі: Рудні і месцазнаходжанні руды”. Исследователь подробно описал процесс выплавки железа, на основании архивных данных показал процесс добычи руды, указал необходимый инструментарий кузнеца. Наиболее важной является работа ученого по составлению карты с расположением мест добычи и обработки руды [4].

В 1948 г. выходит монография Б.А. Рыбакова “Ремесло древней Руси”, значительная часть которой была посвящена кузнечному ремеслу. Работа ученого стала своеобразным итогом многолетних археологических исследований, проводимых в дореволюционное и советское время. Исследователь разделяет деревенское и городское ремесло, описывает процесс выплавки металла, отмечает разделение металлургии на две части: выплавку и кузнечную обработку, указывает на важностьковки для ликвидации пористости металла, затрагивает проблему применения стали и ее заковки. В монографии выделены следующие группы изделий:

1. Сельскохозяйственные орудия [5, с. 217].

2. Инструменты для ремесленников [5, с. 217].

3. Бытовые предметы [5, с. 217].

4. Оружие, доспехи и сбруя [5, с. 218].

В целом такая классификация изделий на основании их функционального назначения с небольшими корректировками используется до настоящего времени.

Б.А. Рыбаков разработал собственную типологию замков:

1. Деревянный дверной внутренний замок с фигурной гребенкой, отпираемый снаружи коленчатым железным ключом [5, с. 218].

2. Внутренний замок кожевца-скрыни [5, с. 218].

3. Висячие замки, разделяющиеся по способу отпираания на два варианта:

А) с ключом, имеющим бородку (замок современного типа, отпирается при поворачивании ключа) [5, с. 218].

Б) с ключом, загнутым на конце (цилиндрический замок, отпирается при вдавливании ключа без поворота [5, с. 218].

Затронул в своей монографии ученый и тему древнерусского вооружения. Анализируя вооружение, исследователь, не отрицая наличие импорта, отстаивал идею местного производства части вооружения. Основой для таких выводов является археологический материал, свидетельствующий о существовании ремесленников-оружейников в древнерусских городах, конструктивные особенности и художественное оформление части изделий, письменные источники [5, с. 223–236].

В 1953 г. выходит в печать монография Б.А. Колчина “Техника обработки металла в Древней Руси”. Книга открывает новый этап в изучении древнерусского кузнечного ремесла и металлических изделий. Впервые был проведен массовый металлографический анализ артефактов, изделия были изучены с использованием сравнительно-типологического анализа. Наряду с изучением вещественных материалов использовались данные письменных источников, привлечен этнографический материал русской кустарной промышленности XVIII–XX вв. [6].

Ученым описан полный цикл железоделательного производства, начиная от добычи руды и заканчивая изготовлением конечного продукта. Используя методы естественных наук, описана металлургическая техника и технология изготовления кузнечных изделий. Автор монографии детализировал классификацию Б.А. Рыбакова, выделив в отдельную группу артефактов инструментарий кузнеца, инструментарий слесаря, деревообделочные изделия. На основании конфигурации, функционального назначения и механизма были созданы типологические схемы для выделенных категорий артефактов. Наиболее известна типология замков, не потерявшая актуальность до настоящего времени (Б.А. Колчин выделил шесть типов навесных замков А–Е) [6, с. 131–133]. В дальнейшем типология предметов была дополнена Б.А. Колчиным в статье “Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого”, вышедшей в 1959 г. [7].

Научные принципы Б.А. Колчина, а также выводы, полученные ученым в ходе проведенных исследований, стали фундаментом дальнейших изучений, проводимых в республиках СССР, в том числе и БССР.

В 1962 г. выходит кандидатская диссертация А.К. Антейна “Металлургия и технология изготовления изделий из черных металлов на территории Латвийской ССР до начала XVIII века”. Работа базируется на методах естественных наук. Был проведен спектральный анализ изделий и анатомический анализ угля, изучен химический состав изделий, производились петрографические исследования. В работе проанализированы основные категории металлических артефактов, найденных на территории Латвии. Присутствует деление находок по принадлежности к разным этносам. Показана эволюция изделия, определены причины такой эволюции. Ученым исследованы наконечники из дамасской стали, в зависимости от узора пера выделены семь групп [8, с. 6–9, 15–16].

Дальнейшая научно-исследовательская деятельность ученого была направлена на изучение изделий из дамасской стали. В 1973 г. была издана монография ученого “Дамасская сталь в странах бассейна балтийского моря”. А.К. Антейном при помощи методов естественных наук проанализированы следующие категории артефактов – мечи, наконечники копий и ножи. При изучении значительного количества археологического материала наряду с методами естественных наук использовались типологические и лингвистические наработки ученых [9].

Изучение металлических изделий с территории Беларуси с помощью методов естественных наук связано с именем М.Ф. Гурина. Ученым были изданы монографии: “Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тысячелетие н.э.)” (1982 г.) и “Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв.” (1987 г.). В своих исследованиях автор использовал методы металлографии, просвечивание изделий рентгеновскими лучами (для выявления дефектов в предмете), спектроскопические исследования (для определения процентного содержания микропримесей химических элементов) [10, с. 11–14; 11, с. 12–16]. Исследователем описан полный металлургический цикл, руды, топливо, конструкция и принципы функционирования печей, химические вещества, получаемые в процессе выплавки металла. Исследуя металлические находки, автор не использует детальные типологические схемы, ограничиваясь лишь категориями.

В 1989 г. выходит кандидатская диссертация Г.Н. Сагановича “Кузнечное ремесло Белоруссии XIV–XVIII вв.”. Археологом изучены металлические изделия со всех регионов Беларуси. При анализе артефактов использовались методы формально-типологического и историко-сравнительного анализа [12, с. 4]. Была создана детальная классификация металлических изделий для территории Беларуси, выделение категорий основано на функциональном назначении предметов, указаны хронологические границы использования артефактов, каждый тип соотнесен с определенным видом деятельности. При создании классификации использовались принципы, разработанные Б.А. Колчиным, А.Н. Кирпичниковым, В.П. Левашовой, В.А. Мальмом, А.Е. Леонтьевым [13, с. 261, 266–268, 270, 273; 14, с. 33–34]. В диссертации была рассмотрена сырьевая база металлообрабатывающей промышленности Беларуси, а также вопросы торговли металлическими орудиями, организации кузнечного производства [12].

Среди археологического материала эпохи Средневековья значительное место занимает вооружение, исследует его самостоятельная наука – оружиеведение. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой приводится лаконичное и четкое определение этой науки: “Оружиеведение – научная дисциплина, изучающая различные виды оружия” [15].

Одна из самых известных оружиеведческих классификаций создана Я. Петерсеном и опубликована в 1919 г. В своей классификации исследователь затронул следующие виды вооружения: мечи, топоры, наконечники стрел и копий, умбоны щитов, стремени. Классифицируя данные изделия, автор использовал исследования предыдущих ученых. Так, ученым для классификации умбонов щитов, наконечников стрел, стремян использовалась типология Улафа Рюга. Для наконечников копий, топоров и мечей Я. Петерсеном были выработаны собственные типологические критерии:

- 1) Основанием для выделения типов наконечников копий служила форма втулки (длина, толщина, ее форма в сечении, способ орнаментации) и пера (длина, толщина, расстояние от втулки до наибольшего расширения пера) [16, с. 56].

- 2) При анализе топоров учитывались форма обуха, лезвия и рубящей кромки [16, с. 69].

- 3) Мечи классифицированы Я. Петерсеном по рукоятям. Ученый делает акцент на перекрестьях (характеристика навершия, продольное сечение перекрестий, орнаментация) [16, с. 90–96].

Характеризуя мечи, археолог разделяет каждый тип мечей на однолезвийные и двулезвийные, указывает их вес. По возможности – длину клинков и нанесенные на них надписи. Ученый делает попытку разделить мечи на скандинавские (норвежские) и импортные (франкские). Однолезвийные мечи без рукоятей не были включены автором в классификацию и выделены им в отдельную группу [16, с. 91].

В 1927 г. Мортимер Уиллер упростил типологию Я. Петерсена. Он свел 26 типов и подтипов к семи основным стилям [17, с. 138].

В 1960 г. публикуется книга Эварта Окшотта “Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса”, положившая начало циклу книг, посвященных оружейно-историческому анализу европейской военной традиции. Классифицируя мечи эпохи викингов, автор взял за основу упрощенную типологию М. Уиллера и добавил к ней еще два типа – VIII и IX, которые определяют переход от меча эпохи викингов к рыцарскому [17, с. 142–144]. Исследователь считал неприемлемым построение классификации рыцарских мечей исключительно по форме и стилю украшений эфеса. Поэтому при создании собственной типологии ученый учитывал в первую очередь форму клинка (ширина, толщина и длина) и дола (ширина и глубина), а уже затем навершие рукояти и перекрестье. Э. Окшотт выделил 13 типов и 12 подтипов мечей. Все типы были разделены на две хронологические группы:

1. 1050–1350 – X–XIV типы.
2. 1350–1550 – XV–XXII типы [17, с. 202–215].

В своих работах ученый затронул все виды оружия, известные в эпоху европейского Средневековья. Однако такой детальной типологии, как для мечей, для остальных видов оружия автором сделано не было. Описание оружия представляло своеобразный исторический экскурс. Исследователь излагал историю определенного вида оружия, применение в бою, функциональное назначение каждого элемента и их эволюцию.

В 1966 и 1971 гг. А.Н. Кирпичниковым была опубликована монография “Древнерусское оружие” в трех частях. В издание вошло оружие, найденное на территории Древней Руси. При изучении вооружения ученый использовал археологические, письменные и изобразительные источники. Особой заслугой исследователя является создание детальной классификации древнерусского оружия.

Классифицируя мечи, автор использовал принципы, разработанные Я. Петерсеном, – типологизировал оружие по рукоятям [18, с. 17–21]. Я. Петерсен, создавая типологические схемы, лишь констатировал изменения, не объясняя причин такой эволюции. А.Н. Кирпичников же объяснил эволюцию некоторых рукоятей. Схожих принципов он придерживался и при анализе сабель – проводил классификацию по типу перекрестий и наверший, объясняя эволюцию отдельных элементов.

При классификации топоров А.Н. Кирпичников (так же, как и Я. Петерсен) учитывал форму обуха, лезвия и рубящей кромки, кроме того он обращал внимание на такие параметры, как вес и размеры. Более того, ученый считал, что именно размер и вес являются определяющими факторами при классификации, в частности для разделения их на боевые и рабочие. На основании размера и веса автором были выделены три группы топоров:

1. Специальные боевые топоры-молотки, топоры с украшениями, характерные по конструкции и незначительные по своему размеру.
2. Секиры “малых форм”, которые использовались в военных целях как универсальный инструмент во время похода и боя.
3. Тяжелые и массивные рабочие топоры [19, с. 25–28].

Булавы А.Н. Кирпичников разделил по форме, деталям устройства и последовательности развития наверший. Шлемы были разделены по форме и особенностям устройства [20, с. 24].

Белорусское оружиеведение представлено в первую очередь специализированными работами Ю.Н. Бохана и Н.А. Плавинского. В 2003 г. выходит монография Ю.Н. Бохана “Узбраенне і структура войска Вялікага княства Літоўскага ў другой палове XIV – канцы XVI стст.”. Работа представляет собой комплексный анализ предметов вооружения войска ВКЛ. При анализе каждого вида оружия Ю.Н. Бохан использовал письменные и изобразительные источники, типологические схемы, что позволило Ю.Н. Бохану проследить историю использования оружия, конструктивные особенности изделий и их эволюцию, хронологию использования. Характеризуя оружие, Ю.Н. Бохан использует уже известные типологические схемы, в том числе типологию М. Глосека, Э. Окшотта (дополненную М. Глосеком) и типологию А.Н. Кирпичникова [21, с. 27, 127, 159, 176–177, 186]. Стоит отметить, что ученый в некоторых вопросах не согласен с А.Н. Кирпичниковым. Ю.Н. Бохан выделяет в отдельную группу изделий так называемый “пярнач” (модификация булавы с лопастями), которые А.Н. Кирпичников считает одним из типов булавы. Кроме того, исследователем были сделаны хронологические корректировки к классификации А.Н. Кирпичникова, учитывая более позднее бытование некоторых типов на территории Беларуси, среди которых присутствуют шаровидные булавы [21, с. 186–187].

В 2013 г. издается книга Н.А. Плавинского “Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў”. Автор классифицировал найденные на территории предметы вооружения в соответствии с существующими типологиями, в частности А.Н. Кирпичникова. Исследователем была дополнена типология А.Н. Кирпичникова. Так, ученым к типологии топоров А.Н. Кирпичникова был добавлен тип IV Б (топоры с не очень широким лезвием и широкой бородкой, причем ширина бородки может быть больше ширины лезвия, тыльная часть обуха была сверху и снизу оформлена в виде подпрямоугольных выступов), в типологии копий тип VII был ограничен XI–XII вв., в то время как у А.Н. Кирпичникова – XII–XIII вв. [22, с. 31–33, 46]. Кроме того, Н.А. Плавинским была разработана собственная типология дротиков. Исходя из их формы, пропорций, сечения пера, а также системы крепления к древку ученый разделил все дротики на четыре типа [22, с. 54].

Из исследователей дистанционного вооружения стоит выделить труды Д.Н. Анучина и А.Ф. Медведева. В работе Д.Н. Анучина “О древнем луке и стрелах” представлен широкий обзор различных видов дистанционного вооружения в разных странах мира. Описаны конструктивные особенности, функциональное назначение типа в целом и элементов в частности, показана эволюция оружия, представлена обобщенная типология. Труд А.Ф. Медведева более важен для настоящей статьи, в первую очередь детальной типологией, не потерявшей актуальности до настоящего времени. Ученый комплексно рассмотрел такие виды оружия, как лук и стрелы. Описаны все составные части лука, способ использования, разработана типология (решившая вопросы хронологии и функционального назначения выделенных типов). Классификация автора построена на конструктивных особенностях наконечников стрел, на основании которых были выделены отделы, группы и типы. Выделенные исследователем типы были соотношены с конкретной функциональной задачей [23; 24].

Исследование кузнечной продукции с территории городов Могилевского Поднепровья

Города Могилевского Поднепровья как памятники археологии попали в сферу интересов историков и археологов с середины XIX в. На рубеже столетий были проведены первые археологические раскопки в Могилеве (Е.Р. Романов) и Кричеве (С.Ю. Чоловский) [25, с. 4; 26, с. 2–5]. Данные исследования послужили отправной точкой в накоплении археологического материала по рассматриваемой тематике. Города Могилевского Поднепровья

левского Поднепровья изучались крайне неравномерно. Наиболее исследованным городом во всех отношениях является Мстиславль, археологическое изучение которого было начато Л.В. Алексеевым в 1959 г.

Исследователи на начальном этапе археологического изучения памятников, ограничивались лишь констатацией факта о найденном металлическом изделии. Некоторые артефакты датировались по сопутствующему материалу. Такой принцип исследования использовался С.Ю. Чоловским (раскопки Кричева в 1892 г.), В.Р. Тарасенко (раскопки городища Хотимка в 1936 г., старый Шклов), Г.В. Штыховым (исследования Славгорода в 1967 г., городища Хотимка в 1968 г.), И. Ионе (исследования Могилева в 1969–1972 гг.), О.Н. Левко (раскопки городища Хотимка в 1979, 2003 гг.), В.Ф. Копытиным (спасательные раскопки на территории Могилева в 1985–1986 гг.) [25, с. 4; 27, с. 133–135; 28, с. 47–50; 29, с. 14; 30, с. 91; 31, с. 96; 32, с. 25].

В 1973–1976 гг. изучением Кричева и в 1974 г. исследованием Славгорода занимался М.А. Ткачев. Анализируя металлические предметы, ученый в большей степени лишь констатировал факт находки и указывал датировку, при этом часть изделий хоть и не типологизировалась, но была описана более полно. В частности, при описании наконечников стрел указывалась их форма (черешковая, пирамидальная), функциональное назначение некоторых изделий (пряжка от сбруи). Найденный в Кричеве меч был измерен [33, с. 18–19; 34; 35; 36, с. 8].

В 1959 г. Л.В. Алексеев приступил к археологическому изучению Мстиславля. Исследования ученого с перерывами длились около 30 лет и стали весомым вкладом в изучение истории города. Раскопки были проведены на двух археологических памятниках, расположенных на территории современного Мстиславля, – Девичья гора и Замковая гора. В ходе исследований была собрана представительная коллекция кузнечных изделий X–XV вв., в первую очередь с территории Замковой горы. Многолетние результаты исследований были обобщены ученым в монографии “Западные земли домонгольской Руси”. Все артефакты вписаны в стратиграфическую структуру “Замковой горы” и используются для характеристики каждого слоя. Классифицируя находки, автор применяет историко-сравнительный и формально-типологический методы, использует типологии Б.А. Колчина (типология замков), А.Н. Кирпичникова (типология вооружения), А.Ф. Медведева (типология дистанционного вооружения) [37, с. 216–218]. Некоторые находки были переданы для изучения специалистам по определенным категориям артефактов [37].

С 1981 г. археологическим исследованием территории окольного города Мстиславля занимался О.А. Трусов. Недалеко от кармелитского костела ученым были найдены остатки печи-домницы для выплавки железа. Рядом с печью было выявлено большое количество глиняных сопел (которые надевались на меха для раздувания огня в печи), шлака, пепла и древесного угля [38, с. 26]. В результате раскопок была получена обширная коллекция металлических изделий XIII–XVIII вв. Коллекция металлических изделий в размере 335 единиц передана для изучения Г.Н. Сагановичу, 5 изделий были переданы для металлографического анализа М.Ф. Гурину. Среди исследованных М.Ф. Гуриным артефактов были стрелы и кресало. При изучении кресала установлено, что оно имело науглероженный участок, который при термообработке получил структуру закалки. Исследователь также обнаружил ошибки мстиславских кузнецов при производстве наконечников стрел (пластичная обработка металла заканчивалась, когда он уже остыл, что привело к деформации кристаллитов) [39, с. 74]. Некоторым обобщением исследований О.А. Трусова можно считать его совместную с М.А. Ткачевым книгу “Старажытны Мсціслаў” изданную в 1992 г. В разделе, затрагивающем металлические изделия, были использованы результаты исследований, проведенных Г.Н. Сагановичем.

С 1987 г. начато изучение Кричева под руководством А.А. Метельского. Итогом многолетних исследований города стала монография “Старадаўні Крычаў: Гістарычна-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст.”, вышедшая в 2003 г. Характеризуя металлургию и металлообработку Кричева в целом, ученый использовал письменные источники по истории города. В частности, инвентари. Непосредственно сами металлические изделия ученый описывал, датировал, по возможности типологизировал. Кроме того, коллекция была передана для изучения М.Ф. Гурину для проведения металлографического анализа. Автор основываясь на конструкции изделий, разработал несколько типологий для определенных групп артефактов (ножи, кресала), для замков и ключей использовалась типология Б.А. Колчина.

Анализируя ножи, исследователь разделил их на несколько типов. Для XII–XV вв. было выделено два типа:

Тип I. Характеризуется прямой спинкой и коротким черенком, ось которого совпадает с осью клинка.

Тип II. Отличается от первого слегка выгнутой спинкой [25, с. 60].

Кресала разделены А.А. Метельским на три типа:

Тип I. Калачеобразное кресало с язычком. Целый экземпляр имел ширину 30 мм, длину – 60 мм, найдено в слое XIV – начале XVI вв.

Тип II. Калачеобразное кресало, имеет ширину 30 мм, длину – 60 мм. Отличие от первого типа: язычок едва прослеживается. Как и кресало предыдущего типа, найдено в слоях XIV – начала XVI вв.

Тип III. Кресало овально-удлиненной формы. Длина – от 110 до 120 мм, ширина – от 18 до 25 мм. Два из найденных кресала имеют отверстие для подвешивания. Кресала данного типа найдены в слое XV–XVI вв. [25, с. 60].

Из кричевской коллекции М.Ф. Гуриным были исследованы ножи и топоры. Благодаря металлографическому анализу было установлено, что в X–XIII вв. при изготовлении изделий наиболее часто использовалась трехполосная схема: к стальной основе приваривались железные пластины. С XII в. распространяется наварка стального лезвия на железную основу. Среди находок присутствуют ножи, изготовленные из заготовок, обработанных способом пакетирования первоначального продукта. В коллекции были выявлены цельностальные ножи, один из которых был термообработан и имел закаленную структуру, а также цельнометаллические изделия. По мнению ученого, они могли иметь наваренное стальное лезвие, которое исчезло из-за интенсивной эксплуатации и частой заточки. Ученым выявлена некачественная работа кузнеца при изготовлении одного топора XII–XIII вв. из кричевской коллекции – некачественный сварной шов, расслоение которого, по мнению исследователя, произошло из-за неоднократного давления, направленного на изгиб лезвия. Кроме того, наварная рабочая часть характеризуется неравномерным распространением углерода [25, с. 63].

В 1989 г. публикуется статья Г.Н. Сагановича “Кавальскія вырабы сярэднявечнага Мсціслава”. Исследователь структурировал коллекцию на группы: инструменты ремесленника (стамеска, пробойник, пинцет, резец), сельскохозяйственные орудия (фрагменты серпа, оковки лопат), изделия для готовки и употребления пищи (ложка, ручка вилки, сковорода), предметы вооружения и снаряжение всадника и коня (наконечники стрел, наконечник копья, ножны сабли, шпоры, удила). Также ученым, помимо групп, были выделены отдельные категории изделий: гвозди, ключи и замки, кресала, ножницы, ножи, варган, подковы. Артефакты были описаны, по возможности продатированы (при датировке учитывался слой, в котором был найден артефакт, а также аналоги из других коллекций), указано функциональное назначение изделий.

Исследуя изделия дверной гарнитуры, Г.Н. Саганович использовал типологию Б.А. Колчина. Кроме того, ученый отметил стилистику оформления некоторых ключей, связав один из них с готическим стилем, другой – с мотивами эпохи Возрождения. На основании конструкции и размеров автор определил функциональное назначение ключей [40, с. 183–184].

Исследуя ножи из мстиславской коллекции, Г.Н. Саганович отметил, что большинство ножей универсального или хозяйственного назначения. Все ножи были разделены на два периода – XIII–XV и XVI–XVIII вв. Для каждого периода исследователем были выделены определенные критерии. В частности, ножи XIII–XV вв. характеризуются широкими черенками, клиновидными лезвиями, обычно с прямой толстой спинкой [40, с. 85].

Г.Н. Сагановичем было также исследовано кресало-кочедык индивидуальной формы с сильным завитком в форме латинской буквы S. Исследователь отмечает, что среди археологических материалов с территории Беларуси данный артефакт не имеет аналогов. Более того, кресала такой санковидной формы использовались с домонгольской эпохи, однако были очень редкими. Ученый обозначает период использования данного кресала – XV–XVII вв. [40, с. 184–185].

Г.Н. Саганович проанализировав коллекцию, пришел к выводу, что большая часть находок – изделия местных мастеров. Результаты исследований мстиславской коллекции были использованы исследователем при создании собственной типологии металлических изделий с территории Беларуси [40, с. 188].

С 1991 г. археологические раскопки в Могилеве проводит И.А. Марзалюк. Металлические изделия, найденные на территории Могилева, были датированы на основании сопутствующего инвентаря. При анализе отдельных категорий изделий использованы типологии Б.А. Колчина и А.Ф. Медведева [41, с. 44].

В 1993 г. выходит совместная статья М.А. Ткачёва и А.А. Метельского “Зброя і рыштунак вершніка з раскопак Крычава”. Все предметы вооружения были разделены исследователями на две группы – оружие ближнего боя и оружие дальнего боя, отдельно была выделена группа находок, связанных с обмундированием всадника. Все находки были детально описаны и измерены. На основании пластов, где были обнаружены артефакты, а также благодаря аналогиям из других коллекций предметы вооружения были датированы. При анализе изделий использовались типологии А.Ф. Медведева и А.Н. Кирпичникова [42].

Изучением предметов вооружения с территории Могилевского Поднепровья занимался известный исследователь оружия и войска ВКЛ – Ю.Н. Бохан. В монографии, посвященной вооружению войска ВКЛ, упоминаются в том числе и металлические орудия с территории Могилевского Поднепровья (Мстиславль, Кричев, Шклов). Все находки были вписаны в концепцию развития вооружения ВКЛ и использовались в качестве примера. Непосредственный анализ находок состоял в описании и измерении конструктивных элементов и соотношении с определенным типом.

Найденные в Кричеве элементы защитного обмундирования – пластинки – на основании рельефного оформления их поверхности были отнесены археологом к непокрытым доспехам. Меч, обнаруженный в Кричеве в слоях XIII–XIV вв., был соотнесен с типом XVIa по типологии Э. Окшотта, дополненной М. Глосеком. Стремя, найденное в Кричеве, соотнесено с типом V по типологии В. Свентославского. При анализе шпор ученый использовал собственную типологию. В ее основу были положены конструктивные особенности элементов шпор – дужки, шипы, звездочки [21, с. 255]. Автор выделил несколько групп шпор. К группе II отнесены шпора из Шклова (XV в.) и фрагмент шпоры из Кричева (XV–XVI вв.), к группе IV – шпора из Кричева [21, с. 257,

259–260]. Анализируя два спусковых крюка-рычажка, найденных в Мстиславле в слоях XV в., Ю.Н. Бохан отметил, что, несмотря на свою близкую конструкцию, они отличаются друг от друга по форме: если плечи первого рычажка составляют почти ровную линию, то контуры другого отдаленно напоминают букву S [21, с. 202].

Кроме того, стоит отметить статью Ю.Н. Бохана “Шеломы “русского” типа из Мстиславля”. В частности, ученым были исследованы три шлема, найденные близ Мстиславля в реке Вихре в 1994, 2004 и 2006 гг. Первый шлем, найденный в 1994 г., относился к категории салат, два других относились к наголовьям “русского” типа. Исследователь детально описал шлемы, зафиксировал их вес, высоту, длину и ширину. После изучения шлемов ученый пришел к следующим выводам:

1. На основании оформления граней шлем № 2 может быть отнесен к коническим или нормандским модификациям шеломов. Ю.Н. Бохан отметил, что на шлеме № 2 по краям колокола имеется 23 отверстия диаметром до 5 мм. Ученый предположил, что они, возможно, предназначались не для крепления кольчужной бармицы, а для подшлемника, смягчавшего удары оружия противника. Вместе с тем, автор считает, что к таким отверстиям бармица могла быть прикреплена при помощи специальных колец большего диаметра, а отогнутые края шлема призваны были в таком случае уменьшить давление колец на голову воина.

2. Особенностью шлема № 3 является профилировка его краев. В районе ушей они слегка выгибаются, как у некоторых образцов нормандских шлемов периода позднего Средневековья.

Что касается принадлежности шлемов, то первый шлем – салат – однозначно связывается исследователем с представителем войска ВКЛ, два других могли принадлежать как воинам Московского государства, так и воинам ВКЛ. Информации, оказавшейся в распоряжении исследователя, не хватило для однозначного ответа на этот вопрос [43].

С 2008 по 2012 г. изучением городища Хотимка (Старый Шклов) занимался И.А. Марзалюк. За годы исследований была получена богатейшая коллекция изделий черной металлургии. Ученый при анализе металлических артефактов использовал принципы, разработанные Б.А. Колчиным, А.Ф. Медведевым, Ю.А. Заяцем. Кроме применения существующих типологий, исследователем были созданы собственные типологии нескольких категорий артефактов. Критерием для выделения типа была конструкция предмета, каждый тип имел собственную датировку.

В хронологическом диапазоне X–XV вв. было выделено два типа ножей:

Тип 1. Ножи с прямой спинкой, толстым обушком и коротким черенком, ось которого идет параллельно спинке ножа. Ножи имеют небольшие размеры – до 8–10 см. Датировка – X–XII вв.

Тип 2. Ножи имеют прямую спинку и короткий черенок, ось которого совпадает с осью клинка. Датировка XIII–XV вв. [44, с. 26; 45, с. 20; 46, с. 8].

Два типа наконечников стрел:

Тип 2. Бронебойные, шиловидные с упором. Датировка – X–XIV вв.

Тип 3. Бронебойные четырехгранные с упором. Датировка – XIV–XV вв.

Тип 4. Плоские, черешковые, килевидные с упором. Датировка – IX–XIV вв. [46, с. 9].

Отдельно были выделены монгольские наконечники стрел, так называемые срезни:

Тип 1. Срезни с упором и перехватом.

Тип 2. Двурогий срезень с упором [46, с. 9–10].

Выделены два типа кресал:

Тип 1. Овальные кресала. Датировка – XIII–XIV вв.

Тип 2. Калачеобразные. Датировка – XI–XIII вв. [46, с. 11].

С 2014 по 2016 г. И.А. Марзалюк проводил исследования на территории Мстиславля. Металлические изделия, найденные в ходе раскопок, были детально исследованы, описаны и продатированы [47].

Заключение

В исследовании изделий черной металлургии с территории городов Могилевского Поднепровья можно выделить несколько условных этапов. При этом выделенные этапы можно применять только к каждому конкретному памятнику, что связано с неравномерностью в их изучении.

Первый этап связан с началом изучения памятника, накоплением археологического материала. На этом этапе исследователи ограничивались фиксацией находок, в некоторых случаях их датировкой при помощи сопутствующего инвентаря. Такое ограниченное изучение связано с неразработанностью типологических схем, если говорить про довоенные исследования, а также с небольшим количеством фактического материала, выявленного на памятнике, что обусловлено с использованием шурфовки памятника, а не полномасштабными археологическими исследованиями.

Второй этап связан с полномасштабными археологическими раскопками, в результате которых фактический материал значительно увеличивается, что позволяет ученым составлять собственные типологические схемы или же использовать наработки других исследователей в области классификации артефактов, обобщать результаты и делать соответствующие выводы.

Третий этап связан с использованием археологами методов естественных наук, что позволяет всесторонне изучить артефакты. Данный этап можно выделить только в изучении Мстиславля и Кричева.

При изучении металлических изделий с территории городов Могилевского Поднепровья преобладают формально-типологический и историко-сравнительный методы исследования. Наибольших успехов в данных методах исследования достиг Г.Н. Саганович. Исследователь создал классификацию металлических изделий для всей территории Беларуси. Разделив все изделия на группы по функциональному признаку, он выделил ряд типов, большинство из которых были продатированы, и, что еще более важно, каждый тип орудия был соотнесен с определенным видом деятельности. Однако для тематики настоящей статьи данная классификация применима лишь отчасти из-за других хронологических рамок. А.А. Метельский и И.А. Марзалюк в своих типологических схемах ограничились выделением типа и датировкой. Применялись к материалам средневековых белорусских городов и типологии российских и зарубежных исследователей. До настоящего времени не создано общей для Беларуси или отдельного региона типологии металлических изделий X–XV вв. Как правило, типологии ограничиваются конкретным памятником. Кроме того, нет определенного критерия для выделения типа. Каждый исследователь использует свои критерии, опираясь при этом на опыт предшествовавших ученых.

Исследования металлических изделий при помощи методов естественных наук были проведены М.Ф. Гуриным. Результаты исследований помогли пролить свет на вопросы производства металлических изделий. При этом была проанализирована сравнительно небольшая в процентном отношении часть коллекций городов Могилевского Поднепровья. Кроме того, исследование М.Ф. Гурина было оторвано от исследований Г.Н. Сагановича, О.А. Трусова и О.А. Метельского, являясь, по существу, отдельным исследованием. Иными словами, выводы М.Ф. Гурина не были соотнесены с конкретными выделенными типами, что лишает возможности для построения определенных закономерностей в вопросах производства выводов.

Изучение предметов вооружения проходит преимущественно с использованием историко-сравнительного и формально-типологического методов. При анализе вооружения используются типологии Э. Окшотта, А.Ф. Медведева, А.Н. Кирпичникова. Обобщающего труда по вооружению населения Могилевского Поднепровья не издано. Частично материалы с Поднепровских городов включены в монографию Ю.Н. Бохана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Забелин, И. Е.** О металлическом производстве в России до конца XVII века / И. Е. Забелин // Записки Императорского Археологического общества Т. V. – Санкт-Петербург, 1855. – С. 1–136.
2. **Аристов, Н. Я.** Промышленность Древней Руси / Н. Я. Аристов. – СПб. : Типография Королёва, 1866. – 322 с.
3. **Клименко, В. Ф.** Западно-русские цехи XVI–XVIII вв. / В. Ф. Клименко. – Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира, 1914. – 166 с.
4. **Ляўданскі, А. М.** Да гісторыі жалезнага промыслу на Палесі: Рудні і месцазнаходжанні руды / А. М. Ляўданскі / Працы Палескай экспэдыцыі / Беларус. Акад. навук, Ін-т гісторыі імя М. Н. Пакроўскага, Сэкцыя археалёгіі ; пад рэд. В. К. Шчарбакова. – Менск, 1933. – Вып. 2. – 40 с. : іл.
5. **Рыбаков, Б. А.** Ремесло древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Издательство АН БССР, 1948. – 802 с.
6. **Колчин, Б. А.** Техника обработки металла в древней Руси / Б. А. Колчин. – Москва : Государственное научно-техническое издательство машиностроительной и судостроительной литературы, 1953. – 160 с.
7. **Колчин, Б. А.** Железоделательное ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // Труды Новгородской археологической экспедиции. Том 2 : Материалы и исследования по археологии СССР (МИА) № 65 ; под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. – М., 1959. – С. 7–121.
8. **Антейн, А. К.** Металлургия и технология изготовления изделий из черных металлов на территории Латвийской ССР до начала XVIII века : автореф. дис. ... канд. техн. наук / А. К. Антейн ; Совет нар. хозяйства Латв. ССР. Риж. политехн. ин-т. – Рига, 1962. – 31 с.
9. **Антейн, А. К.** Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря / А. К. Антейн. – Рига : Зинанте, 1973. – 139 с.
10. **Гурин, М. Ф.** Древнее железо Белорусского Поднепровья: (I тысячелетие н. э.) / М. Ф. Гурин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 126 с.
11. **Гурин, М. Ф.** Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. / М. Ф. Гурин. – Минск : Наука и техника, 1987. – 151 с. : ил.
12. **Саганович, Г. Н.** Кузнечное ремесло Белоруссии XIV–XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Г. Н. Саганович ; Ордена Ленина и ордена Дружбы народов Академия наук Украинской ССР Институт Археологии. – Киев, 1989. – 17 с.
13. **Археалогія Беларусі : у 4 т. / В. М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.].** – Мінск : Бел. навука, 1997–2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко, М. Ф. Гурын, Ю. А. Заяц [і інш.] ; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – 2001. – 597 с. : іл.
14. **Леонтьев, А. Е.** Классификация ножей Сарского городища / А. Е. Леонтьев // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 33–44.
15. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова // dic.academic.ru [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/203860/%D0%9E%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>. – Дата доступа: 17.05.2019.
16. **Петерсен, Я.** Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов / Я. Петерсен. – Санкт-Петербург : Альфарет, 2005. – 237 с.
17. **Окшотт, Э.** Оружие и воинские доспехи Европы: с древних времен до конца Средневековья / Э. Окшотт. – Москва : Центрполиграф, 2009. – 702 с.

18. *Кирпичников, А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Москва-Ленинград : Наука, 1966. – 143 с.
19. *Кирпичников, А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Москва-Ленинград : Наука, 1966. – 181 с.
20. *Кирпичников, А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Ленинград : Наука, 1971. – 126 с.
21. *Бохан, Ю. М.* Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях / Ю. М. Бохан. – Мінск : Экаперспектыва, 2002. – 336 с.
22. *Плавінскі, М. А.* Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў / М. А. Плавінскі. – Мінск : Галіяфы, 2013. – 106 с. : іл.
23. *Анучин, Д. Н.* Лук и стрелы : Археолого-этнографич. очерк / Д. Н. Анучин. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°. – 1887. – 75 с.
24. *Медведев, А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев. – М. : САИ, 1966. – 184 с.
25. *Мяцельскі, А. А.* Старадаўні Крычаў : Гіст.-археал. нарыс горада ад старажыт. часоў да канца XVIII ст. / А. А. Мяцельскі. – Мн. : Бел. навука, 2003. – 167 с. : іл.
26. *Романовъ, Е. Р.* Археологическія разведки въ Могилёвской губерніи / Е. Р. Романовъ. – Вільня : Типографія Іосифа Завадзкаго, 1912. – 31 с.
27. *Тарасенко, В. Р.* К истории позднеродового общества на территории Белоруссии / В. Р. Тарасенко // Известия АН БССР. – 1948. – № 2. – С. 125–142.
28. *Штыхов, Г. В.* Отчет об археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 г. / Г. В. Штыхов / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 349. – 76 с., 22 с. коллекц. оп., 3 с. прил., 104 ил.
29. *Марзалюк, І. А.* Некаторыя вынікі археалагічнага даследавання гістарычнага цэнтра г. Магілёва / І. А. Марзалюк // Магілёўшчына. – Магілёў, 2011. – Вып. 11. – С. 14–17.
30. *Левко, О. Н.* Археологические раскопки на городище и селище в д. Старый шклов / О. Н. Левко, Р. А. Лихошапко, Л. Г. Маркович // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 11–12 снежня 2003 г. : тэзісы дакладаў : у 2 ч. / МДУ імя А. А. Куляшова. – Магілёў, 2004. – Ч. 2. – С. 90–92.
31. *Маркович, Л. Г.* Изучение поселений у д. Старый Шклов и его округа (к историографии) / Л. Г. Маркович // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 11–12 снежня 2003 г. : тэзісы дакладаў : у 2 ч. / МДУ імя А. А. Куляшова. – Магілёў, 2004. – Ч. 2. – С. 94–96.
32. *Копытин, В. Ф.* Археологические памятники Могилева и окрестностей / В. Ф. Копытин. – Могилев : Мог. обл. типограф., 1993. – 104 с. : ил.
33. *Ткачѳв, М. А.* Отчет о полевых исследованиях в 1974 г. / М. А. Ткачѳв / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 470. – 33 с., 68 фото и рис., 25 прил.
34. *Ткачоў, М. А.* Справаздача аб археалагічных даследаваннях за 1975 г. / М. А. Ткачоў / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 514. – 46 с., 18 с. калекц. воп., 123 фота і мал., 28 с. табл.
35. *Ткачоў, М. А.* Справаздача аб палявых даследаваннях Дняпра-Дзвінскага атрада за сезон 1976 г. / М. А. Ткачоў / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1032. – 17 с., 80 с. фота, 5 с. табл., 16 с. калекц. воп., 11 с. дадатак.
36. *Ткачоў, М. А.* Справаздача аб палявых даследаваннях за 1977 г. Дняпра-Дзвінскага атрада Беларускай археалагічнай экспедыцыі / М. А. Ткачоў / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 760. – 52 с.
37. *Алексеев, Л. В.* Западные земли домонгольской Руси : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 290 с.
38. *Трусаў, А. А.* Старажытны Мсціслаў / А. А. Трусаў, М. А. Ткачоў. – Мінск : Полымя, 1992. – 110 с. : іл.
39. *Гурын, М. Ф.* Кавальская тэхналогія на тэрыторыі Беларусі ў XIV–XVIII стст. // Весці АН БССР. Сер. Грамадскіх навук. – 1988. – № 5. – С. 69–77.
40. *Сагановіч, Г. М.* Кавальскія вырабы сярэдневяковага Мсціслава / Г. М. Сагановіч // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Новыя даследаванні ; нав. рэд. С. А. Марцалёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – С. 183–189.

41. **Марзалюк, І. А.** Магілёў у XII–XVIII стст.: Людзі і рэчы / І. А. Марзалюк. – Мінск : Веды, 1998. – 260 с.
42. **Ткачоў, М. А.** Зброя і рыштунак вершніка з раскопак Крычава / М. А. Ткачоў, А. А. Мяцельскі / Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1994. – № 4. – С. 187–200.
43. **Бохан, Ю. Н.** Шеломы “русского” типа из Мстиславля / Ю. Н. Бохан // swordmaster.org [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <https://swordmaster.org/2012/09/14/shelomy-russkogo-tipa-iz-mstislavlya.html>. – Дата доступа: 22.04.2019.
44. **Марзалюк, І. А.** Справаздача аб археалагічных раскопках на гарадзішчы “Стары Шклоў” Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2008 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2595. – 30 с., 35 с. калекц. воп., 7 с. сп. іл., 95 с. іл., 1 даведка.
45. **Марзалюк, І. А.** Справаздача аб археалагічных раскопках на гарадзішчы “Стары Шклоў” Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2009 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2819. – 30 с., 20 с. калекц. воп., 1 с. умоўн. абазн., 2 с. сп. мал., 4 с. сп. фота, 33 с. мал., 54 с. фота, 1 даведка.
46. **Марзалюк, І. А.** Справаздача аб археалагічных раскопках на гарадзішчы “Стары Шклоў” Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2011 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3069. – 57 с., 147 с. калекц. воп., 10 с. сп. мал., 8 с. сп. фота, 2 с. умоўн. абазн., 125 мал., 75 фота, 1 даведка.
47. **Марзалюк, І. А.** Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Мсціслаўскага замчышча (Замкавая гара) у горадзе Мсціславе Магілёўскай вобласці ў 2014 годзе / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3196. – 51 с., 28 с. калекц. воп., 8 с. сп. мал. і фота.

Поступила в редакцию 11.09.2019 г.

Контакты: +375 33 693-39-37 (Терентьев Игорь Валерьевич)

Terentiev I. THE HISTORY OF THE RESEARCH OF FERROUS METALLURGY PRODUCTS IN THE X–XV CENTURIES IN THE CITIES AND TOWNS OF MOGILEV REGION PODNEPROVIE.

The article is devoted to the historiographical aspect of the research of ferrous metallurgy products of the X–XV centuries of Mogilev region Podneprovie (Mstislavl, Krichev, Slavgorod, Shklov, Mogilev). The major publications and works of the XIX–XX centuries having a significant impact on the research of blacksmithing products are analyzed. The history of the research of metal goods in the territory of the cities and towns of Mogilev region Podneprovie of the X–XV centuries is presented. It is concluded that there are three stages in the research of metal artifacts in the region.

Keywords: historiography, Podneprovie, ferrous metallurgy, typology, classification, weapon, household products.

УДК 930.24.94(47).027

“НАХОЖДЕНИЕ АНТИОХОВО”: К НЕГАТИВНОМУ ОБРАЗУ ВСЕСЛАВА ПОЛОЦКОГО В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Ю. Н. Кежа

кандидат исторических наук

Полоцкий государственный университет

На основе анализа древнерусских летописных памятников – Новгородских летописей и “Повести временных лет” – исследуется представление о полоцком князе Всеславе Брячиславиче (около 1029–1101 гг.). Делается вывод о противоречивом отражении образа полоцкого князя в древнерусском летописании. В “Повести временных лет”, за исключением сообщения о рождении князя, характеристика Всеслава носит положительный или нейтральный характер. Негативные коннотации, связанные с Всеславом, присутствуют в Новгородских летописях и носят отчетливый библейский характер.

Ключевые слова: Всеслав Брячиславич, Новгородские летописи, “Повесть временных лет”, “Хроника Георгия Амартола”, Библейская традиция.

Введение

Полоцкий князь Всеслав Брячиславич (около 1029–1101 гг.) – один из самых известных правителей Полоцкой земли. При всем “дефиците” сообщений о Полоцком княжестве в древнерусских летописях о Всеславе сохранилось больше информации, чем обо всех предыдущих и последующих полоцких князьях долитовского периода (X–XII вв.).

Внимание киевского и новгородского летописцев к Всеславу было вызвано его активной военной политикой (участием в походе на торков 1060 г., нападениями на Псков 1065 г. и Новгород 1066/1067 гг.), а также взаимоотношениями с князьями Ярославичами и непродолжительным киевским княжением 1068–1069 гг.

Основная часть

Анализируя летописные сообщения о Всеславе Брячиславиче и Полоцком княжестве второй половины XI в., стоит отметить, что образ Всеслава нашел противоречивое отражение в древнерусском летописании.

В “Повести временных лет” (далее – ПВЛ), за исключением упоминания о рождении Всеслава “от волхования”, образ полоцкого князя не содержит негативных коннотаций и в целом характеризуется положительно или нейтрально.

Так, например, при упоминании о вокняжении Всеслава в Полоцке (1044 г.) летописец подчеркивает его связь с Рюриковичами через общего предка Владимира Святославича: “в се же . лѣтѣ . оумре Брячиславъ . снѣ Изаславъ внукъ Володимерь . wiѣ Всеславъ . и Всеславъ снѣ его съде на столъ его” [1, стб. 155].

Под 6568 (1060 г.) в ПВЛ описывается совместный поход Всеслава и трех братьев Ярославичей на торков: “в семь же . лѣтѣ . Изаславъ . и Стѣславъ . и Всеволодъ . и Всеславъ . совокупи[ша] вои беицислены . [и] поидоша на конихъ и в лодьахъ . беицислено множество . на Торкы . се слышавше Торци оубоашася пробѣгоша и до сего днѣ . и помроша бѣгаючи . Бжѣмъ гнѣвомъ гоними . вви ѿ зимы . друзии же гладомъ . ини же моромъ и судомъ Бжѣмъ . тако Бѣизбави хсѣаны ѿ поганыхъ” [1, стб. 163]. Всеслав Брячиславич относится к христианским правителям и вместе с Ярославичами противопоставляется язычникам-торкам (“тако Бѣизбави хсѣаны ѿ поганыхъ”) [2, с. 54].

Как добропорядочный христианин Всеслав показан в сообщении ПВЛ под 6575 (1067 г.), когда после поражения на Немиге он пошел на договор с Ярославичами, оформленный в виде крестоцелования: “*мѣца . июула . въ . г . днѣ . Изаславъ . Стѣславъ . [и] Всеволодъ . цѣловавшие крѣтъ чѣстнѣи . къ Всеславу рекше юму . приди к намъ аеко не створимъ ти зла . ѡн же надѣавься цѣлованыи крѣта . и пригъхавъ в лодѣи чересь Днѣпръ .*” [1, стб. 166].

Как христианин, воздающий славу Честному Кресту после освобождения из заточения, полоцкий князь показан под следующим 6575 (1068 г.): “*в днѣ бо Въздвиженьѣ Всеславъ въздохнувъ речѣ . ѡ крѣте чѣстнѣи понеже к тобѣ въровахѣ . избави ма ѡ рва сего*” [1, стб. 172]. При этом князья Ярославичи (в первую очередь Изяслав Ярославич) осуждаются летописцем как предавшие клятву крестоцелования, в результате чего их постигло наказание в виде нашествия на Киев половцев: “*се же Бѣгови силу крѣтнюю . понеже Изаславъ цѣловавъ крѣтъ . и се и . тѣмже наведе Бѣгоуныи . сего же авѣъ (Всеслава Брячиславича. – Ю.К.) избави крѣтъ чѣстнѣи.*” [1, стб. 172].

Единственная негативная характеристика Всеслава в ПВЛ связана с описанием его рождения под 6552 (1044 г.): “*якоже роди мѣи ѡ възхвоуваньѣ . мѣи бо родивши юго . бысѣ юму авзено на главѣ юго . рекоша бо волсви мѣи юго . се авзено навлажи на нь . да носить ѣ до живота своего . еже носить Всеславъ и до сего днѣ на собѣ . сего ради немлѣтъ естъ на крове пролитѣе .*” [1, стб. 155]. А.А. Шахматов относил данное сообщение к новгородскому летописанию. Помимо этого, все события XI в., связанные с Полоцком, исследователь идентифицировал как “новгородские” [3, с. 17, 33]. Украинская исследовательница М.А. Филлипович разделяет “новгородские” сообщения о Всеславе, содержащие в целом негативную характеристику и включенные в ПВЛ под 6571 (1063 г.), 6572 (1064 г.), 6575 (1067 г.), и сообщения киевского летописца, написанные монахом Киево-Печерского монастыря, лояльного Святополку Изяславичу. Под пером киево-печерского летописца информация о Всеславе носит в целом или положительный, или нейтральный оттенок: 6568 (1060 г.), 6575 (1067 г.), 6576 (1068 г.), 6577 (1069 г.), 6579 (1071 г.). Сообщение о рождении Всеслава под 6552 (1044 г.) исследовательница относит к вставке монаха Выдубицкого монастыря, лояльного Владимиру Мономаху [4, с. 37]. Также к работе летописца Выдубицкого монастыря М.А. Филлипович относит сообщение ПВЛ 6600 (1092 г.) об эпидемии в Полоцкой земле¹, где Всеслав Брячиславич не упоминается [4, с. 35]. По мнению Т.Л. Вилкул, летописная статья 6600 (1092 г.) имеет смысловую связь со статьей 6573 (1065 г.). Связь заключается в тематике заимствований из “Хроники Георгия Амартола”, где основной темой является тема чудес [5, с. 88].

Не ставя основной задачей выявление отдельных “новгородских” и “киевских” сообщений в ПВЛ, стоит признать, что в новгородском летописании негативные характеристики Всеслава встречаются чаще. Это, вероятно, было вызвано военным походом полоцкого князя на Новгород, разорением города и главного новгородского храма – собора св. Софии [6, с. 76–78]. Попробуем разобрать сообщения, связанные с новгородским походом Всеслава Брячиславича, и выявить параллели с библейской историей при описании событий 1063–1068 гг.

С помощью фрагментов Священного Писания древнерусские летописцы определяли смысл событий, трактуя его в отзвуках сакральных сюжетов [7, с. 96]. Согласно выво-

¹ *Предивно бысѣ [чюдо] Полотъскѣ въ мечтѣ ны бываше в ноци тутѣнъ станаше по улици . аеко члѣци ришюуе бѣси . аще кто възлѣзаше ис хороминѣ . хотя видѣти . абѣ оуавзень будаше невидимо ѡбѣсовѣ . авзоу и с того ѡмираху . и не смаху излазити ис хоромѣ . посемъ же начаши в днѣ авлатиса на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ . но конь ихъ видѣти копыта . и тако ѡавзлаху люди Плотьскѣи и юго власть . тѣмъ и члѣци глѣху . аеко наавѣ бѣють Полочанѣ . се же знаменѣ почѣ быти отъ Дрьютъска .* [1, стб. 214–215].

дам А.Я. Гуревича, история для летописца – это проявление библейских ситуаций и образов, которые продолжают существовать и повторяются в его современности [8, с. 73].

В Новгородском летописании хронологически первое сообщение о Всеславе содержится в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НЛМл) и относится к 6571 (1063 г.). В нем описывается необычное природное явление в Новгороде – противоположное течение Волхова, что, согласно представлению летописца, является недобрый предзнаменованием: *“В се же лѣто в Новѣгородѣ иде Волховъ въспятъ; се же знамение не на добро бысть: на четвертое лѣто пожьж Всеславъ град.”* [9, с. 184–185]. В подобном ключе выдержано следующее сообщение под 6573 (1065 г.), где апокалиптические знамения также связываются с последующими военными действиями Всеслава: *“В се же лѣто поча рать копити Всеславъ. В се же время бысть знамение на западѣ: звезда привелика, луцѣ имущи акы кровавы, въходящи с вечера по заходѣ солнцѣномъ; пребысть же дни 7. Се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобица мнози и нашествие поганых на Рускую землю”* [9, с. 184]. Показательно, что в ПВЛ при практически аналогичном описании астрономических явлений и природных аномалий упоминаний о Всеславе нет [1, стб. 164–165]. Только в НЛМл статья начинается с фразы: *“В се же лѣто поча рать копити Всеславъ.”*

Описание небесных знаков и аномальных явлений в преддверии военных походов полоцкого князя некоторыми исследователями связывается с представлениями о сверхъестественных способностях Всеслава [10, с. 327] или с отражением мифологической устной традиции, которая затем была осмыслена в качестве знамений, предвещающих Всеславовы походы [11, с. 520]. Однако анализ сообщения 6573 (1065 г.) из НЛМл, а также сообщения 6574 (1066 г.) из Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НЛст) и сообщения 6575 (1067 г.) и 6688 (1180 г.) Новгородской четвертой летописи (далее – НIVЛ) позволяет говорить об эсхатологическом осмыслении действий Всеслава Брячиславича, связанном с библейской традицией.

Сообщение НЛМл 6573 (1065 г.) содержит одно из самых больших описаний астрономических явлений и “аномалий”. Помимо упоминания о сиянии звезды с “кровавыми лучами”, говорится о выловленном из р. Сетомль ребенке со “срамными удами” на лице и солнечном затмении. Данные явления связываются с событиями древности: Антиохом нашествии на Иерусалим, нашествии на Иерусалим Нерона, бедствиями, постигшими Византию при императоре Юстиниане, рождении детей-уродцев при императоре Маврикии, “падении звезд на землю” при императоре-иконоборце Константине, землетрясении в Сирии, нашествии саранчи на Палестину [1, стб. 164–165; 9, с. 184–185].

Далее, в сообщении 6573 (1065 г.) упоминаются события, которые предшествовали нападению сирийского царя Антиоха IV Эпифана на Иерусалим: *“мы бо по всему разумѣмъ, якоже древле при Антиохѣ въ Иерусалимѣ ключися внезапно по всему граду за 40 дни являтися имъ на въздухъ на конех рыцѣющимъ въ оружьи, одежи златы имущимъ, полки обавляемыи оружиемъ дѣвижушимся: се бо проявляше нахождение Антиохово, нашествие рати на Иерусалимъ.”* [9, с. 184]. Сообщение имеет прямые заимствования из “Хроники Георгия Амартола”. В свою очередь, создатель “Хроники” описал данные события по аналогии с ветхозаветным текстом Второй книги Маккавейской (см. таблицу п. 1.).

Явные заимствования из “Хроники Георгия Амартола” наблюдаются в следующих сообщениях НЛст за 6574 (1066 г.) и НIVЛ за 6575 (1067 г.), где говорится о нападении Всеслава на Новгород, разграблении города и храма св. Софии: *“Приде Всѣславъ и възъ Новѣгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святѣя Софие. О, велика бѣда въ часъ тыи; и понекадила съима”* [9, с. 17].

О нападении Всеслава на Новгород и разорении Софийского собора новгородский летописец вспоминает в 6688 (1180 г.): “Мьстиславъ съ Новгородци поиде на Полтескъ на зятя своего Всеслава, ходилъ бо бяше дедъ его на Новгородъ, и взялъ іерусалимъ церковный и съсуды служебныя, и погостъ единъ завель за Полтескъ” [12, с. 16]. В сообщении упоминается о захвате церковных ценностей из Софийского храма, что вместе с предыдущими сообщениями НЛст и НІВЛ составляет единую тематическую линию, заимствованную из “Хроники Георгия Амартола”. “Хроника” сообщает о походе Антиоха на Иерусалим и разграблении Иерусалимского храма. В качестве первоисточника автор “Хроники” использует ветхозаветную Первую книгу Маккавейскую (см. таблицу п. 2).

Новгородские летописи	Хроника Георгия Амартола	Ветхий завет: Первая книга Маккавейская	Ветхий завет: Вторая книга Маккавейская
1) 6573 (1065): “В се же лѣто поча рать копѣти Всеславъ..... мы бо по всему разумѣмъ, якоже древле при Антиосѣ въ Иерусалимѣ ключися внезапно по всему граду за 40 днии являтися имъ на въздуѣ на конехъ рыщющѣмъ въ оружьи, одежи златы имущѣмъ, полки обавляемыи оружіемъ дѣвижуущимся: се бо про-являше нахождение Антиохово, нашествіе рати на Иерусалимъ.” [9, с. 184].	“въскорѣ за 40 днии являтися на въздоуѣ на конихъ рыщюще въ оружьи, златыя одежа имоуща, и полци обоямо бывающа и оружію двизания и златыя красоты блистанія, всякымъ видомъ облечены въ брѣня.” [14, с. 200].	—	Случилось, что над всем городом почти в продолжение сорока дней являлись всадники в золотых одеждах и наподобие воинов вооруженные копьями, и стройные отряды конницы, и нападения и отступления с обеих сторон, обращение щитов, бросание стрел и блеск золотых доспехов и всякого рода вооружения (Макк. 2. 5. 2–3).
2) 6574 (1066): “Приде Всѣславъ и възъ Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святѣя Софіе. О, велика бяше бѣда въ часъ тыи; и понекадила съима.” [9, с. 17]; 6575 (1067): “Тои же Всеславъ и Брячиславъ с Полотчаны пожже Новгородъ до Неревскаго конца, и святую Софію пограби” [12, с. 583]; 6688 (1180): “Мьстиславъ съ Новгородци поиде на Полтескъ на зятя своего Всеслава, ходилъ бо бяше дедъ его на Новгородъ, и взялъ іерусалимъ церковный и съсуды служебныя, и погостъ единъ завель за Полтескъ” [13, с. 16].	“Тѣмъ оубо мучитель (Антиох. — Ю.К.) осрамивъся, паче же разгнѣвавъ, святѣя съсуды възъ злата же и сребра бещисла, и весь градъ поплѣнивъ, и скоты въ мяса створивъ, и много оубиство створивъ, и велерѣчьствовавъ отиде въ Антиохию, велии плачь оставивъ сыномъ Изравломъ.” [14, с. 202].	И вступил (Антиох. — Ю.К.) в Иерусалим с сильным ополчением; вошел во святилище с надменностью и взял золотой жертвенник, светильник и все сосуды его, и трапезу предложения, возлияльники, и чаши, и кадилаицы золотые, и завесу, и венцы, и золотое украшение, бывшее снаружи храма, и все обобрал. Взял и серебро, и золото, и драгоценные сосуды, и взял скрытые сокровища, какие отыскал. И взял все, отправился в землю свою и совершил убийства, и говорил с великой надменностью. Посему был великий плач в Израиле, во всех местах его (Макк. 1. 20 – 25).	—

В представлениях древнерусского книжника XI–XII вв. город являлся сакральным пространством, которое во многом было осмыслено через библейскую традицию, где город воспринимался как воплощение Иерусалима – главного центра христианского мира [15, с. 33].

В древнерусском летописании удалось выделить две формы существования древнерусского образа города, связанного с Иерусалимом. В большинстве случаев Иерусалим отождествлялся с Киевом [16, с. 145]. Помимо Киева, образ Иерусалима мог применяться к другим городам Руси [17, с. 18].

Образ Иерусалима относительно Новгорода использовался в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 6771 (1263 г.) при описании Невской битвы новгородского князя Александра Ярославича со шведами: “*бысѣ же в то время чюдо дивно аекожѣ во древнѣае днѣи при Езекии цсѣри . еда приде Сенахиримъ Асуриискѣи цсѣрь на Иерсѣмъ хотѣ п[л]ѣнити градѣ стѣи Ерсѣмъ . внезапно изиде анѣлъ Гснь . избѣи и ѿ полка Асурииска . рѣ . и . пѣ . и . еѣ . тысящѣ . и вѣставише оутро вбргѣтошасѣ трупѣае мртѣвы всѣа . такоже бысѣ при побѣдѣ Александровѣ*.” [1, стб. 480]. Новгород отождествляется с Иерусалимом в библейском контексте похода ассирийского царя Синаххериба. Показательно, что, как и в случае описания похода на Новгород Всеслава 1066/1067 гг., образ Новгорода-Иерусалима находит смысловое отражение при описании внешней агрессии. При этом к агрессорам применяются библейские образы языческих правителей: Всеслав=Антиох, шведские войска=армия Синаххериба.

Несмотря на отождествление действий Всеслава с действиями языческого правителя, напрямую полоцкий князь с нехристианским (языческим) миром не связывается. К нему не применяются такие эпитеты, как “поганный”, “безбожный”, “беззаконный”, “окаянный”, “нечестивый”, “богоотступный”, которые носят этноконфессиональный характер и служат отчетливым маркером идентификации и противопоставления по принципу “свой” (христианин) – “чужой” (язычник) [2, с. 54–58, 68–71].

Скептическому анализу также следует подвергнуть заключение, что Полоцкая земля периода правления Всеслава Брячиславича в представлении древнерусских книжников рассматривалась как “чужая” и “враждебная” [4, с. 142; 18, с. 13–17]. Данный вывод во многом основывается на сообщении ПВЛ 6600 (1092 г.): “*Предивно бысѣ [чюдо] Полотѣскѣ въ мечтѣ нѣи бываеши в ноци тутѣнѣ станаше по улицѣ . аеко члѣвци рициюще бѣси . аще кто вѣлѣзаше ис хороминѣи . хотѣ видѣти . абѣе оуаезвѣнѣ будаше невидимо ѿбѣсовѣ . аэвою и с того умираху . и не смаху излазити ис хоромѣ . посемѣ же начаши в днѣ аевлатисѣ на конихѣ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ . но конѣ ихъ видѣти копыта . и тако уаезвлаху люди Полотѣскѣае и ѣго вѣласть . тѣмѣ и члѣвци глѣху . аеко нааевѣ бѣють Полочанѣи . се же знаменѣе почѣ бѣити отъ Дрьютѣска . в си же времена бысѣ знаменѣе въ нѣси аеко кругѣ бысѣ . посреде нѣа превеликѣ . в се лѣто ведро баше аеко изга[ра]ше землѣа . и мнози борове вѣзгарахуса сами . и болота . [и] многа знаменѣа бѣваху по мѣстомѣ . и ратѣ велика баше ѿ Половецѣи и ѿвсюду . вѣлаши . зѣ . грады Пѣсоченѣ . Переволоку . [Прилукѣ] и многа села воеваша . по обѣма страномѣ . в се же лѣто воеваша Половци . Лахѣи . с Василькомѣ Ростиславичемѣ . в се же лѣто . оумре Рюрикѣ сѣнѣ Ростиславѣ . в си же времена мнози члѣвци оумираху различнѣи недугѣи . аекоже глѣху продающе корстѣи . аеко продахомѣ корстѣи . ѿ Филипова днѣ до масопуста . зѣ . тысящѣ . Се же бысѣ за грѣхѣи наша . аеко умножишасѣ грѣсѣи наши [и] неправды . се же наведе на нѣи Бѣ . вѣла намѣ имѣти показанѣе . и вѣстѣагнутисѣ ѿ грѣха . и ѿ зависти . и ѿ прочихъ злѣхъ дѣлѣ неприаезниѣи*” [1, стб. 214–215].

Согласно данному сообщению Бог наказывает “за грехи” не только жителей Полоцкой земли. Упоминаются апокалиптические знамения, сопровождающиеся набегами половцев и разорением русских городов, нашествием поляков, многочисленными

болезнями и смертями. Летописец указывает, что Бог навел эти несчастья “за грехи наша”, призывая к покаянию и воздержанию от греховных деяний. Определенные эсхатологические ожидания могли связываться с датой, под которой размещено сообщение – 6600 г. [19, с. 265; 20, с. 247–257]. Эпидемия на Полоцкой земле упоминается в общем контексте несчастий, постигших Русь, и из этого контекста не выпадает.

Стоит отметить, что сообщение о событиях 6600 г. содержится также в НЛст и НЛмл¹. Новгородские летописи указывают на эпидемии только в Полоцкой земле. Про беды в Южной Руси в отличие от ПВЛ не упоминается, что может косвенно свидетельствовать о позиционировании Полоцкой земли как “чужой” и “враждебной” именно новгородским летописцем. Вполне вероятно, что войны Полоцка и Новгорода X–XII вв. за политическое и экономическое доминирование на севере Руси сформировали в новгородской интеллектуальной среде устойчивую оппозицию “новгородцы – полочане” (“свои – чужие”) на уровне отдельных идентичностей.

Заключение

Таким образом, не существовало четкого противопоставления южнорусских князей Ярославичей и Всеслава Брячиславича по принципу “мы (свои) – он (чужой)”. Полоцкий князь в зависимости от совершаемых им действий мог относиться к “своим”, христианским правителям, входящим в династию Рюриковичей, или к нему применялись негативные коннотации, указывающие на его “аномалии” или отклонения от принятых норм. Главным показателем отношения летописцев к Всеславу являлась его военная активность. Когда Всеслав выступает союзником Рюриковичей, его образ не содержит отрицательных характеристик, а сам князь не противопоставляется южнорусским князьям. Показательно использование положительного образа Всеслава (“честного христианина”) в противопоставлении Ярославичам, нарушившим клятву.

В периоды военной активности Всеслава отношение к полоцкому князю противоположное. Нападению Всеслава на Новгород предшествуют страшные знамения, которые через посредничество византийской Хроники Георгия Амартола соотносят образ Всеслава с ветхозаветным “безбожным” правителем Антиохом IV Эпифаном, а нападение Всеслава на Новгород в 1066/1067 гг. отождествляется с нашествием Антиоха на Иерусалим и разорением Иерусалимского храма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полное собрание русских летописей. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1926–1928. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – 379 с.
2. **Лаушкин, А. В.** Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. / А. В. Лаушкин. – М. : Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науки, 2019 – 304 с.
3. **Шахматов, А. А.** Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М. : Академический проект, Жуковский : Кучково поле, 2001. – 880 с.
4. **Філіпович, М. А.** Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть / М. А. Філіпович. – Київ, 2014. – 204 с.
5. **Вилкул Т. Л.** Повесть временных лет и Хронограф / Т. Л. Вилкул // *Paleoslavika*. – Т. XV/2. – 2007. – С. 56–116.
6. **Кежа, Ю. Н.** Когда Волхов течет вспять. Поход князя Всеслава на Новгород 1066 г. / Ю. Н. Кежа // *Родина*. – 2013. – № 5. – С. 76–78.
7. **Данилевский, И. Н.** Библизмы в “Повести временных лет” / И. Н. Данилевский // *Герменевтика древнерусской литературы*. – М., 1992. – С. 75–103.

¹ НЛст: “Найде рана на Полочяны, яко нѣкако бѣше ходит уличамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто изъ ытѣбы вылезетъ, напрасно убьенъ бываше невидимо.” [9, с. 18].

8. *Гуревич, А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 560 с.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 576 с. : ил.
10. *Скварчэўскі, Д. В.* Нябесныя знакі падчас кіравання полацкага князя Усяслава Брачыславіча / Д. В. Скварчэўскі // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010 г. – Мінск, 2011. – С. 323–329.
11. *Прохараў, А.* Усяслаў Брачыславіч / А. Прохараў // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – С. 487–489.
12. Полное собрание русских летописей. Вып. 3. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1929. – Т. 4. – Ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. – 688 с.
13. Полное собрание русских летописей. Томъ четвертый. IV. V. Новгородскія и псковскія летописи. – Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1848. – 365 с.
14. Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводе. Текст, исследование и словарь. Томъ I : Текстъ. Россійская государственная академическая типографія. – Петроградъ, 1920. – 616 с.
15. *Аверинцев, С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской / С. С. Аверинцев // Древнерусское искусство и художественная культура до-монгольской Руси. – М. : Наука, 1972. – С. 25–49.
16. *Данилевский, И. Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом / И. Н. Данилевский // Одиссей. Человек в истории. 1998. – М. : Наука, 1999. – С. 134–150.
17. *Долгов, В. В.* Древнерусский город XI–XIII вв. как сакральное пространство / В. В. Долгов / Вестник ЧелГУ. Серия 1. История. – 2005. – № 2. – С. 17–24.
18. *Еремеев, И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья) / И. И. Еремеев. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 696 с.
19. *Данилевский, И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
20. *Семянчук, Г.* Полацкая зямля ў “Повести временных лет” / Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Галенчанкі / уклад.: Алег Дзярновіч, Альбіна Семянчук. – Вільня–Мінск : AIDAI – ATHENAEUM, 2009. – С. 247–257.

Поступила в редакцию 09.03.2020 г.

Контакты: kezha04@mail.ru (Кежа Юрий Николаевич)

Kezha Y. “INVASION OF ANTIOCHUS”: ON THE NEGATIVE IMAGE OF VSESLAV POLOTSKY IN THE ANCIENT RUSSIAN CHRONICLES.

Based on the analysis of the ancient Russian chronicles – Novgorod chronicles and “The Tale of Bygone Years”, the opinion of chroniclers about the Polotsk prince Vseslav Bryachislavich (about 1029–1101) is investigated. The conclusion is made about the contradictory reflection of the image of Prince Polotsky in the Old Russian chronicles. In “The Tale of Bygone Years”, with the exception of the announcement of the birth of the prince, the characterization of Vseslav is positive or neutral. The negative connotations associated with Vseslav are present in the Novgorod annals and bear distinct biblical parallels.

Keywords: Vseslav Bryachislavich, Novgorod annals, “The Tale of Bygone Years”, “Chronicle of George Hamartolos”, biblical tradition.

УДК 94(476):329“1906/1907”

ДЕПУТАТЫ ОТ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ

Д.С. Лавринович

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье раскрываются социальные характеристики депутатов Государственной думы (помещиков, представителей духовенства, мещан, крестьян). В национальном плане среди них преобладали белорусы (в основном крестьяне) и поляки (помещики). Наличие среди депутатов латышей и еврея соответствовало национальному составу населения: на западе Витебской губернии проживали латыши, а евреи составляли в те времена значительную часть жителей городов и местечек. По своим политическим взглядам депутаты преимущественно принадлежали к либеральному лагерю. Во II Думе крестьяне поддержали думских правых. Депутаты приняли участие в обсуждении вопросов, связанных с продолжением либеральных реформ, основанных на Манифесте 17 октября 1905 г. о свободах. Крестьяне предлагали меры, направленные на расширение крестьянского земельного фонда, в т. ч. за счет земель дворян. Дворяне-помещики из числа польских аграриев отстаивали неприкосновенности земельной собственности, акцентируя внимание на необходимости экономических и административных реформ, введении широкого местного самоуправления.

Ключевые слова: Государственная дума, Витебская губерния, депутаты, социальный статус, конституционные демократы, группа западных окраин, латышская группа.

Введение

В начале XX в. в государственной и политической жизни Российской империи произошли значительные перемены. Под влиянием внутренних и внешнеполитических факторов верховная власть вынуждена была провести мероприятия, направленные на ограничение самодержавия. Главным нововведением стало создание Государственной думы. Первоначально она рассматривалась как законосовещательный орган, однако под влиянием революционных событий в стране 1905–1907 гг. она превратилась в законодательное представительное учреждение. Обращение к деятельности Дум первого и второго созывов остается актуальным в наше время, т. к. с нее, по сути, начинается история российского парламентаризма.

Цель данной статьи – раскрыть социальный статус депутатов I и II Государственной думы от Витебской губернии, установив его связь с политической и общественной деятельностью, показать их участие в законодательной работе.

Основная часть

Первыми депутатами, избранными местным населением в Государственную думу в марте – апреле 1906 г., стали Григорий (Гирш) Яковлевич Брук, Алексей Онуфриевич Волкович, Петр Игнатьевич Пересвет-Солтан, Франц Станиславович Трасун, Григорий Филиппович Филиппов, Богдан Брониславович Шахно. Они отличались происхождением, имущественным положением, уровнем образования, жизненным опытом, придерживались разных политических взглядов. Двое депутатов были дворянами, владевшими землями в Витебской губернии.

П.И. Пересвет-Солтан имел 700 дес. в Полоцком уезде. Он окончил гимназию и физико-математический факультет Московского университета, помимо сельского хо-

© Лавринович Д. С., 2020

зяйства, занимался общественной деятельностью, работал нотариусом и судьей, был гласным Витебского губернского земского собрания [1, с. 453; 2, с. 72].

Б.Б. Шахно являлся помещиком Двинского уезда. После окончания гимназии он учился на юридическом факультете Юрьевского университета, затем занятия сельским хозяйством сочетал с активной общественной деятельностью на родине. Шахно был почетным членом Витебского общества сельских хозяев, считался авторитетным специалистом в области агрономии, участвовал в сельскохозяйственных выставках и получал высшие награды за представленные на них экспонаты [1, с. 690; 2, с. 164].

Г.Я. Брук родился в Чернигове в состоятельной семье. Окончил медицинский факультет Киевского университета и занимался врачебной практикой в Гомеле, а затем в Витебске. Рано увлекся идеями сионизма и к началу XX в. стал известным деятелем сионистского движения либерального толка, членом Генерального совета Всемирной сионистской организации. В Витебске занимал должность общественного раввина, а также редактировал газету «Витебская жизнь». В 1905 г. Брук играл важную роль в деятельности Союза борьбы за полноправие евреев в России [1, с. 68].

А.О. Волкович был уроженцем Витебска, окончил местную гимназию, затем обучался на физико-математическом и юридическом факультетах в Санкт-Петербургском университете, но курса не окончил. Вернувшись в Витебск, Волкович занимался адвокатской практикой, был избран гласным городской думы, а потом и городским головой. По его инициативе было открыто второе городское училище. Волкович не побоялся вступить в конфликт с губернатором И.И. Чепелевским, защищая городскую собственность (сад при губернаторском дворце), на которую претендовал «хозяин» губернии. За это его отстранили от должности городского головы по решению Совета министра внутренних дел в июле 1902 г. [3, с. 62, 63]. Но Волкович снова был избран гласным городской думы, а затем в январе 1903 г. – городским головой. Однако из-за позиции витебского губернатора министр внутренних дел В.К. Плеве не утвердил его в должности [3, с. 64].

Представителем католической церкви и одновременно латгальского населения Витебской губернии в I Государственной думе был Ф.С. Трасун. Он родился в местечке Колнасте Режицкого уезда, учился в римско-католической семинарии в Санкт-Петербурге, затем там же получил высшее образование, окончив римско-католическую духовную академию, получил степень магистра богословия, знал 9 языков. Трасун служил ксендзом и был деканом Режицкого деканата, законоучителем в Режице и Риге. Будучи всестороннеобразованным человеком, выступил в защиту прав латгалов, в т.ч. за разрешение печати на родном языке. Его общественная деятельность в основном протекала в Санкт-Петербурге, где он преподавал в римско-католической духовной семинарии. Трасун являлся основателем петербургского латышского музыкального собрания, издателем латышского популярного календаря и газеты «Аусеклис». За свою деятельность он отбыл ссылку во Владимирской губернии [1, с. 618; 4, с. 11].

Г.Ф. Филиппов представлял зажиточную часть крестьянства, был уроженцем деревни Озерцы Полоцкого уезда, вел хозяйство как на наделной, так и на собственной земле, имел только начальное образование, окончив народное училище. В отличие от других депутатов он не вел активной общественной деятельности, не занимал никаких должностей по волостному или сельскому управлению [1, с. 646].

Анализ социальных характеристик депутатов показал, что среди них преобладали представители элитарных слоев населения Витебской губернии: из шести выборных представителей двое были дворянами-помещиками, двое принадлежали к зажиточной части мещанского сословия, один являлся священнослужителем. Вопреки избирательному закону от 11 декабря 1905 г., которым закреплялось большинство мест в

Государственной думе за крестьянами, от Витебской губернии в “народное представительство” попал только один крестьянин. Несмотря на преобладание в регионе православного населения, трое депутатов (П.И. Пересвет-Солтан, Б.Б. Шахно, Ф.С. Трасун) были католиками, двое (А.О. Волкович, Г.Ф. Филиппов) православными, один – иудеем. Наличие среди депутатов латыша и еврея соответствовало национальному составу населения: на западе губернии проживали латыши, а евреи составляли в те времена значительную часть жителей городов и местечек.

Во II Государственную думу в начале 1907 г. были избраны Михаил Михайлович Бениславский, Андрей Владимирович Бурмейстер, Егор Пахомович Быков, Генрих Клеофасович Дымша, Эдуард Андреевич Казрич, Федор Игнатьевич Петроченко. Трое из вновь избранных депутатов были дворянами, помещиками, двое – крестьянами.

М.М. Бениславский и Г.К. Дымша были католиками, представлявшими интересы польских аграриев западной части Витебской губернии. М.М. Бениславский владел имением Узильмуйжа в Режицком уезде размером в 157 дес. земли, но жизнь его была связана со столицей: он окончил Рижский политехнический институт, возглавлял Русское Восточно-Азиатское пароходство и работал Генеральным консулом Дании в Санкт-Петербурге [1, с. 48; 5, с. 171]. Г.К. Дымше принадлежало имение Рушони в Двинском уезде. Он имел высшее образование, окончив медицинский факультет Варшавского университета. Работал врачом в Вильно, поддерживал распространение образования на польском языке, за что преследовался властями [1, с. 177; 2, с. 55]. В Витебской губернии Дымша продолжал активно заниматься общественной деятельностью, являясь членом Витебского губернского и Режицкого уездного обществ сельского хозяйства. В сентябре 1905 г. он представлял Витебскую губернию на общероссийском съезде земских и городских деятелей в Москве [5, с. 171]. А.В. Бурмейстер принадлежал к православному дворянству восточной части губернии, владел имением Подберезье в Городокском уезде размером 107 дес. земли. Он окончил только Двинское реальное училище [1, с. 73]. На момент выборов Г.К. Дымша и А.В. Бурмейстер занимались сельским хозяйством в своих имениях.

Интересы православной части крестьянского населения Витебской губернии в Думе представляли Е.П. Быков и Ф.И. Петроченко. Первый был уроженцем деревни Глинчино Невельского уезда и имел 40,5 дес. наделной и приобретенной земли, т. е. относился к категории зажиточных крестьян. После окончания народного училища он принимал активное участие в местном управлении, занимая должности сельского старосты, волостного старшины, земского гласного, заведующего военно-конским участком. Некоторое время Быков служил управляющим имением помещика Лебедева в деревне Плетни [1, с. 74; 6, с. 95]. Ф.И. Петроченко также был зажиточным крестьянином, жил в деревне Дубровницы Полоцкого уезда и вел хозяйство на 26 дес. наделной и приобретенной земли. Образование имел начальное, окончив, как и Е.П. Быков, только народное училище. Петроченко три года прослужил придворным почтальоном в Петергофе на даче “Александрия”, был участником русско-японской войны 1904–1905 гг. [1, с. 459].

Представителем латышского населения Витебской губернии во II Государственной думе был Э.А. Казрич. Он был земледельцем деревни Казричи Режицкого уезда, имел высшее образование, окончив Рижский политехнический институт, служил в армии и вышел в запас в звании прапорщика [1, с. 228]. Его старшим братом был генерал-майор российской армии А.А. Казрич [7].

Все депутаты от Витебской губернии были сравнительно молоды: восемь (более половины) из них входили в возрастную группу 31–40 лет, трое – 41–50 лет, только Г.К. Дымша к моменту начала депутатских полномочий перешагнул рубеж в 50 лет.

Самым молодым был крестьянин Ф.И. Петроченко, которому в год работы II Думы исполнилось 32 года.

В Государственной думе посланцы Могилевской губернии вошли в многочисленные комиссии, как постоянные, так и временные. А.О. Волкович был членом издательской и финансовой комиссий, М.М. Бениславский входил в комиссию о нормальном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях, Г.К. Дымша – в аграрную комиссию. Крестьянин Е.П. Быков записался в продовольственную комиссию, а Ф.И. Петроченко – в комиссию о помощи безработным [1, с. 48, 74, 98, 177, 459].

Политические воззрения депутатов были различны. В апреле 1906 г. в Витебске был образован отдел Конституционно-демократической партии. Его возглавил Г.Я. Брук, но заметную роль играл и А.О. Волкович. В I Государственной думе оба вошли во фракцию кадетов [8, с. 57, 78]. Конституционных демократов первоначально поддерживал и крестьянин Г.Ф. Филиппов, но в Думе он в конечном счете примкнул к фракции трудовиков [1, с. 646]. П.И. Пересвет-Солтан, вначале также симпатизировавший кадетам, и Б.Б. Шахно вступили в группу западных окраин, которая выступала, как правило, совместно с польским колом – депутатами от польских земель Российской империи [4, с. 106; 6, с. 157–159; 9, с. 154]. Ф.С. Трасун стал членом латышской группы [1, с. 618], которая наряду с группой западных окраин, польским колом и другими национальными группами вошла в союз автономистов, главной целью которого была децентрализация и осуществление принципа автономного управления национальными окраинами, равноправие и улучшение правового положения народов империи.

Депутаты активно участвовали в законотворческой работе Думы, начавшей свои заседания 27 апреля 1906 г. Как и другие члены фракции кадетов, Г.Я. Брук и А.О. Волкович добивались продолжения либеральных реформ, основанных на Манифесте 17 октября 1905 г. о свободах. Они участвовали в обсуждении и подписании законодательного заявления “О гражданском равенстве”, включавшего требования отмены всех сословных, национальных и конфессиональных ограничений, дворянских привилегий и предоставления равных прав женщинам [1, с. 68, 98; 10, с. 464, 465]. Данное законодательное предположение подписали также Г.Ф. Филиппов и Ф.С. Трасун. Последний принимал участие в прениях по вопросу о всеобщей политической амнистии, земельному вопросу, о продовольственной помощи населению и др. Особенно его интересовали, как представителя латышской группы, национальные проблемы. Помимо равенства всех народов и свободы вероисповедания, Ф.С. Трасун добивался всеобщего и бесплатного образования, снижения налогового бремени и других улучшений в правах населения [1, с. 618].

Г.Я. Брук подписал законопроект “О замене ст. 55–57 Учреждения Государственной Думы”, который предусматривал процедуру упрощения и ускорения принятия законодательных проектов, что должно было привести к повышению роли “народного представительства” в системе законодательной власти [1, с. 68; 10, с. 456].

А.О. Волкович и Ф.С. Трасун были среди оппозиционно настроенных депутатов, выступавших за создание думской Комиссии по расследованию преступлений должностных лиц [1, с. 98, 618].

Противостояние Государственной думы и правительства привело 8 июля 1906 г. к роспуску “народного представительства”. В ответ через два дня в Выборге депутаты подписали воззвание с призывом к народу не давать “ни копейки в казну, ни одного солдата в армию”. Свои подписи под возванием поставили Г.Я. Брук и А.О. Волкович [8, с. 83]. Последний уговаривал подписать воззвание и Г.Ф. Филиппова, но тот отказался [11, с. 54–55].

Местные власти на повышенную активность оппозиционных депутатов ответили репрессиями. 7–8 ноября 1906 г. судебный следователь по особо важным делам провел допрос Г.Я. Брука и А.О. Волковича по делу о Выборгском воззвании. Им было предъявлено два обвинения: 1) в подписании воззвания; 2) в его распространении. Первое обвинение они приняли, а от прямого ответа на второе уклонились. 12–18 декабря 1907 г. состоялся судебный процесс по делу депутатов I Думы, подписавших Выборгское воззвание. Разбирательство происходило на заседаниях особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. По делу проходили Г.Я. Брук и А.О. Волкович. Их защитником на процессе был бывший член Виленской судебной палаты, кадет Г.Д. Скарятин. Суд приговорил обвиняемых к трем месяцам тюремного заключения и лишению избирательных прав [8, с. 89, 160]. Таким образом, они не могли стать депутатами Государственной Думы в дальнейшем. Г.Я. Брук был лишен также должности общественного раввина [1, с. 68].

Часть депутатов, хотя и были противниками роспуска I Думы, выступили с более умеренных позиций, нацеливаясь на мирное разрешение конфликта и участие в будущих выборах в Думу второго созыва. Б.Б. Шахно, наряду с другими польскими депутатами, представлявшими белорусско-литовские губернии, подписал “Воззвание депутатов-поляков Литвы и Беларуси” к избирателям, появившееся в печати в конце июля 1906 г. В нем депутаты раскрывали свое отношение к тем проблемам, которые обсуждались в Думе, отмечая необходимость решения земельного вопроса с учетом необходимости “поднятия благосостояния всего сельского населения, а в особенности малоземельного, при участии местных самоуправляющихся общественных организаций”. В воззвании делался акцент на необходимости экономических и административных реформ, введении широкого местного самоуправления. В отличие от Выборгского воззвания в данном обращении население призывалось “к новому, спокойному подготовке будущих местных выборов” [12]. Следует отметить, что во время работы Думы Б.Б. Шахно был среди польских землевладельцев, которые выступали против отчуждения даже небольшой части помещичьих земель в пользу крестьян. П.И. Пересвет-Солтан был сторонником частичного увеличения крестьянского земельного фонда за счет помещиков [5, с. 159].

Депутатский корпус от Витебской губернии во II Государственной думе, работавшей с 20 февраля по 3 июня 1907 г., придерживался более правых политических взглядов. С самого начала к кадетам примкнул Э.А. Казрич. Затем к ним присоединился и первоначально беспартийный А.В. Бурмейстер [1, с. 73, 228]. М.М. Бениславский и Г.К. Дымша солидаризировались с другими депутатами-поляками, образовавшими окраинное коло (или коло польских депутатов-конституционалистов Литвы и Руси) и польское коло [5, с. 173]. Оба депутата из числа православных крестьян сначала были беспартийными, но Е.П. Быков потом вступил в группу правых и умеренных. Ф.И. Петроченко, оставаясь беспартийным, также в основном примыкал к правому флангу Думы [1, с. 74, 459].

Наиболее активными представителями Витебской губернии во II Государственной думе оказались депутаты-крестьяне. Несмотря на принадлежность к правому лагерю, они стремились отстаивать интересы крестьянства. Уже в самом начале сессии Е.П. Быков и Ф.И. Петроченко подписали прошение на имя председателя Думы Ф.А. Головина о признании вопроса о земле самым важным, необходимости создания специальной земельной комиссии пропорционально из представителей всех думских фракций, но с численным преобладанием депутатов-крестьян [6, с. 97]. Выступая в апреле 1907 г. с трибуны Думы, Ф.И. Петроченко заострил внимание депутатов на проблеме крестьянского малоземелья. Он предложил выкупить по минимальной цене дворянские земли и пере-

дать их крестьянам. При этом Петроченко, как и большинство правых, был сторонником сохранения крестьянской общины [1, с. 459; 6, с. 97]. Радикальный подход к решению земельного вопроса не помешал ему стать членом делегации правых депутатов-крестьян, принятых Николаем II 14 апреля 1907 г. В июне того же года Петроченко был среди тех депутатов, кто подписал телеграмму на имя императора с выражением благодарности за роспуск II Государственной думы и изменение избирательного закона [1, с. 459].

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что депутаты I и II Государственных дум от Витебской губернии представляли основные социальные группы населения: дворян, духовенство, мещан, крестьян. Анализ имущественного положения депутатов показал, что среди них преобладали состоятельные люди, даже крестьяне относились к зажиточной прослойке сельского населения. В национальном плане среди депутатов преобладали белорусы (в основном крестьяне) и поляки (помещики). В I Думе своих представителей имело также латышское и еврейское население, во II Думе – только латышское. Все депутаты от Витебской губернии были сравнительно молоды: более половины из них имели возраст до 40 лет.

По своим политическим взглядам депутаты I Государственной думы преимущественно принадлежали к либеральному лагерю. Они записались во фракции кадетов, трудовиков, группу западных окраин и латышскую группу. Во II Думе посланцы Витебской губернии также вошли во фракцию кадетов, окраинное коло. Но крестьяне придерживались более консервативных взглядов и поддерживали думских правых. Депутаты приняли участие в обсуждении вопросов, связанных с продолжением либеральных реформ, основанных на Манифесте 17 октября 1905 г. о свободах. Крестьяне стремились отстоять меры, направленные на расширение крестьянского земельного фонда, в т. ч. за счет земель дворян. Дворяне-помещики из числа польских аграриев, в свою очередь, настаивали на неприкосновенности земельной собственности, акцентируя внимание на необходимости экономических и административных реформ, введении широкого местного самоуправления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная дума Российской империи: 1906–1917 : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2008. – 735 с.
2. *Brzoza, C.* Poświę Polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917 : słownik biograficzny / C. Brzoza, K. Stepan. – Warszawa, 2001. – 220 s.
3. *Моторова, Н. С.* Алексей Волкович – депутат I Государственной думы и общественный деятель из Витебска / Н. С. Моторова // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г. : сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. – СПб. : Астерион, 2018. – Ч. 1. – С. 59–68.
4. Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. – М. : Возрождение, 1906. – 112 с.
5. *Смалянчук, А. Ф.* Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб. : Неўскі працяг, 2004. – 406 с.
6. *Никитенко, Н. В.* “Выбран крестьянами...” (Страницы жизни Егора Пахомовича Быкова – невельского крестьянина, депутата II Государственной думы России от Витебской губернии) / Н. В. Никитенко // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2011. – № 35. – С. 95–105.
7. Antons Kazričs – Kazradzis // Latgales dati [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://latgalesdati.du.lv/persona/3544>.

8. **Лавринович, Д. С.** Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.) / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 328 с. : ил.
9. **Tarasiuk, D.** Miedzy nadzieja a niepokojem. Dzialalnosc spoleczno-kulturalna i polityczna Polakow na wschodniej Bialorusi w latach 1905–1918 / D. Tarasiuk. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2007. – 212 s.
10. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. : документы и материалы. – М. : РОССПЭН, 2006. – 768 с.
11. Выборгский процесс. Иллюстрированное издание. – СПб. : Тип. т-ва “Общественная польза”, 1908. – IV, 262 с. : ил.
12. Дневник // Свободное слово. – 1906. – 26 июля. – С. 3.

Поступила в редакцию 08.05.2020 г.

Контакты: lavrinovich@msu.by (Лавринович Дмитрий Сергеевич)

Lavrinovich D. DEPUTIES FROM VITEBSK PROVINCE IN THE FIRST AND SECOND STATE DUMA.

The article reveals social characteristics of the deputies of the State Duma (landlords, representatives of the clergy, peasants). By national composition, they were dominated by the Belarusians (mostly peasants) and Polish (landlords). The presence of the Latvians and Jews among the deputies corresponded to the national composition of the population: the Latvians lived in the west of Vitebsk province, and the Jews at that time made up a significant part of the inhabitants of cities and towns. According to their political views, the deputies predominantly belonged to the liberal camp. In the Second Duma, the peasants supported the representatives of the right. The deputies took part in the discussion of the issues related to the continuation of liberal reforms based on Manifesto of October 17, 1905. The peasants proposed measures aimed at expanding the peasant land fund, including the land of the nobles. The nobles and landlords among the Polish farmers defended the inviolability of land ownership, focusing on the need for economic and administrative reforms, the introduction of broad local self-government.

Keywords: State Duma, Vitebsk province, deputies, social status, Constitutional Democrats, group of western suburbs, Latvian group.

УДК 94 (576)“1914/1918”

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА Г. И. ШАВЕЛЬСКОГО

Э. В. Старостенко

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена анализу официальных документов и мемуаров, автором которых является Г.И. Шавельский – последний протопресвитер военного и морского духовенства. Предлагается рассмотреть, как события Первой мировой войны отражены в документах по ведомству военного и морского духовенства, составленных протопресвитером (циркулярах, статьях), а также в источниках личного происхождения (воспоминаниях).

Ключевые слова: Первая мировая война, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, священники, протопресвитер, Г.И. Шавельский, революционные события 1917 г.

Введение

С 1911 г. вплоть до ликвидации ведомства военного и морского духовенства в 1918 г. должность его руководителя (протопресвитера) занимал Георгий Иванович Шавельский. Он родился в селе Дубокрай Витебской губернии. Учился в Витебской духовной семинарии, после чего некоторое время работал псаломщиком и учителем, позже был рукоположен в сан священника. В 1902 г. Г.И. Шавельский окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Принимал участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. в качестве полевого священника, а с 1 декабря 1904 г. – главного полевого священника Маньчжурской армии. Карьера Г.И. Шавельского пошла в гору и, несмотря на отсутствие высоких покровителей и низкое социальное происхождение, в мае 1911 г. он занял должность протопресвитера военного и морского духовенства [1, с. 52]. Г.И. Шавельский приложил огромные усилия для превращения работы ведомства военного и морского духовенства в отлаженный механизм. Протопресвитер был хорошо знаком с особенностями деятельности православного духовенства в армии в военное время, а потому прилагал все усилия для методического обеспечения подчиненного духовенства. Поэтому его авторству принадлежит большое число документов, статей и брошюр, призванных улучшить работу ведомства и военного духовенства.

Литературное наследие Г.И. Шавельского, затрагивающее Первую Мировую войну, можно разделить на две группы. В первую входят изданные документы и материалы, предназначенные для военного духовенства и военнослужащих. Среди них особого внимания заслуживают циркуляры, изданные в годы войны, а также опубликованные протопресвитером статьи просветительского и воспитательного характера, которые по настоящее время не получили должного внимания со стороны исследователей. Во вторую группу входят источники личного происхождения, представленные воспоминаниями о службе в военное время.

Основная часть

Являясь протопресвитером, Г.И. Шавельский от своего имени издавал циркуляры, обязательные для исполнения православным военным духовенством. В годы Первой мировой войны большая часть этих циркуляров была опубликована в виде “Руковод-

ственных указаний духовенству действующей армии”. Первой в “Руководственных указаниях” размещена “Инструкция полковым священникам”, предназначенная для всех православных иереев, служащих в армии. В ней Г.И. Шавельский призывает подчиненных ему священников помнить, что война решает участь народа, и ее исход “зависит от Бога и от напряжения сил народных” [2, с. 3]. А потому долг военного священника – “непрестанно молиться, чтобы Господь не оставил Своею милостью нашу Родину и Армию, и всячески и словом, и делом содействовать подъему духовных сил воинской части, при которой он состоит”. Помимо инструкции полковым священникам протопресвитер в годы войны подготовил циркуляры, регламентирующие работу священников госпиталей, запасных частей, артиллерийских бригад, эвакуационных и распределительных пунктов, полков особого назначения. Отдельные документы были посвящены службе гарнизонных и госпитальных благочинных, проповедников и миссионеров армий.

Часто циркуляры протопресвитера были реакцией на изменения на театре боевых действий. Когда в 1915 г. российская армия стала терпеть поражение, 14 сентября 1915 г. был издан циркуляр “Духовенству воинских частей действующей армии”, в котором священникам рекомендовалось усилить работу с военнослужащими по укреплению морального духа и патриотизма: разъяснять важность текущей войны, убеждать, что отступление – это еще не поражение [2, с. 34]. Для сохранения влияния в воинской среде протопресвитер предлагал священникам быть ближе к пастве, не прятаться в глубоком тылу и в обоях второго разряда, размещенных в отдалении от непосредственных боевых действий.

Отреагировал протопресвитер и на падение морали солдат, а также участвовавшие случаи сдачи в плен. Решением данных проблем, по его мнению, должны стать беседы и проповеди, направленные на укрепление солдат в их верности, готовности к самопожертвованию. Так, в недатированном циркуляре (предположительно вторая половина 1915 г.) протопресвитер предлагает основные тезисы, на которых должны строиться беседы. В развязывании войны он обвиняет врага, желающего ограбить и разорить Россию, позабыв человеческие и божеские законы (“когда не щадит ни храмов Божиих, ни беззащитных женщин и детей”) [2, с. 38]. Небрежную службу и сдачу в плен называет тяжчайшим преступлением перед Богом, Царем и Родиной, товарищами, семьей. А чтобы отбить у солдат желание сдаваться в плен, предлагает военным священникам рассказывать о невыносимых условиях жизни в плену: “Пленных наших немцы подвергают всяким оскорблениям и лишениям. По окончании войны сдавшиеся в плен будут судиться как тяжкие преступники, а семьи их будут лишены всякой помощи... Позор отцов навеки ляжет на детей и внуков” [2, с. 39]. При этом Г.И. Шавельский считал необходимым убеждать солдат в том, что мир будет заключен только при полной победе, а потому разговоры о нем преждевременны. Ускорить его заключение можно лишь сражаясь мужественно и исполняя свой долг усердно.

Нашлось в циркулярах протопресвитера место урегулированию межконфессиональных отношений в армии. В циркуляре от 3 ноября 1914 г. протопресвитер пишет о важности сохранения согласия между православными и представителями других конфессий. Указывая на то, что в военное время “смякла религиозная вражда”, Г.И. Шавельский призвал военных священников избегать религиозных споров и обличения других религий, а также провести проверку библиотек на наличие в них литературы, содержащей критику католицизма, протестантизма и других религий. “Подвизающееся на бранном поле духовенство, – писал протопресвитер, – имеет возможность подтверждать величие и правоту православной церкви не словом обличения инаковерующих, а делом христианского самоотверженного служения как православным, так и

инославному, памятуя, что последние проливают кровь за Веру, Царя и Отечество и что у нас с ними один Христос, одно евангелие, и одно крещение, и не упуская случая, чтобы послужить уврачеванию и их духовных и телесных ран” [2, с. 44]. И действительно, в годы Первой мировой войны православные священники нередко причащали и отпевали военнослужащих неправославного вероисповедания, проводили с ними беседы. Это во многом связано с отсутствием в местах размещения войск священнослужителей других конфессий. Вместе с тем в циркуляре от 29 июля 1915 г. протопресвитер предлагал обратить внимание на пропаганду баптистов как восхваляющую порядки немецкого государственного и общественного строя [2, с. 44].

“Руководственные указания” содержат циркуляры, изданные до революционных событий. Восполнить пробел по 1917 г. помогают архивные документы. Так, циркуляр от 16 июня 1917 г. позволяет сделать выводы о серьезных изменениях в условиях службы военного духовенства. Интересен тот факт, что изменилось обращение к священникам – “Дорогие братья и соратники” – то есть на более соответствующее переживаемому времени. Протопресвитер, признавая усталость от окопной жизни и сложность служения в послереволюционной армии, просит священников еще более ответственно относиться к своим обязанностям. “Наши духовные дети – воины, завоевав свободу, еще не разобрались ни в своих, как граждан, правах, ни в своих обязанностях, – писал Г.И. Шавельский. – Самая свобода многими понята привратно; в общей массе в последнее время обнаруживается охлаждение к вере и церкви, а для некоторых вера и церковь стали казаться остатками старого режима” [3, л. 83]. А потому задача военного духовенства – показать пример понимания своего гражданского долга и самоотверженного служения.

В июле 1917 г. состоялся Второй всероссийский съезд военного и морского духовенства. Одной из его задач стало переизбрание протопресвитера. Большинство голосов Г.И. Шавельский сохранил данную должность за собой. В связи с этим он подготовил обращение к духовенству армии и флота, в котором просил серьезнее относиться к службе в условиях нравственного падения в армии: “Наша драгоценнейшая паства – армия, врагами Родины развращенная и растленная, нравственно пала. Священные воинские заветы, вековые славные традиции ею забыты, попорчены. Только немногие воинские части остались верными своему долгу, не омрачили былой, заслуженной ранее славы. А большинство в недавние злосчастные для Родины июльские дни покрыли себя вместо славы навеки не смываемым позором; вместо подвигов озаменовали себя трусостью, изменой, грабежами, насилиями, надругательствами над женщинами и даже детьми, святотатством, избиением своих верных долгу начальников и другими злодеяниями, и всем этим привели Святую нашу Родину к краю гибели” [3, л. 79]. Долг военного священника – образумить армию, не боясь страданий, насмешек и оскорблений, не страшась самой смерти. Особое внимание он предлагал уделить офицерам, чтобы те могли влиять на “серую солдатскую массу”.

Помимо циркуляров, в годы войны протопресвитер писал воззвания к армии и духовенству, составлял тексты бесед и проповедей. В числе отдельно опубликованных работ – “Христолюбивые, доблестные воины”, “Война – суд Божий”, “Не верьте дурным слухам, они идут от врагов”.

Текст “Христолюбивые, доблестные воины” был опубликован в 1915 г. на фоне антироссийской пропаганды, организованной Германией и Австро-Венгрией. Он, вероятно, был предназначен для распространения среди солдат, также его могли использовать священники в составлении бесед и проповедей. Протопресвитер писал, что цель начатой Германией войны – “разорить православную Сербию, ограбить нашу Святую Русь”. Вместе с тем за шесть месяцев войны Германии не удалось достичь успехов, а потому

она, посредством распространения ложных слухов, пытается посеять сомнение в рядах русской армии. Речь идет о поступлении в действующую армию подготовленных врагом прокламаций, лжеманифестов императора и т. п. В таких прокламациях сообщалась информация о поражениях российской армии, желании народа окончания войны, а также клевета на высшее военное руководство. Что немаловажно, в них предлагалось сдаваться в плен, а также продавать противнику оружие. Протопресвитер призывал солдат не верить данным слухам и убеждал в обратном: “Никогда еще так не объединялись у нас Царь, вожди и народ, как в настоящую пору. Теперь у всех, от Царя до простолюдина, одна мысль и одно желание: довести войну до победного конца, окончательно сломить наглого врага, надолго обеспечить мир и себе, и всему миру” [4, с. 2]. Интерес представляют слова Г.И. Шавельского о настроениях общества: прекратились партийные споры, “загорелся дух народный”, исчезло пьянство. Достойным ответом солдат на распространяемую ложь должно стать большее усердие, которое ускорит разгром противника.

Эти идеи получили развитие в труде “Не верьте дурным слухам, они идут от врагов”, опубликованном в 1917 г. (вероятно, накануне февральских событий). Особый интерес представляет описание протопресвитером подготовки Германии к войне: “Наковали оружия, наделали разных орудий, запасли множество снарядов, придумали новые смертоубийственные средства, как удушливые газы, химические снаряды и пр.” [5, с. 1]. Вместе с тем он пишет, что, помимо производства вооружения, противник хотел воспользоваться слабостями российского общества: пьянством, внутренними беспорядками и ссорами. Но им это не удалось: продажа алкоголя была запрещена, споры стихли, а весь народ стал на защиту родины. Тогда был избран новый способ воздействия на население Российской империи – посредством служащих Германии людей (из-за денег, ненависти к России). И где больше немцев – там больше слухов (например, в рижских землях). Протопресвитер приводит примеры наиболее распространенных слухов: о том, что правительство заодно с немцами, о том, что правительство желает, чтобы больше людей погибло в войне, о том, что у крестьян полностью хотят отнять землю и т. п. Главная цель таких слухов – настроить народ против правительства. Широкое распространение подобных утверждений свидетельствует о росте политической напряженности в армии, военной усталости и, соответственно, недовольство властями, чем не преминула воспользоваться немецкая пропаганда. Не исключено, что протопресвитер пытался поставить в глазах солдат на одну ступень немецкую пропаганду и деятельность агитаторов различных политических партий, которые также критиковали действующую власть. Он пишет: “Такие слухи, наверное, идут от немцев” [5, с. 2]. Косвенно на это указывает и следующее утверждение: “Не время нам теперь сводить счеты, спорить друг с другом, заподозривать, корить друг друга... чтобы наши внутренние недочеты и настроения не повредили защите родины” [5, с. 2].

От двух вышеназванных работ отличается статья “Война – суд Божий” (1917). Исходя из содержания, данный текст носит скорее философско-богословский характер, вероятно, предназначен для проповедей. Точно указать, до или после революционных событий он был составлен, не представляется возможным. Данный труд является нетипичным для большинства проповедей военного времени, так как в нем акцентировано внимание на проблеме труда. Сделав выводы о том, за какие грехи будет отвечать на Великом Суде противник, протопресвитер называет и главный грех русского народа. Этот грех – лень. За него, по мнению протопресвитера, бог наказывает русский народ отставанием от соседей, неиспользованием богатств страны [6, с. 3]. Отстав от других, слабо снабженный и вооруженный, расплачивается народ Российской империи тысячами жизней. Спасение из сложившейся ситуации – исполнение каждым его дела добросовестно и самоотверженно, и тогда труд приведет к победе.

Г.И. Шавельский оставил после себя подробные воспоминания, значительная часть которых посвящена периоду пребывания в должности протопресвитера. В 1954 г. были опубликованы “Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота” (в 2-х т.), в 2005 г. – “Русская церковь пред революцией” [7–9]. Помимо прочего, в фондах Государственного архива Российской Федерации хранятся воспоминания Г. Шавельского “Три года в Ставке Верховного Главнокомандующего” (1914–1917 гг.). Из источников личного происхождения можно почерпнуть много информации о жизни Ставки в Могилеве, беседах с высшим военным руководством, духовенством, воинскими чинами [10, с. 87]. Протопресвитер описывает успехи и поражения на театре боевых действий, рассказывает о росте напряжения в Петрограде. Не обходит вниманием императорскую семью и приближенных к ним. Большое внимание в контексте военных событий уделяет описанию службы военного духовенства. В большей степени Шавельский хвалит подчиненных ему священников, указывает на высокую оценку их работы военным начальством. Вместе с тем не скрывает проблем, возникающих в их деятельности.

Так, во время войны Г.И. Шавельский часто совершал поездки на фронт. Во время командировок он не только служил молебны и выступал с проповедями, но и проверял подчиненных ему священнослужителей. После богослужений он нередко беседовал с солдатами, попутно проверяя полкового священника: выяснял, знает ли священника паства, знаком ли он с ней, посещает ли священник окопы, как часто проводит беседы: “Усердный священник прекрасно знал расположение на позиции полковых рот, храбрых и трусливых солдат, встречался в окопах, как частый и приятный гость” [8, с. 97]. По такому же принципу протопресвитер проверял работу госпитального духовенства, посещая больных и раненых: “Усердный госпитальный священник хорошо знал каждую палату и состояние каждого больного” [8, с. 97].

Воспоминания протопресвитера позволяют проследить, как менялись настроения на фронте: от уважительного отношения к священнослужителям до готовности наброситься на представителя православной церкви, выступающего с призывом продолжать воевать. Шавельский испытал такое на себе: в конце декабря 1916 г. выступление перед 17 Сибирским стрелковым полком, уличенном в нежелании сражаться, привело к раскаянию и даже слезам в рядах солдат; буквально через полгода, в мае 1917 г., похожее выступление было встречено в штыки, толпа чуть не растерзала главу военного духовного ведомства [8, с. 277]

Заключение

Последний протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский оставил после себя значительное литературное наследие. Многие работы связаны с его деятельностью в годы Первой мировой войны. Являясь главой ведомства военного и морского духовенства, он составил значительное количество циркуляров, адресованных военному духовенству, по которым можно установить развитие войны, задачи, возлагаемые на рядовых священников армии. Помимо циркуляров, он подготовил ряд статей-проповедей, которые были опубликованы как самостоятельные произведения в 1915–1917 гг. Их изучение позволяет сделать выводы о том, как военнотружущим объясняли события текущей войны, как интерпретировали поступающую в действующую армию информацию о ходе боевых действий и настроениях в тылу и армии. Источники личного происхождения позволяют установить отношение протопресвитера к происходящему в стране в рассматриваемый период времени, исследовать как осуществлялась его деятельность в условиях войны, как проходила служба подчиненного ему духовенства в частях и учреждениях российской армии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Старостенко, Э. В.** Полевая канцелярия протопресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 51–58.
2. Руководственные указания духовенству действующей армии. – 3-е изд. – М. : Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1916. – 56 с.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10776.
4. **Шавельский, Г. И.** Христолюбивые, доблестные воины! / Г. И. Шавельский. – Петроград : Воен. тип. гл. штаба, 1915. – 2 с.
5. **Шавельский, Г. И.** Не верьте дурным слухам: они идут от врагов! / Г. И. Шавельский. – М. : Изд-во при протопресв. воен. и мор. духовенства, 1917. – 2 с.
6. **Шавельский, Г. И.** Война – суд божий / протопресв. Г. И. Шавельский. – [М.] : Изд-во при протопресв. воен. и мор. духовенства, [1917]. – 4 с.
7. **Шавельский, Г.** Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 1. – 414 с.
8. **Шавельский, Г.** Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 2. – 412 с.
9. **Шавельский, Г.** Русская церковь пред революцией / протопресв. Г. Шавельский – М. : Артос-Медиа, 2005. – 510 с.
10. **Старостенко, Э. В.** Изучение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны на основе источников личного происхождения / Э. В. Старостенко // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2016. – № 1. – С. 86–90.

Поступила в редакцию 26.03.2020 г.

Контакты: starostenko_ev@msu.by (Старостенко Элеонора Викторовна)

Starostenko E. THE FIRST WORLD WAR IN THE DOCUMENTS AND MEMOIRS OF THE LAST PROTOPRESBYTER OF MILITARY AND NAVY CLERGY G. SHAVELSKY.

The article is devoted to the analysis of official documents and memoirs, authored by the last Protopresbyter of the military and naval clergy G.I. Shavelsky. The author suggests considering the issue how the events of the First World War were reflected in the documents of the Department of the Military and Naval Clergy compiled by the Protopresbyter (circulars, essays), as well as in the sources of personal origin (memoirs).

Keywords: the First World War, the Department of Protopresbyter of the Military and Navy Clergy, Protopresbyter, G.I. Shavelsky, revolutionary events of 1917.

УДК 94(476):329.14“1917”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОМЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ВЕСНОЙ 1917 г.

А. А. Воробьев

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье проводится анализ деятельности Гомельской организации партии социалистов-революционеров (эсеров) в революционном 1917 г. Анализ проводился автором не только на основе архивных источников, но и материалов периодической печати, которые по своей значимости могут быть сравнимы с архивными материалами. Проведенный анализ позволил автору сделать вывод о том, что деятельность Гомельской организации партии эсеров в указанный период времени была весьма активной и результативной, что дало возможность этой организации значительно усилить свое влияние на население г. Гомеля и Гомельского уезда.

Ключевые слова: Февральская революция, партия социалистов-революционеров, эсеры, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Могилевская губерния, Гомель.

Введение

Победа в России Февральской буржуазно-демократической революции привела к выходу из подполья преследовавшихся царским правительством политических партий, в том числе и партии социалистов-революционеров (эсеров), ставшей в революционном 1917 г. одной из наиболее влиятельных политических сил. Данная статья посвящена практической деятельности Гомельской организации партии эсеров, так как до настоящего времени не только по деятельности в целом Всероссийской партии социалистов-революционеров, но и ее отдельных организаций довольно мало объективной информации. Февраль 1917 г. привел к ломке старых и образованию новых для России властных структур (Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов).

Не обошел стороной этот процесс и белорусские земли, входившие тогда в состав России. В Беларуси начальный период ликвидации местных органов царской власти и образования Советов, а также губернских, городских и уездных органов Временного правительства длился примерно со 2 по 11 марта 1917 г. В течение этого времени были образованы Минский, Витебский, Гомельский, Бобруйский, Полоцкий и ряд других Советов рабочих и солдатских депутатов, были сформированы губернские и городские комитеты общественной безопасности и назначены губернские и уездные комиссары Временного правительства [1, с. 104].

Основная часть

Шестого марта был образован Гомельский Совет рабочих и солдатских депутатов, который, согласно его заявлению, взял на себя охрану нового строя до тех пор, пока Учредительное собрание не установит иные правительственные органы, не менее авторитетные [2]. Пришедшее к власти после свержения в России царского самодержавия буржуазное Временное правительство назначило вместо царских губернаторов комиссаров во все губернии страны. Комиссаром Минской губернии был назначен бывший председатель губернской земской управы кадет Самойленко, комиссаром Витебской губернии стал занимавший ранее в своей губернии такой же пост, как и Самой-

ленко, кадет Карташев. Могилевским губернским комиссаром стал бывший Минский царский губернатор князь Друцкой-Соколинский, который на момент его назначения комиссаром колебался в своих политических симпатиях между партиями кадетов и октябристов, представители которых и вошли в состав Временного правительства первого состава. Впрочем, один из новых комиссаров (Карташев) недолго удержался на своем посту, и уже 19 марта 1917 г. Витебским губернским комиссаром стал кадет А.С. Волкович [3].

Следует отметить, что в целом процесс смены старых властных структур новыми в Беларуси, как и во всей России, проходил достаточно быстро и безболезненно. При этом многие органы власти и управления состояли из представителей разных политических партий, в том числе и социалистов-революционеров (эсеров). Гомельские эсеры активизировались только в марте 1917 г., поскольку многие из них в феврале еще находились на пути в Беларусь из тюрем и ссылок. Организации социалистов-революционеров белорусских губерний придавали большое значение предстоявшим выборам в органы местного самоуправления. Они полагали, что, имея сильные позиции в этих органах, их партия получит широкий выход на связь с массами городского населения. Все эсеровские организации активно вели устную и печатную пропаганду и агитацию, подбирали и рекомендовали народным массам достойных кандидатов, как правило, из своих рядов для избрания в органы городского и сельского самоуправления.

Так, Гомельская городская дума на своем заседании 27 марта 1917 г. по предложению ее члена К.С. Тюфяева (эсера) решила направить приветственную телеграмму Е.К. Брешко-Брешковской, которую эсеры всей России называли “бабушкой российской революции”. Вместе с телеграммой Дума направила ей 500 рублей на издание литературы для народа. Такую же сумму Дума предоставила в распоряжение Гомельской городской управы на издание и распространение аналогичной литературы местными организациями эсеров [4, л. 2].

Эсеровские организации Беларуси в марте-апреле 1917 г. в целях популяризации программы своей партии активно вели пропагандистскую и агитационную работу в широких народных массах, разъясняли солдатам, рабочим и крестьянам политику партии о войне и мире, по аграрному вопросу, по отношению к Временному правительству и др. Весной 1917 г. белорусские крестьяне, не без влияния эсеров, повсеместно выражали поддержку Временному правительству России. В числе уездных крестьянских съездов, заявивших о готовности поддерживать его всеми силами, был и Гомельский уездный крестьянский съезд [5, с. 31]. Гомельский городской комитет партии эсеров проводил запись в члены партии в помещении Совета рабочих и солдатских депутатов ежедневно (за исключением воскресенья) с 10 часов утра до 2 часов дня [6]. Эту работу выполняли социалисты-революционеры Засорин, Малеев, Малышицкий и Шишаев, которые в числе 25 человек были избраны на состоявшихся перевыборах в исполнительный комитет Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов [7].

Активная работа организаций эсеров белорусских губерний по росту их рядов давала положительные результаты. Они становились не только многочисленными, но и охватили все уезды и многие волости. Пятого мая 1917 г., после Апрельского кризиса, было образовано первое коалиционное Временное правительство. Предыдущий, первый состав Временного правительства, состоявший почти исключительно из представителей буржуазных партий кадетов и октябристов, был вынужден уйти в отставку после взрыва народного негодования, вызванного нотой Милокова (министра иностранных дел). В новое коалиционное правительство вошли и представители партии эсеров. Так, военным и морским министром стал А.Ф. Керенский, который до этого занимал пост министра юстиции и был единственным представителем левых сил в

буржуазном Временном правительстве. Министром земледелия стал один из лидеров партии эсеров В.М. Чернов. Новый кабинет министров опубликовал 5 мая 1917 г. декларацию. В ней говорилось, что Временное правительство, отвергая в полном согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей целью ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достоинства, ни насильственный захват чужих территорий, то есть мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов [8, с. 174].

Вступление лидеров партии социалистов-революционеров в коалиционное Временное правительство создало новую обстановку для ее деятельности. До 5 мая 1917 г. партия поддерживала революционные требования народных масс. После того как представители партии эсеров вошли в состав Временного правительства партия стала правящей, а ее отношение к революционным требованиям народа стало меняться. Правящей партии надо было самой выполнять эти требования, и поэтому ее отношение к ним не могло оставаться таким, каким оно было в марте-апреле 1917 г. Состоявшийся в мае 1917 г. съезд Всероссийской партии социалистов-революционеров взял курс на сближение ее с буржуазной партией кадетов. Из этой новой политической линии социалистов-революционеров вытекало то, что без конфликта с помещиками и буржуазией решить вопрос о земле в интересах крестьян было невозможно, но на такой конфликт руководство эсерской партии идти не решалось. Провозгласив передачу земли крестьянам, оно не торопилось выполнять свои обещания. После майского съезда партии эсеров борьба политических партий России за влияние на крестьянство резко обострилась. Наиболее ярко она проходила на губернских и уездных крестьянских съездах. При этом руководство партии социалистов-революционеров требовало от своих местных организаций всемерно противодействовать активной работе среди крестьян-большевиков и всячески удерживать крестьянские массы под влиянием эсеров.

Гомельские эсеры в мае 1917 г. провели целый ряд митингов, чтобы не допустить снижения своего влияния на крестьянство Гомельского уезда. Восьмого мая на митинге в автомастерской Ново-Белицы (сейчас это уже район города Гомеля, тогда – местечко недалеко от города), с числом участников до 500 человек, выступили социалисты-революционеры Капелуш, Карасиков и Годзевич. В своих выступлениях они говорили о социализме, о программе партии эсеров, об Учредительном собрании и о других жизненно важных вопросах того времени [9]. Четырнадцатого мая в той же Ново-Белице эсеры организовали митинг солдат и горожан. Открыл его Карасиков, который ознакомил собравшихся с аграрной программой Всероссийской партии социалистов-революционеров. Эсеры Цветаев, Капелуш и другие говорили о войне и муниципальной программе партии эсеров. Митинг прошел весьма оживленно, а после его окончания участники отправили приветственные телеграммы В.М. Чернову и А.Ф. Керенскому [10]. Гомельский Совет рабочих и солдатских депутатов по инициативе входивших в его состав эсеров в мае 1917 г. создал курсы по подготовке агитаторов-социалистов в целях проведения лекций для населения города и уезда. Был намечен следующий ряд лекций: 1. “Война и демократия”; 2. “Учредительное собрание”; 3. “Система выборов и их техника”; 4. “Формы государственного правления”; 5. “Местное самоуправление”; 6. “Труд и капитал”; 7. “Чего хотят социалисты?”; 8. “Монополизация”; 9. “Рабочее законодательство”; 10. “Кооперация”; 11. “Налоги”; 12. “Профессиональные союзы”; 13. “Аграрный вопрос”. Ввиду особой важности по двум темам (“Чего хотят социалисты?” и “Аграрный вопрос”) предусматривалось проведение не по одной лекции, а по две [10].

Большого успеха добились эсеры белорусских губерний, включая гомельских, на проходившем 23–26 мая 1917 г. в Минске съезде Западной области. Западной областью

после Февральской революции в России некоторое время называли все белорусские земли, которые не были оккупированы немецкими войсками во время Первой мировой войны, а, также две соседние с Беларусью российские губернии (Псковская и Смоленская). На этом съезде должны были быть представлены Минская, Могилевская, Витебская, Смоленская, часть (неоккупированная немцами) Виленской и Псковской губернии с центром области в городе Витебске. Однако затем границы Западной области изменились. Витебская и Псковская губернии отошли к Северной области с центром в Пскове. Таким образом, на съезде Западной области присутствовали лишь представители Минской, Могилевской и части Виленской губерний [11, с. 35–36]. Всего было представлено пятнадцать Советов рабочих и солдатских депутатов, объединявших 241700 организованных рабочих и солдат. Председателем съезда был избран председатель Минского Совета рабочих и солдатских депутатов межрайонец (представитель одного из течений в партии меньшевиков) Позерн, товарищами председателя избрали меньшевиков Севрюка (Гомель) и Хватова (Минск). На последнем заседании был избран областной комитет, который состоял из пяти человек. Этот комитет впоследствии предполагалось пополнить представителями наиболее крупных Советов Западной области. В комитет были избраны: Фишгендлер (Минск, меньшевик), Соколдынский (Минск, социалист-революционер), Закис (Бобруйск, социалист-революционер), Ямпольский (Борисов, меньшевик) и Фролов (Гомель, социалист-революционер). В принятой резолюции о войне съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области отмечал, что мир, достойный демократии всех стран, может быть заключен не в результате военного разгрома одной из борющихся сторон, а только на основе общего соглашения трудящихся классов всех стран и отказа правительств от всяких захватов и карательных взысканий (контрибуций), признании прав народов на их самоопределение. Съезд осудил всякие сепаратные выступления как вредные и недопустимые с точки зрения интересов революционной демократии и будущего всей Европы, как вносящие дезорганизацию в ряды армии и понижающие ее боеспособность. Съезд признал необходимым оказать коалиционному Временному правительству реальную поддержку своим непосредственным активным участием в работе по осуществлению и проведению на местах мероприятий правительства [12]. Таким образом, в областном комитете Западной области из пяти его членов большинство (три человека) было представлено социалистами-революционерами, а один из трех эсеров (Фролов) был гомельчанин.

Продолжалось сотрудничество эсеров Беларуси с представителями других политических партий, что выражалось в создании коалиционных кандидатских списков для выборов в органы местного самоуправления. Так, еще в конце мая 1917 г. список № 1, в который входили представители партии эсеров, объединенных социал-демократов, бундовцев и польских социалистов, был выдвинут на выборах в Гомельскую городскую думу. Из ста одного кандидата от этого блока двадцать восемь были эсерами. Род их занятости: 1. Годзевич И.Ф. – инженер; 2. Астрахан Б.Н. – журналист; 3. Михаленко В.А. – служащий Полоцкой железной дороги; 4. Макогонов А.П. – юрист; 5. Шишаев Р.Л. – солдат; 6. Цветаева Е.И. – учитель; 7. Засорин М.Ф. – солдат; 8. Бахтин М.Л. – журналист; 9. Карпучек Г.С. – служащий; 10. Андрианов С.С. – электротехник; 11. Гельфер С.Б. – конторщик; 12. Константинов С.В. – солдат; 13. Казимиров Д.П. – рабочий; 14. Лохматов П.М. – учитель; 15. Цветаев А.А. – врач; 16. Бутома Н.Г. – техник; 17. Сапожников И.П. – рабочий; 18. Грищенко Е.Л. – учитель; 19. Гапонов И.Я. – рабочий; 20. Юрьева З. А. – учитель; 21. Некрасов В.И. – солдат; 22. Лукутин А.Б. – солдат; 23. Малеев И.Ф. – солдат; 24. Кисель К.М. – рабочий; 25. Соколовский И.Я. – рабочий; 26. Туловский Александр – рабочий; 27. Малеев А.Я. – солдат; 28. Карасиков С.С. –

учитель [13]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что Гомельская организация эсеров имела влияние в разных слоях населения г. Гомеля.

Заключение

Обобщая все вышеизложенное, можно отметить, что деятельность Гомельской городской организации социалистов-революционеров в марте-мае 1917 г. характеризовалась высокой политической активностью в широких народных массах. Эсеры Гомельской городской организации стремились легальным путем (через выборы) захватить в свои руки важнейшие посты в органах власти и управления всех уровней, чтобы использовать эти органы для упрочения влияния своей партии на широкие массы крестьян, рабочих, солдат и другие категории населения. В этот период времени постепенно усиливается политическое противостояние между эсерами и большевиками, которые свои усилия направили на разъяснение народным массам изменения политической линии эсеровской партии после образования коалиционного Временного правительства, в которое вошли и лидеры Всероссийской партии социалистов-революционеров.

Таким образом, политическая линия партии эсеров и ее местных организаций в марте-мае 1917 г. не была однозначной. В период марта-апреля эсеры оставались в составе третьей политической силы, которой принадлежала решающая роль в свержении царского самодержавия и установлении революционно-демократического строя в России. В это время эсеры действовали главным образом в Советах, солдатских комитетах и крестьянских организациях, активно выступали за созыв Учредительного собрания. В мае же 1917 г., когда партия социалистов-революционеров стала правящей, она, естественно, не могла проводить ту политическую линию, которую проводила в марте-апреле. Майский съезд партии эсеров, одобрив вступление ее лидеров в коалиционное Временное правительство, провозгласил новый политический курс партии, основой которого было сближение с либерально-буржуазной партией кадетов, и, следовательно, начало ухода эсеров из состава третьей политической, революционной силы.

Тем не менее, несмотря на изменение политической линии, выразившееся в поддержке ведения Первой мировой войны, оттяжке решения аграрного и других насущных для народных масс вопросов, отходе от скорейшего созыва Учредительного собрания, эсеры и в последующее, после марта-мая 1917 г., время сохраняли и стремились увеличить свое влияние на различные категории населения России. Не были в этом смысле исключением и гомельские эсеры, о чем свидетельствуют приведенные выше сведения (например, эсеровские кандидатские списки на выборах в органы местного самоуправления, где, вопреки сложившемуся представлению об эсерах как крестьянской партии были представлены рабочие и интеллигенция).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Игнатенко, И. М.* Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Мн. : Наука и техника, 1986. – 344 с.
2. Гомельская копейка. – 1917. – 9 марта.
3. Витебский вестник. – 1917. – 21 марта.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2100. Оп. 1. Д. 118.
5. *Игнатенко, И. М.* Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.) / И. М. Игнатенко. – Мн. : Изд. Мин. высш., сред. спец. и профессион. обр. БССР, 1962. – 498 с.
6. Известия Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 9 мая.
7. Известия Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 4 мая.
8. *Керенский, А. Ф.* Россия на историческом повороте / А. Ф. Керенский // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 164–185.

9. Известия Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 14 мая.
10. Известия Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 18 мая.
11. **Башко, П. К.** Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март–октябрь 1917 г.) / П. К. Башко. – Мн. : Наука и техника, 1987. – 254 с.
12. Голос народа. – 1917. – 28 мая.
13. Рабочая мысль. – 1917. – 24 июня.

Поступила в редакцию 15.01.2020 г.

Контакты: +375 29 321-61-75 (Воробьев Александр Александрович)

Vorobiov A. ACTIVITIES OF THE GOMEL ORGANIZATION OF THE PARTY OF SOCIALISTS-REVOLUTIONARIES IN MARCH–MAY OF 1917.

The article analyzes the activities of the Gomel organization of the Party of Socialists-Revolutionaries (SRs) in the revolutionary year 1917. The analysis is carried out by the author not only on the basis of archival sources, but also on the basis of materials of the periodical press, which in their significance can be compared with archival materials. The analysis allows the author to conclude that the activities of the Gomel organization of the SR party in the specified period of time were quite effective and enabled this organization to significantly strengthen its influence on the population of both the city of Gomel and the Gomel region.

Keywords: the February Revolution, the Party of Socialists-Revolutionaries, Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies, Mogilev province, Gomel.

УДК 930:94(476):070(410):070(73)“1917–1921”

БЕЛАРУСЬ НА СТРАНИЦАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ (конец 1917 – начало 1921 г.)

Е.Н. Дубровко

кандидат исторических наук, доцент

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

В статье проанализирован характер информации о Беларуси, появившейся в англоязычной прессе с конца 1917 до весны 1921 г. Показано, что в конце 1917–1919 гг. Беларусь представлена как часть бывшей Российской империи, большинство ее населения – как разновидность русского народа, а подчеркивание его отличия, поддержка национального движения являлись происками Германии. В 1920 г. в условиях польско-советской войны шире представлены тезисы о присутствии в Беларуси влияния польской культуры и собственно поляков, а также о ее роли как потенциального государства-буфера. В период рижских мирных переговоров появился посыл о неудовлетворительном характере их итогов, наличии потенциальных вариантов отрыва территории Беларуси от региона, где существовала советская власть.

Ключевые слова: Беларусь, Великобритания, США, пресса, Первая мировая война, польско-советская война.

Введение

На исходе Первой мировой войны в Центрально-Восточной Европе активизировались процессы национально-государственного строительства, в то же время в рамках подготовки к предстоящей мирной конференции судьбы ранее малоизвестных регионов и народов стали предметом обсуждения экспертов, дипломатов и политиков союзных держав. Многие статистические, географические, этнографические и другие данные, а также сведения о текущих событиях активно проникали на страницы печатных изданий и становились доступными широким слоям общества, оказывая влияние на восприятие и оценку ими происходящих событий. В частности, в данной статье предметом исследования является информация о Беларуси, появлявшаяся в англоязычной прессе с конца 1917 г., когда обнаруживаются первые сведения о попытках создания “республики в Беларуси”, до весны 1921 г., когда в результате заключения Рижского мирного договора политическая ситуация в регионе относительно стабилизировалась и сведения о происходивших там политических процессах перестали привлекать пристальное внимание рассмотренных англоязычных изданий.

Корпус использованных источников представлен преимущественно материалами крупнотиражной английской и американской прессы, такой как “Таймс”, “Нью-Йорк Таймс”, “Нью-Йорк Геральд”, “Вашингтон Пост”, “Нью-Йорк Трибюн”), которая представляла собственные репортажи из зарубежных стран [1, р. 525–550]. В частности, “Нью-Йорк Таймс”, выходившая в 1917 г. ежедневно тиражом около 350 тысяч экземпляров, наиболее часто публиковала информацию о делах Европы. Она поступала из столицы Соединенного Королевства, где у этой газеты был собственный офис [2, р. 362–363, 403]. Поступление информации именно из Лондона связано с тем, что 5 августа 1914 г. англичане перерезали немецкий трансатлантический телеграфный кабель. В итоге долгое время все репортажи, готовившиеся в Берлине, Вене и в нейтральных странах, проходили через Лондон, чтобы попасть в США. Все новости, пройдя военную цензуру, попадали в Лондон для передачи через коммуникационный центр

и подвергались еще местной цензуре. Таким образом, американским газетам проще было брать новости из английских газет [1, p. 583].

В статье для передачи словосочетаний “White Russia” и “White Russians”, использовавшихся в англоязычных газетных текстах рассматриваемого времени, применяются термины “Беларусь” и “белорусы”.

Основная часть

В условиях обострения политической обстановки в регионе бывшей Российской империи в 1917 г. происходившие там события все чаще оказываются объектом интереса англоязычной прессы. В конце 1917 г. в газете “Нью-Йорк таймс” появилась информация о политической ситуации в Беларуси: “Лондон, 28 декабря 1917 – Сегодня по совету Петрограда было провозглашено создание республики в Беларуси. Рада, или законодательный орган на данной территории, была собрана в Минске, где будет выпущен декрет, провозглашающий независимость государства. (Русские делятся на Великих Русских /Great Russians/, Малых Русских /Little Russians/ и Белых Русских /White Russians/. В соответствии с последней доступной статистикой число Белых Русских около пяти миллионов, большинство из них живет в Литве)” [3]. В январе 1918 г. эта информация была перепечатана в изданиях отдельных штатов. Например, 14 января в одной из газет штата Иллинойс появилась информация о провозглашении республики в Беларуси, при этом она сопровождалась дополнением о том, что белорусы занимают несколько губерний, граничащих с Польшей и “Балтийскими губерниями”, большая часть их территории в текущий момент лежит в пределах границы Германии, а их довоенная численность составляла около шести миллионов [4]. Появившиеся заметки позволяли читателям получить поверхностное представление о ситуации в регионе Беларуси.

Весной 1918 г. Беларусь появлялась на страницах англоязычной прессы в связи с анализом дальнейших политических планов Германии. Например, отмечалось, что среди множества проектов существовал один, предполагавший отрыв от России ряда территорий, среди которых, “возможно, Беларусь”. 19 марта 1918 г. в изданиях ряда штатов США появилось сообщение со ссылкой на депешу из Берлина с одинаковым содержанием. В нем указывалось, что делегация, представлявшая Беларусь, обратилась к правительству Германии с просьбой оказания помощи народу Беларуси для создания независимого правительства, но ей было отказано [5]. В этом же германском контексте появилась серия заметок с упоминанием Беларуси в мае 1918 г. на базе данных, поступивших через Лондон из Москвы от корреспондента агентства “Экстейндж Телеграф Компани”. Информация, датированная 16 мая, содержала сведения о провозглашении Белорусской Республики “с согласия Германии” [6]. Заметки по этой теме фактически дословно дублировали друг друга. Отмечалось, что идет формирование коалиционного правительства, продолжаются переговоры об объединении Литвы и Беларуси с целью формирования отдельного государства под военным протекторатом Германии. Приведенная информация сопровождалась необходимым для читателя пояснением, гласившим, что Беларусь имеет неопределенные границы, приблизительно занимает территорию к северу от Украины, востоку от Польши и Балтийских губерний и к югу и западу от “великой России”, она включает Литву, где проживает основная масса белорусского населения. Именно в этом контексте продолжала подаваться информация о Беларуси летом – осенью 1918 г.

Второй блок составили заметки о злодеяниях немецких войск и оккупационных властей в Беларуси, перепечатанные в сокращенном виде из крупной английской газеты “Таймс”. Исходя из газетного текста эти данные были получены из Москвы, откуда

поступила радиограмма в Лондон, содержащая текст протестной ноты со стороны Советского правительства в адрес правительства Германии. В ней упоминались вопиющие случаи насилия, погромов, пыток, казней и уничтожения деревень [7]. Источниками информации для подобных заметок выступали официальные сообщения из России, передаваемые в Лондон, тексты которых приводили и центральные газеты, и газеты штатов. Так, например, “Нью-Йорк Таймс” 31 октября писала: “В Беларуси нет лошадей, нет скота, так как немцы все вывезли... поля остались незасеянными, так как немцы не оставили зерна. Дети умирают от голода. Нельзя достать молока. Домашняя утварь, инструменты и оборудование для телеграфов и телефонов из многих городов было отправлено в Германию. Железнодорожные пути были сняты, остались только поломанные бесполезные вагоны” [8].

Начиная с января 1919 г. Беларусь на страницах англоязычной прессы появлялась уже как советское государство. Так, одна из центральных газет, “Нью-Йорк Трибюн”, 21 января сообщала о том, что, согласно посланию из Киева, полученному через Цюрих, “Беларусь провозгласила союз с русской советской республикой”. В английской газете “Таймс” в перечне зарубежных новостей находим: “Белорусское советское правительство провозгласило Беларусь (Смоленский и Минский район) частью Российской Советской Республики” [9].

Во время мирной конференции в Париже общедоступная информация о белорусах и процессах, происходивших на заселенных ими территориях, продолжала появляться в англоязычной прессе. Один ее блок содержательно соответствовал тезису о том, что белорусы представляют собой наряду с великорусами и малорусами часть русского народа. Например, в газете “Таймс” от 14 января 1919 г. можно прочесть о “белорусском и малорусском крестьянских народах... белорусы и малорусы – это всего лишь ветви великорусской нации...” [10]. Второй блок связан с идеей “немецкого следа” в белорусском национальном движении, которая продолжала обнаруживаться и в статьях 1919 г. Так, в ноябре появилось несколько заметок о потенциальном союзе Эстонии, Латвии, Беларуси, Украины, а также “Кубани и Азербайджана, иными словами, реализация немецкой политики по отделению России от Европы” [11]. Истоки обозначенных тезисов можно найти в работах считавшегося экспертом по России английского журналиста Гарольда Уильямса, до 1918 г. работавшего там и присылавшего статьи для “Дейли Кроникл” и “Дейли Телеграф”. В одной из публичных лекций, прочтенных в Кембридже летом 1916 г., он говорил о русских, которые делятся на “великорусов, малорусов и белорусов, на три великие части русского народа”. Также в тексте лекции можно найти характеристику белорусов: “Их диалект так мало отличается от великорусского, что трудно себе представить, чтобы могло возникнуть сколько-нибудь значительное белорусское движение. Есть зарождающееся движение, которое теперь используется немцами как средство пропаганды в Вильне, потому что немцы хотят подчеркнуть даже незначительные различия внутри русской нации” [12, р. 140, 145].

С лета 1919 г. появилось еще одно тематическое поле, в рамках которого встречалась информация о Беларуси, – события польско-советской войны. В воскресном выпуске “Вашингтон пост” от 17 августа появилась объемная статья, где описывалось плачевное положение Минска в Беларуси после “многих месяцев террора под большевистским правлением”. Знакомила статья англоязычного читателя и с городом Минском: “Город с более чем стотысячным населением, где хорошо представлены коммерческие и промышленные интересы, который расположен в центре процветающего сельскохозяйственного региона”. Автор отмечал, что Минск производит внешне хорошее впечатление, “еда определенно есть”, хоть в результате деятельности “большевистской системы” цены неимоверно высоки. Крестьяне обогащались, продавая свою

продукцию, а промышленных и мануфактурных товаров не было, как и угля “из-за нехватки транспорта”. Несмотря на большое количество лесов вокруг Минска, цена на древесину была очень высока. Хлеб распределялся по карточкам: полфунта на человека, а “граждане третьей и четвертой категории его вообще не получают”. Отмечалось, что в Минск ехали люди из Петрограда и Москвы в надежде найти еду, так как он считался “землей изобилия”, а также рассчитывая на поставки поляков. Вместе с тем на примере положения в городе показаны “типичные методы” советского правления: “уничтожена вся личная свобода, каждый самый простой человек чувствует, что ни его жизнь, ни его свобода не находятся в безопасности”. Подается информация о многочисленных арестах, казнях и депортациях. Единственная, по мнению автора, сильная сторона режима – пропаганда [13]. Осенью 1919 г. в газетах появлялась информация о ходе продвижения польских войск в восточном направлении, в рамках которой упоминались и белорусские территории. Так, 13 ноября 1919 г. “Таймс” опубликовала небольшую статью от собственного корреспондента в Варшаве. В ней говорилось о недопустимости дальнейшего откладывания обсуждения вопроса о восточных границах Польши, о необходимости установления временного режима “для тех частей Литвы, Беларуси и Волыни, где цивилизация польская и которые были отторгнуты от большевиков”. Описана схема создания двух автономных государств под польским протекторатом с центрами в Вильно и Львове [14].

С 1920 г. появление информации о Беларуси в контексте польско-советской войны начало явно преобладать над другими контекстами. В опубликованных в апреле заметках о потенциальных советско-польских мирных переговорах и польских мирных условиях Беларусь появлялась как один из объектов польских притязаний, территория, на которой польскими властями якобы предполагается создание автономной “полунезависимой” единицы. Подобная информация содержалась и в прессе США. Так, в газете “Вашингтон пост” от 2 апреля находим довольно объемную статью об усилиях Польши по сдерживанию “русского потока” и необходимости помощи ей со стороны США, где также присутствовала информация о том, что польские политики придерживались идеи создания маленьких буферных государств, таких как “Литва и Рутения / Ruthenia/, или Беларусь”, которые могут стать гарантом мира в будущем [15].

Идея создания буферных государств вновь нашла отражение в англоязычной прессе в июне 1920 г. В условиях активизации военных действий на польско-советском фронте вновь появилась информация о потенциальных условиях мира. Была озвучена позиция части польских политиков о том, что Беларусь, “где проживает большое число поляков”, должна стать автономной частью Польши или России. При этом военные усилия Польши весной-летом 1920 г. повысили симпатии к ней со стороны англоязычной прессы как к барьеру, защищающему Европу от большевиков. Это вызывало озабоченность представителей российской эмиграции, опасавшихся, что западные страны пойдут на решение польско-российского территориального спора в пользу Польши. В газетах стали публиковаться «письма в редакцию», где отстаивалась мысль, что претензии Польши на Беларусь неправомерны, эта территория принадлежала России, а ее нынешняя оккупация польскими войсками могла рассматриваться лишь как временная мера [16].

Осенью 1920 г. основной блок статей, где упоминалась Беларусь, был посвящен ходу мирных переговоров и условиям, выдвинутым сторонами. В частности, в качестве одного из предлагаемых условий названо признание независимости Беларуси. Из публикаций не ясна реакция авторов на это предложение, но можно было встретить замечание, что большевики поддерживают Литву и Украину и, возможно, поддержат требование Беларуси о независимости, чтобы окружить Польшу и “усложнить ситу-

ацию” [17]. Более очевидная оценка государства Беларусь присутствовала в октябрьской статье “Нью-Йорк Таймс”, которая, давая характеристику геополитической ситуации в районе Балтики, упоминала “полуорганизованное государство Беларусь, буфер между Россией и северо-восточной границей Польши. Его хотели бы контролировать как поляки, так и русские” [18]. В целом осенью-зимой 1920 г. появлялись оценки белорусской советской государственности, суть которых воплотилась в сентябрьской заметке о провозглашении Советской республики в Беларуси, где подчеркивалось, что “настоящей независимостью” она пользоваться не будет [19]. Характеристику дополнила газета “Таймс”. В декабре она писала об открытии в Минске Второго всебелорусского съезда Советов, указывая на связь этого события с тем фактом, что по условиям польско-советского прелиминарного мирного договора обе стороны признали “независимость” (слово красноречиво взято в кавычки в тексте газетной заметки. – *Е.Д.*) Беларуси; а немного ранее, 19 ноября, поместила достаточно большую статью с пометкой, что это сообщение от специального корреспондента газеты из Варшавы, где описаны его впечатления от недавнего визита в Беларусь. В ней последовательно проводилась мысль, что население настроено по большей мере “антикоммунистически”, но большевикам удалось наладить жесткую организацию управления [20].

Еще один сюжет конца 1920 – начала 1921 г., в связи с которым на страницах англоязычной прессы появлялась информация о Беларуси, – выступление С.Н. Балаховича. Оно комментировалось как попытка поднять крестьянское восстание и даже провозгласить независимость Беларуси. Довольно объемные публикации о деятельности С.Н. Балаховича появлялись в ноябре в виде заметок от корреспондента в Варшаве, причем они отличались явной симпатией к антибольшевистской борьбе генерала [21]. Довольно настойчиво англоязычная пресса продолжала следить за судьбой войск С.Н. Балаховича, помещая информацию о том, как “войска красных” постепенно отбрасывали их на запад. В январе 1921 г. большой материал о нем, представлявший эту фигуру как “новую надежду”, появился в прессе США со ссылкой на британские газеты. В связи с этим появилась там и информация о Беларуси как о территории с 16-миллионным населением, из которого 10 миллионов составляют белорусы [22].

Основная информация о Беларуси, появлявшаяся в англоязычных газетах начала 1921 г., была представлена в двух ключах: антисоветские выступления на территории Беларуси в районе Минска и тема еврейских погромов, которая, впрочем, начала появляться уже после заключения Рижского мирного договора [23].

Заключение

Таким образом, в конце 1917–1918 гг. в англоязычной прессе появилась информация о создании республики на территории Беларуси. Ее содержание показывает, что эта территория была представлена как часть бывшей Российской империи, большинство ее населения рассматривалось как разновидность русского народа. Еще больше подкрепляли такой тезис особенности английского языка: в англоязычных текстах рассматриваемого времени эквивалентом слова “Беларусь” было сочетание “Белая Россия”, а “белорусы” – “белые русские”, что сразу же устанавливало определенную призму восприятия. Внимание к территории Беларуси в указанное время было связано с интересом к событиям на Восточном фронте Первой мировой войны. Провозглашение Белорусской народной республики весной 1918 г. было представлено на основе информации из Москвы и Берлина как акт, осуществленный “с согласия Германии”, на фоне многочисленных сообщений о преступлениях немецкого оккупационного режима и ущербе, нанесенном им населению и ресурсам Беларуси, что не могло не дискредитировать деятелей БНР в глазах читателей.

В период Парижской мирной конференции 1919 – начала 1920 гг. в англоязычной прессе продолжала появляться информация, содержащая посыл, порожденный российской традицией, о неразвитости белорусов как этнической группы. Второй посыл сводился к тому, что подчеркивание отличия белорусов от русских, поддержка их национального движения стали происками Германии.

С 1920 г. основное место на страницах англоязычной печати занимала информация о Беларуси, подававшаяся в контексте сюжетов польско-советской войны, причем появился тезис о том, что на этой территории есть и польское население, и влияние польской культуры. Тогда же обнаруживается в рассмотренных изданиях идея о роли Беларуси как потенциального государства-буфера, в качестве такового представлено появившееся Белорусское советское государство, независимость которого подчеркнуто не признавалась.

Заметный сюжет конца 1920 – начала 1921 г. – деятельность С.Н. Балаховича. Его последовательно развивал варшавский корреспондент, сообщения которого несли посыл о возможности появления независимой несоветской Беларуси. Это, очевидно, как и сообщения об антисоветских выступлениях в районе Минска, должно было способствовать сохранению у читателей мнения, что достигнутое к марту 1921 г. решение вопроса о территориально-политическом размежевании путем заключения Рижского мирного договора было неудовлетворительным, ситуация в регионе оставалась напряженной, сохранялись потенциальные варианты отрыва Беларуси от территории, на которой распространилась советская власть.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Emery, E.** The press and America / E. Emery, H. L. Smith. – New York : Prentice-Hall Inc., 1954. – 794 p.
2. **Davis, E.** History of the New York Times 1851–1921 / E. Davis. – New York : The New York Times, 1921. – 434 p.
3. White Russia secedes. Lithuanians now decide to form an independent republic // The New York Times (New York). – 1917. – Sat, Dec 29. – P. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/25569603>. – Дата доступа: 24.01.2017.
4. White Russia // The Daily Chronicle (De Kalb, Illinois) – 1918. – Mon, Jan 14. – P. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/126982370>. – Дата доступа: 26.01.2017.
5. Many peace plans divide Germans // The New York Times (New York, New York). – 1918. – Sun, Mar 17. – P. 42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/20446160>. – Дата доступа: 26.01.2017; White Russia wants to be independent // The Akron Beacon Journal (Akron, Ohio). – 1918. – Tue, Mar 19. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/228145129>. – Дата доступа: 26.01.2017.
6. White Russia now Hun protectorate // The Washington Post (Washington, District of Columbia). – 1918. – Sat, May 25. – P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/31571288>. – Дата доступа: 26.01.2017; Another “free” Russian republic is “permitted” by the Germans // The Bismarck Tribune (Bismarck, North Dakota). – 1918. – Wed, May 29. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/71139848>. – Дата доступа: 26.01.2017.
7. White Russian sufferings // The Times (London, Greater London, England). – 1918. – Wed, May 15. – P. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/32943072>. – Дата доступа: 23.01.2017; Atrocities in White Russia // Corsicana Daily Sun (Corsicana, Texas). – 1918. – Wed, May 15. – P. 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/51390095>. – Дата доступа: 26.01.2017.
8. Devastate Russia as they withdraw // The New York Times (New York, New York). – 1918. – Thu, Oct 31. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/20666483>. – Дата доступа: 26.01.2017.

9. White Russia is joined to Soviets, Says Kiev Report // New-York Tribune (New York, New York). – 1919. – Tue, Jan 21. – P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/79134593>. – Дата доступа: 23.01.2017.
10. Poland's frontiers // The Times (London, Greater London, England). – 1919. – Tue, Jan 14. – P. 23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/32852504>. – Дата доступа: 23.01.2017.
11. A Bolshevik assertion // The Times (London, Greater London, England). – 1919. – Sat, Nov 15. – P. 37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33287814>. – Дата доступа: 23.01.2017.
12. **Williams, H.** The nationalities of Russia / H. Williams. // Russian Realities & Problems / Edited by J. D. Duff. – Cambridge : University Press, 1917. – P. 132–152.
13. Mob kills red Queen // The Washington Post (Washington, District of Columbia). – 1919. – Sun, Aug 17. – P. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/28966857>. – Дата доступа: 27.01.2017.
14. Poland's eastern frontiers // The Times (London, Greater London, England). – 1919. – Thu, Nov 13. – P. 37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33285985>. – Дата доступа: 23.01.2017.
15. Poland's Russian policy // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Wed, Apr 21. – P. 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33280668>. – Дата доступа: 24.01.2017; Stem flood of reds // The Washington Post (Washington, District of Columbia). – 1920. – Fri, Apr 2. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/28800514>. – Дата доступа: 27.01.2017.
16. Poland is anxious for peace with Reds // The New York Times (New York, New York). – 1920. – Thu, Jun 10. – P. 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/20470691>. – Дата доступа: 27.01.2017; South Russia // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Tue, Jul 13. – P. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33290184>. – Дата доступа: 24.01.2017.
17. Reds modify peace terms // The Washington Times (Washington, District of Columbia). – 1920. – Sun, Sep 26. – P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/79904942>. – Дата доступа: 27.01.2017; Poland's envoys off for peace parley // The New York Times (New York, New York). – 1920. – Thu, Sep 16. – P. 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/25328164>. – Дата доступа: 24.01.2017.
18. New Baltic alignments // The New York Times (New York, New York). – 1920. – Mon, Oct 18. – P. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/20589693>. – Дата доступа: 24.01.2017.
19. White Russia Soviet // The Los Angeles Times (Los Angeles, California). – 1920. – Sun, Sep 19. – P. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/156227797>. – Дата доступа: 27.01.2017.
20. Imperial and foreign news items // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Thu, Dec 16. – P. 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/44043244>. – Дата доступа: 24.01.2017; A visit to White Russia // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Fri, Nov 19. – P. 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33289126>. – Дата доступа: 24.01.2017.
21. New army to fight the reds // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Fri, Oct 15. – P. 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33287986>. – Дата доступа: 24.01.2017; New enemy of reds // The Times (London, Greater London, England). – 1920. – Mon, Nov 15. – P. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33286546>. – Дата доступа: 24.01.2017.
22. New White hope in Russian ring // The Los Angeles Times (Los Angeles, California). – 1921. – Sun, Jan 2. – P. 77. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/155965003>. – Дата доступа: 27.01.2017.
23. Rising in White Russia // The Times (London, Greater London, England). – 1921. – Sat, Mar 12. – P. 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newspapers.com/image/33286987>. – Дата доступа: 24.01.2017; Thousands murdered in Russian pogrom //

The New York Times (New York, New York). – 1921. – Thu, Apr 28. – P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.newspapers.com/image/31531923_2 – Дата доступа: 24.01. 2017.

Поступила в редакцию: 25.05.2020 г.

Контакты: e_dubrovko@tut.by (Дубровко Елена Николаевна)

Dubrovko Y. BELARUS ON THE PAGES OF THE ENGLISH-LANGUAGE PRESS (LATE 1917 – EARLY 1921).

The author analyzes the information about Belarus that appeared in the English-language press from the end of 1917 to the spring of 1921. It is shown that at the end of 1917–1919 Belarus was represented as a part of the former Russian Empire and the majority of its population as a kind of Russian people, and the emphasis on its differences, support for the national movement were viewed as the machinations of Germany. In 1920, in the context of the Polish-Soviet war, the presence of the Polish culture influence and the Poles themselves in Belarus, as well as their role as a potential buffer state were widely presented. During the Riga peace talks, there was a message about the unsatisfactory nature of their results and potential options for separating the territory of Belarus from the region where Soviet power existed.

Keywords: Belarus, Great Britain, the USA, press, World War I, the Polish-Soviet War.

УДК 94(410)+297(410)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА И МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ (до терактов 2005 г.)

А. Е. Игнатович

кандидат исторических наук

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье рассматриваются особенности влияния мусульманской общины Великобритании на внутреннюю безопасность страны (до терактов 2005 г.). К началу XXI в. оформились контуры внутренних угроз для принимающего общества, исходящих от мусульманской общины Великобритании. Радикализация исламской молодежи, приведшая в дальнейшем к терактам, была связана с кризисом идентичности второго и третьего поколений мусульман Великобритании на фоне их восприятия как “чужих” в принимающем обществе, непопулярной внешней и непродуманной внутренней политики правительства. Данный вывод – это констатация факта взаимозависимости этих субъектов.

Ключевые слова: мусульманская община Великобритании, принимающее общество, внутренняя безопасность, радикализация.

Введение

Британское принимающее общество долгое время предпочитало не замечать исламского присутствия. Только с конца 80-х гг. XX в. в связи с ростом влияния мусульманской общины на общественно-политические процессы в Великобритании возросло внимание к жизни мусульманской общины. Анализ историографии проблемы показал, что изучение вопросов внутренней безопасности в контексте взаимодействия принимающего общества и мусульманской общины в Великобритании, по существу, начинается только после терактов 7 июля 2005 г. До этого академическое сообщество рассматривало мусульман Соединенного Королевства лишь с точки зрения их интересов (и этот взгляд остается довольно устойчив). Только столкнувшись с проблемой исламского терроризма, принимающее общество начинает рассматривать мусульман Великобритании как источник внутренних угроз. Исламский экстремизм подтолкнул создание единой стратегии национальной безопасности (она появилась в Великобритании в 2008 г.). Но, перед тем как стать явно проблемными, взаимоотношения принимающего общества и мусульманской общины прошли этап становления, когда были заложены основные контуры проблем внутренней безопасности, связанных с британскими мусульманами.

Цель данной статьи – выявить особенности влияния мусульманской общины Великобритании на внутреннюю безопасность страны в рассматриваемый период. С точки зрения современной юридической науки под безопасностью следует понимать “социально-правовое состояние, включающее в себя совокупность условий и факторов, позволяющих эффективно реагировать на возникновение жизненно важных внутренних и внешних угроз личности, обществу и государству, что обеспечивает состояние их защищенности от негативного воздействия” [1, с. 40]. Тогда внутренняя безопасность может быть определена для данного исследования как составная часть национальной безопасности: защита национальных интересов государства от угроз, исходящих от организаций, лиц и объектов, которые находятся под управлением государства.

Основная часть

Миграция в современном мире стала обычным явлением. До конца XX в. среди большинства коренных жителей Великобритании заметно преобладали терпимость и хоть и настороженная, но благожелательность в отношении выходцев из мусульманских стран. Присутствие мусульман воспринималось принимающим обществом как чисто экономический фактор (с конца 40-х гг. XX в.). В это время мусульманское сообщество только лишь формировалось. По мере увеличения своей численности мусульманская община начинает активнее отстаивать свои социально-экономические права под лозунгами ислама, что стало заметно с конца 80-х гг. XX в. В 90-е гг. XX в. правительство практически игнорировало существование потенциальных угроз внутренней безопасности со стороны мусульманской общины Великобритании. Но это не означает, что они отсутствовали.

Отражением усиления влияния британских мусульман на принимающее общество мог бы стать вопрос о численности приверженцев ислама в Соединенном Королевстве. Но представляется принципиально важным то, что увеличение количества мусульман не является угрозой внутренней безопасности непосредственно. Важна степень реальной интеграции в принимающее общество. При прочих равных условиях интеграция тем успешнее, чем интенсивнее контакты мусульман с местным населением, чем продолжительнее их пребывание в принимающем обществе. В процессе адаптации к условиям иммигрантского бытия происходит аккультурация. Это означает отбор и бережное сохранение привычных для мусульман норм и ценностей того, чего нельзя менять ни при каких обстоятельствах, чтобы не утратить идентичность, и того, от чего можно безболезненно отказаться. Одновременно иммигрант, приспосабливаясь к новой среде, усваивает непривычные прежде понятия и представления и находит свою жизненную нишу. Большинство мусульман, проживающих в Великобритании сегодня, идентифицировали себя в начале XXI в. как британцы [2]. Однако в последнюю очередь изменения затрагивают духовные ориентиры иммигранта, если его вероисповедная принадлежность не мешает ему жить [3, с. 4].

Религия как фактор, объединяющий иммигрантов разного странового происхождения, стала проявляться на рубеже 80–90-х гг. XX в. Выросли и повзрослели дети недавних иммигрантов. В отличие от своих родителей, сохранявших типичные иммигрантские комплексы, молодые ощущали себя полноправными гражданами Британии, а не просто пришельцами и гостями. Не имея того уровня образования, которого достигли их сверстники европейского происхождения, молодые мусульмане не могли на равных конкурировать с ними за высокооплачиваемые рабочие места. Однако при этом у поколения “коренных мусульман” была характерная для европейцев высокая самооценка и завышенные требования к стандарту благосостояния. Как считает А. Захарченко, в итоге возник “потенциал сложного по своей природе конфликта, в котором расово-религиозные составляющие затенили социально-экономическое содержание” [4, с. 76].

“Промежуточное” поколение иммигрантов-мусульман состояло из детей, которые родились в стране происхождения и приехали в Европу в 70–80-х гг. XX в. Они были вынуждены развить и повторно изобрести их национально-культурную специфику, смысл принадлежности и религиозности в пределах нового контекста [5, р. 10–13]. Это поколение было в значительной степени социализировано в британское общество. 46% мусульман, живших в Великобритании в 2001 г., родились в этом государстве [2, р. 2] и являлись его гражданами. Это поколение мусульман в целом настроено на более глубокое вхождение в британское общество. Мусульманская молодежь теряет “культурный багаж” своих отцов. Ислам же, в противоположность этнической принад-

лежности, играет самую важную роль в их жизни. Но это, по существу, “неэтнический ислам”. Они ищут новые способы быть мусульманами в Великобритании. 65% последователей пророка Мухаммеда, по опросам 2003–2004 гг., подчеркивали именно британскую составляющую своей идентичности [2, р. 7]. Мнение Х. Ансари, директора Центра исследований этнических меньшинств в Лондоне: “Некоторые британские мусульмане видят себя сначала непосредственно как мусульман, а затем как британцев; другие имеют противоположное представление. Нет никакого единственного, ясно определенного восприятия британской мусульманской идентичности; напротив, это понятие сложное, разнообразное, вызывающее много сомнений” [6, р. 32]. Однако родители отправляли ребенка за “духовным прозрением” в мечеть, откуда он возвращался “с радикальной исламистской и антисемитской индоктринацией” [7]. Окажется, что мусульманская молодежь – это “очень взрывчатая смесь” [5, р. 19].

При этом социальная политика Великобритании в контексте идеологии мультикультурализма, проводимая на протяжении 13 лет правления Лейбористской партии (с 1997 по 2010 г.), заслужила высокую оценку многих политиков-мусульман. Она реализовывалась с акцентом на адресную помощь мусульманам как представителям особо нуждающейся группы и включала в себя многочисленные пособия, услуги, льготы и налоговые вычеты [8]. Но глобально проблем мусульманской общины эти меры поддержки не решали: скорее, формировали явление иждивенчества, не способствовали проявлению инициативы.

Такая политика имеет негативные последствия и для принимающего общества. Экономические трудности, переживаемые время от времени страной, неизбежно обостряли этнические, религиозные и социальные противоречия [9, с. 228–229]. Коренные жители Соединенного Королевства были обеспокоены немалыми бюджетными выплатами на содержание детей и родственников иммигрантов, высокой рождаемостью в их семьях, возросшей конкуренцией на рынке труда и при получении социального жилья и, наконец, повышенным вниманием власти к культуре новых граждан при заметном пренебрежении к национальным традициям собственной страны. Разрушительное воздействие на свою повседневную жизнь почувствовали, в частности, рабочие, жившие в бедных кварталах городов, поскольку именно сюда направлялись в большинстве случаев мигранты из неевропейских стран. В принимающем обществе такое положение дел порождало ксенофобию, способствовало влиянию ультраправых сил. Не стоит забывать, что усиление позиций мусульман в Великобритании ставит перед принимающим обществом задачу укрепления своей идентичности [10].

Перед лейбористскими правительствами 90-х гг. XX в. – начала XXI в. стояла трудноразрешимая и трехсоставная задача – приостановить размывание британской идентичности, сохранить положительные стороны мультикультурности и соблюсти баланс между традициями и правами человека. Одним из шагов по разрешению проблемы идентичности стал Закон о национальности, иммиграции и убежище (2002), которым с 2004 г. введена гражданская церемония вступления в гражданство, включающая клятву на верность британской монархии, и присяга на верность стране [11]. Кроме того, претенденты на британское гражданство должны продемонстрировать хорошие знания о Соединенном Королевстве. По опросу газеты “Гардиан” в 2002 г. 65% мусульман одобрили данную меру [12].

Так или иначе, в принимающем обществе формировалось негативное отношение к мусульманам. Исламофобия на Западе понимается как иррациональный, необъяснимый страх и ненависть к исламу и мусульманам. В целом термин используется как синоним к выражениям “предубеждение в отношении ислама”, “необоснованная враждебность к исламу” [13, с. 169]. Обзор, проводимый газетой “Гардиан” после

11 сентября 2001 г., чтобы отметить начало Недели понимания ислама, показывает, что две трети людей получают свою информацию о мусульманах от СМИ, а не из личного опыта [14]. Однако не стоит преувеличивать роль СМИ, как это сделано Ф. Плешуновым [15]. Материалы 2001–2005 гг. в электронной полнотекстовой базе данных Pro Quest в результатах запроса “мусульмане в Британии” (“Muslims in Britain”) немногочисленны, умеренны в своих оценках и не вызвали широких общественных дискуссий.

Исламофобия в Великобритании определялась в начале XXI в. рядом факторов: 1) в основе враждебности британцев к исламу лежат традиционные стереотипы восприятия этой религии европейцами; 2) иммигранты из стран мусульманского Востока представляют угрозу идентичности британского общества и устоявшемуся общественному порядку; 3) рост влияния экстремистов в среде британских мусульман; 4) угроза прямого физического уничтожения со стороны мусульман, примером которой стали теракты 11 сентября 2001 г. в США.

Важнейшим является вопрос о радикализации британских мусульман к началу XXI в. Точно определить уровень и характер отношений многочисленных мусульманских организаций Великобритании с исламо-экстремизмом не представляется возможным. Далеко не все об этих отношениях известно [16, с. 28]. Р.Г. Ланда особо подчеркивает фактор охватившего большинство мусульман Великобритании тяготения к исламо-экстремизму, что определяется сложными социально-экономическими условиями жизни [16, с. 27]. Но политизация и, в частности, радикализация ислама значительно усиливались еще и в период кризиса идентичности второго и третьего поколения британских мусульман в результате внутрибританских конфликтов или угроз всей умме (военные конфликты в Афганистане и Ираке). Дальнейшие (после терактов 9 сентября) шаги США и других западных стран, в том числе и Великобритании, – военные операции в Ираке и Афганистане – обострили у части мусульманской молодежи чувство того, что правительство предало их интересы, подтолкнув к радикальным альтернативам вне системы отношений государства и традиционных структур мусульманского сообщества [17; 18, р. 87].

Зависимость Соединенного Королевства от Саудовской Аравии и других стран Персидского залива в вопросах поставки нефти заставила власти Великобритании не замечать радикального влияния извне. Британская общественность, по мнению М. Филлипс, была не в состоянии понять, что иммигранты, в первую очередь из Пакистана, радикализируются под влиянием идеологии ваххабизма [19]. Исламские радикальные движения преследуют преимущественно политические цели. Но влияние их лидеров во многом определяется тем, что они называют выразителями “истинного” ислама. Имамы многих мечетей приезжали именно из Саудовской Аравии, отсюда финансировались и образовательные программы для детей-мусульман. В этой связи исследователи обращают свое внимание на развитие официальной идеи «хорошего имама», ее значении в деле национальной интеграции [20].

Теракты 11 сентября 2001 г. в США вызвали антиисламскую реакцию на Западе. Антитеррористическая риторика радикально повлияла на развитие отношений между принимающим британским обществом и мусульманами. До 2005 г. правительственные чиновники пребывали в заблуждении, что опасность исламского терроризма актуальна для Израиля и арабских стран, но не Великобритании [21]. Хотя в Лондоне обосновалось большинство западноевропейских исламских центров, которые активно поддерживают радикальные исламистские группировки. Великобритания дала убежище многим исламским фундаменталистам, подозреваемым в терроризме во всем мире, о чем одной из первых написала в 2003 г. “Санди Телеграф” [22]. Лондон был открыто назван центром исламского терроризма – “Лондонистаном”, “Бейрутом-на-Темзе” [19; 21].

Наиболее заметны такие организации, как “Аль-Мухаджирун” (Эмигранты), “Нация Ислама”, “Хизб ат-тахрир аль-ислами” (Партия Исламского Освобождения) и др. [23, с. 207–211]. В Великобритании находится «Издательский дом Аззам», который выпускает радикальную исламистскую литературу. Эта организация получила название в честь Абдаллы Аззама, являвшегося одним из создателей радикального движения “Хамас” и духовным наставником “арабских афганцев”, в том числе и Усамы бен Ладена [23, с. 210]. По предварительным подсчетам, число активных сторонников “Аль-Каиды” в Великобритании в начале XXI в. составляла около 10 тыс. человек [178]. Нельзя не упомянуть еще одного деятеля радикальных исламистов шейха Омара Абу Омара. Через его мечеть в Брикстоне (юг Лондона) прошли многие известные террористы – Ричард Рейд, Закариас Мосауи и др. [23, с. 210].

Радикализация в данном случае – процесс роста влияния экстремистских идей в среде британских мусульман. Существующие теории и подходы к этому вопросу носят общий характер, зачастую не учитывают специфику существования ислама в западном контексте [24]. Применение же системных методов позволяет всесторонне проанализировать данное явление. Причинными факторами в данном случае являются:

- социально-экономический: 1) объективно низкий уровень жизни в среде выходцев из стран мусульманского мира в Великобритании; 2) значимость понятия социальной справедливости в исламе;

- внутривластный: 1) сложности в проведении политики мультикультурализма; 2) непродуманная политика британских правительств или полное отсутствие таковой в отношении мусульман (власти активизировались лишь после терактов 7 июля 2005 г.); 3) недовольство мусульман, вызванное отсутствием реальных возможностей для политического участия в делах общества; 4) сверхлиберальная позиция Великобритании по политическим беженцам, которые преследовались у себя на родине как экстремисты;

- внешнеполитический (участие Великобритании в антитеррористической операции в Афганистане, войне в Ираке);

- информационный: 1) активность экстремистских исламских сайтов; 2) проповеди исламистов в ведущих британских мечетях и университетских городках; 3) дефицит имамов, хорошо знакомых с британскими реалиями; 4) материалы британских СМИ, не будучи напрямую антимусульманскими, за счет своей сенсационной подачи способствуют исламофобии;

- психологический: 1) кризис идентичности второго и третьего поколений мусульман Великобритании; 2) восприятие мусульман как «чужаков» в принимающем обществе; 3) сформированная под воздействием глобализации новая транснациональная идентичность мусульман;

- идеологический: 1) неизбежное “столкновение цивилизаций” (по С. Хантингтону); 2) идея джихада в исламе;

- институциональный: 1) объективное отсутствие единой представительной организации британских мусульман и связанная с этим конкуренция; 2) сложившаяся в Великобритании модель взаимоотношений государства и религиозных конфессий [25; 26].

В соответствии с известным принципом Парето, среди множества потенциальных факторов, порождающих проблемы, лишь два-три являются главными. Все они взаимосвязаны, но наиболее значимыми, своеобразными узлами этих связей представляются все же психологический, внешнеполитический и информационный фактор.

Однако приведенные факты вовсе не означают, что большинство британских мусульман имеет отношение к террористической деятельности [9, с. 239]. Более того, опросы общественного мнения показывали, что их оценка ситуации в стране и за ру-

бежом незначительно отличалась от мнения большей части жителей страны. Большой интерес представляют результаты опроса, проведенного в 2003 г. британским Министерством внутренних дел. Данный опрос показал, что мусульмане почти так же, как “белые”, чувствуют свою причастность к Великобритании. На вопрос “Насколько сильно вы чувствуете свою принадлежность к Британии?” ответ “Очень сильно” дали 53% “белых”, 44,6% мусульман [27].

Заключение

Таким образом, к началу XXI в. довольно четко оформились контуры внутренних угроз для принимающего общества, исходящих от мусульманской общины Великобритании. Радикализация исламской молодежи, приведшая в дальнейшем к терактам, была связана с кризисом идентичности второго и третьего поколений мусульман Великобритании на фоне их восприятия как “чужих” в принимающем обществе, непопулярной внешней и непродуманной внутренней политики правительства. Данный вывод – это не навешивание ярлыков. Мусульманская община или принимающее общество Великобритании не могут быть “назначены виновными” в создании угрозы внутренней безопасности. Это констатация факта созависимости этих субъектов, и решение проблем внутренней безопасности Соединенного Королевства возможно только при их взаимодействии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Чапчиков, С. Ю.** Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юр. наук : 12.00.01 / С. Ю. Чапчиков ; ФГБОУ ВО “Юго-Западный государственный университет”. – Курск, 2018. – 414 с.
2. Focus on Ethnicity and Identity. – London : Office for National Statistics, 2005. – 16 p.
3. **Левин, З. И.** Мусульмане-иммигранты на Западе / З. И. Левин // Мусульмане на Западе : сб. статей / Институт Ближнего Востока ; сост. сб. М. Р. Арунова. – М. : ИБВ, 2002. – С. 3–13.
4. **Захарченко, А.** Исламские общества внутри Евросоюза? / А. Захарченко // Международные процессы. – 2007. – № 2. – С. 74–85.
5. **Maussen, M.** Making Muslim presence meaningful: Studies on Islam and Mosques in Western Europe / M. Maussen. – Amsterdam : Institute of Migrant and Ethnic Studies (IMES), University of Amsterdam, 2005. – 43 p.
6. **Ansari, H.** Muslims in Britain / H. Ansari. – London : MRG, 2002. – 43 p.
7. **Нечитайло, Д.** Радикальные тенденции в мусульманских общинах Европы / Д. Нечитайло [Электрон. ресурс] / Институт Ближнего Востока. – 2007. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/25-09-07.htm>. – Дата доступа: 15.08.2010.
8. Labour thinktank names immigrants who are a drain on the taxpayer [Electronic resource] / MailOnline. – 2007. – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-484927/Labour-thinktank-names-immigrants-drain-taxpayer.html>. – Date of access: 15.05.2014.
9. Дилеммы Британии: поиск путей развития / под ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.), Е. В. Анянцевой. – М. : Весь Мир, 2014. – 480 с.
10. **Игнатович, А. Е.** Социальная мифология в развитии взаимоотношений принимающего общества и мусульман в Великобритании / А. Е. Игнатович // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем: сб. статей международной научной конференции, Липецк, 24–26 сентября 2015 г. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, Липецкий филиал ; Рос. общ-во интеллектуал. истории ; Рос. философ. общ-во. – Тамбов : Издательство Першина Р. В., 2015. – С. 156–159.
11. Nationality, Immigration and Asylum Act 2002. – London : The Stationery Office Limited, 2002. – 41 p.

12. Our Muslim future Britain and Islam can make it together [Electronic resource] / The Guardian. – 2002. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/religion/Story/0,,739947,00.html>. – Date of access: 05.11.2007.
13. **Игнатович, А. Е.** Исламофобия в Великобритании и ответные действия мусульманской общины / А.Е. Игнатович // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 28 апр. 2010 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГПУ, 2010. – С. 169–172.
14. Britain after September 11: Special reports [Electronic resource] / Guardian Unlimited. – 2001. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/religion/muslim/0,739179,00.html> – Date of access: 05.11.2007.
15. **Плещунов, Ф.** Мусульмане Великобритании: поиск новой идентичности / Ф. Плещунов // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 10. – С. 16–21.
16. **Ланда, Р. Г.** Мусульманская диаспора и исламо-экстремизм в Великобритании / Р. Г. Ланда // Мусульмане на Западе : сб. статей / Институт Ближнего Востока ; сост. сб. М. Р. Арунова. – М. : ИБВ, 2002. – С. 14–31.
17. Draft report on young muslims and extremism [Electronic resource] / UK Foreign and Commonwealth Office. – 2004. – Mode of access: <http://www.globalsecurity.org/security/library/report/2004/muslimext-uk.htm>. – Date of access: 06.10.2010.
18. Hussain, D. British Muslims in the Anti-Terror Age / D. Hussain // Global Dialogue. – 2007. – Vol. 9, Iss. 3/4. – P. 75–87.
19. **Phillips, M.** Londonistan / M. Phillips. – New York : Encounter Books, 2006. – 218 p.
20. **Birt, J.** Good Imam, Bad Imam: Civic Religion and National Integration in Britain post-9/11 / J. Birt // The Muslim World. – 2006. – Vol. 96, Iss. 4. – P. 687–706.
21. **Bright, M.** The London Bombs: UK Policy / M. Bright, P. Harris // The Observer. – 2005. – July 17. – P. 17.
22. **Palmer, A.** We have made a paradise for terrorists in our own backyard / A. Palmer // The Sunday Telegraph. – 2003. – May 4. – P. 23.
23. **Нечитайло, Д. А.** Ислам в Великобритании / Д. А. Нечитайло // Ближний Восток и современность : сб. ст. – М. : АСТИ-ИЗДАТ, 2005. – Вып. 26 / отв. ред. А. О. Филоник. – С. 197–214.
24. Рамки концептуальных подходов к анализу исламского радикализма // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. – М. : КомКнига, 2005. – 432 с. [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/chapter14.htm. – Дата доступа: 14.01.2011.
25. **Игнатович, А. Е.** Радикализация мусульман Великобритании: причины и последствия / А. Е. Игнатович // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников : по итогам научно-исследовательской работы в 2010 г., Могилев, 3–4 февраля 2011 г. / Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова ; под ред. А. В. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 27–29.
26. **Игнатович, А. Е.** Влияние внешних факторов на развитие отношений принимающего общества и мусульманской общины в Великобритании / А. Е. Игнатович // Религия и общество – 9 : сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10–12 марта 2015 г. / Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова ; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. – С. 16–18.
27. 2003 Home Office Citizenship Survey : people, families and communities / Home Office Research and Statistics Directorate [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/7943>. – Date of access: 09.10.2015.

Поступила в редакцию 26.12.2020 г.

Контакты: ignant@mail.ru (Игнатович Антон Евгеньевич)

Ignatovich A. THE INTERACTION OF THE HOST SOCIETY AND THE MUSLIM COMMUNITY IN GREAT BRITAIN: INTERNAL SECURITY ISSUES (before the 2005 terror attacks)

The article discusses the influence of the Muslim community of Great Britain on the internal security of the country (prior to the 2005 attacks). By the beginning of the XXI century the contours of internal threats to the host society, coming from the Muslim community of Great Britain, took shape. The radicalization of Islamic youth, which subsequently led to terrorist attacks, was associated with the identity crisis of the second and third generations of Muslims in Great Britain against the background of their perception as “strangers” in the host society, and the unpopular foreign and ill-conceived domestic policy of the government. This conclusion is a statement of the fact of the interdependence of these entities.

Keywords: Muslim community of Great Britain, host society, internal security, radicalization.

УДК 94(476)“1944/1954”

ДОРОЖНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ПОЛОЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1944–1954 гг.

А. А. Огородников

кандидат исторических наук

Полоцкий государственный университет

Дана характеристика состояния дорожной инфраструктуры Полоцкой области в период 1944–1954 гг., раскрываются источники и механизмы послевоенного восстановления дорожного хозяйства Полоцкой области, показывается роль партийно-советских органов власти в развитии дорожной инфраструктуры области. Сделан вывод, что в первое послевоенное десятилетие в Полоцкой области, благодаря организационно-практическим мероприятиям партийных и советских органов, была восстановлена и получила последующее развитие дорожная инфраструктура области.

Ключевые слова: Полоцк, Полоцкая область, послевоенное восстановление народного хозяйства, дорожная инфраструктура, Полоцкий районный дорожный отдел (Полоцкий РДО), Полоцкий областной дорожный отдел (Полоцкий ОДО).

Введение

Военные действия и три года нацистской оккупации нанесли огромный урон дорожной инфраструктуре Полоцкой области. Общий ущерб сооружениям дорожного хозяйства только Полоцкого района составил 2,2 млн руб [1, л. 3]. В частности, дорога Бешенковичи – Лепель длиной 139 км стала практически непроезжей для автотранспорта: все мосты на ней были разрушены, полотно было сильно повреждено [2, л. 15].

Сразу после начала освобождения Полотчины властями в рамках послевоенного восстановления народного хозяйства были предприняты шаги, позволившие решить ряд первоочередных задач в деле восстановления дорожного хозяйства. В ноябре 1943 г. возобновил свою деятельность дорожный отдел исполнительного комитета Полоцкого районного Совета (Полоцкий РДО) [3, л. 1].

С образованием в составе БССР Полоцкой области в составе Полоцкого облисполкома 6 декабря 1944 г. был образован дорожный отдел (Полоцкий ОДО) [4, л. 3]. Его функции состояли в строительстве, ремонте и содержании всех шоссейных и грунтовых дорог на территории области, не имеющих общесоюзного значения. В оперативном подчинении Полоцкого ОДО находилось 15 районных дорожных отделов (Браславский, Ветринский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дриссенский, Дуниловичский, Миорский, Освейский, Плисский, Полоцкий, Россонский, Ушачский и Шарковщинский) [5, л. 38] и Докшицкий дорожно-эксплуатационный участок (ДЭУ) № 13 [6, л. 65].

Основная часть

Созданные в конце 1944 г. Полоцкий ОДО и местные РДО немедленно приступили к восстановлению мостов и дорог области. Так, Полоцкий РДО сформировал специальные бригады плотников и мобилизовал все трудоспособное население на работы по восстановлению и ремонту дорог [3, л. 2].

По мере увеличения масштаба задач по восстановлению и развитию дорожного хозяйства Полоцкого района росла численность работников Полоцкого РДО. На 1 фев-

раля 1945 г. она составляла 8 человек [5, л. 47], к апрелю 1945 г. численность работников Полоцкого РДО составила 21 человек [5, л. 76].

Численность работников районных дорожных отделов по состоянию на 1 февраля 1945 г. колебалась от 7 человек (Дриссенский РДО) [5, л. 47] до 19 человек (Дуниловичский РДО) [5, л. 48]. Всего на начало 1945 г. человеческие ресурсы Полоцкого ОДО составляли 172 человека [6, л. 7]. Происходил рост кадрового потенциала Полоцкого ОДО, на 1 апреля 1945 г. он составил 220 человек [5, л. 70].

19 июля 1944 г. Полоцкому РДО было поручено организовать сторожевую службу на всех мостах района длиной по настилу 40 м и более [4, л. 26]. В октябре 1944 г. ему было поручено взять под охрану и контроль все имеющиеся низководные мосты на реках, особенно в период осеннего половодья [4, л. 15].

Значительную роль в работе по восстановлению и дальнейшему развитию дорожной инфраструктуры Полоцкой области играли организации Управления шоссейных дорог (УШОСДОР) НКВД БССР: ДЭУ № 719 (ст. Борковичи) [7, л. 1], ДЭУ № 736 (г. Лепель) [8, л. 2], ДЭУ № 830 (г. Браслав) [9, л. 1], ДЭУ № 721 (г. Полоцк) и ДЭУ № 831 (г. Глубокое) [7, л. 42]. Они создавались для преимущественного обслуживания шоссейных дорог общесоюзного значения, имели оборонное значение, в силу чего входили в структуру НКВД.

Руководство деятельностью дорожных подразделений Полоцкой области осуществлялось посредством директивных указаний. Так, 13 октября 1944 г. УШОСДОР НКВД БССР дал начальнику ДЭУ № 719 указание отправить для стройконторы УШОСДОРа 5 вагонов леса и 5 вагонов пиломатериалов. При этом было приказано вагоны для отправки лесоматериалов найти на месте [7, л. 16].

Необходимым элементом функционирования административно-командной системы являлся постоянный контроль директивных органов за деятельностью структурных подразделений. На основании проверки работы ДЭУ № 736, проведенной УШОСДОР НКВД БССР, появилось распоряжение этого органа от 26 июня 1945 г. "О работе ДЭУ № 736". В нём были отмечены недостатки в работе ДЭУ № 736: невыполнение плана работ на второй квартал, недостаточное использование производственных ресурсов, неэффективное использование автопарка. Руководство ДЭУ подверглось административным наказаниям [10, л. 148].

Осуществляя управление, партийно-советские органы стремились таким же директивным образом организовать и стимулировать трудовой энтузиазм масс в форме социалистического соревнования. Распоряжение Полоцкого ОДО заведующему Полоцкого РДО от 8 февраля 1950 г. предписывало провести общее собрание рабочих и служащих и принять социалистические обязательства о досрочном выполнении плана работ 1950 г. [11, л. 7].

Большое значение для восстановления дорожной инфраструктуры имело трудовое участие населения. Однако в силу ряда объективных причин (дефицит трудоспособного населения, транспорта и др.) план трудоустройства в 1944 г. населения Полоцкого района в работах по строительству и ремонту шоссейных и грунтовых дорог выполнен не был. Планировалось отработать 11454 человеко-дней (отработано 1956 человеко-дней, или 17% к плану), а также 4674 коне-дня (отработано 195, или 4,2% к плану) [12, л. 21].

В целом Полоцкий РДО проделал большую работу за 1944 г.: была установлена снегозащита протяженностью 20,6 тыс. погонных метров, очищено дорожное полотно площадью 996 тыс. кв. м, произведен ямочный ремонт объемом 18,9 тыс. куб. м и текущий ремонт 16 мостов. Также было построено 7 новых мостов и произведен ремонт 125 км дорог [13, л. 87].

В 1945 г. дорожные подразделения Полоцка и Полоцкой области проделали большую работу по обеспечению ремонта и восстановлению дорог необходимыми материальными ресурсами. Полоцкий ОДО за 1945 г. заготовил для ремонта дорог более 20 тонн песка и глины, 3,87 тыс. куб. м камня, 26,9 тыс. куб. м гравия и шлака, 7,98 тыс. куб. м лесоматериалов. Силами ОДО было отремонтировано 111 мостов и 14,832 км дорог [6, л. 6].

Работой по восстановлению и дальнейшему развитию дорожной инфраструктуры Полоцкой области, наряду с Полоцким ОДО и Полоцким РДО, занимались подразделения УШОСДОРа НКВД БССР: ДЭУ № 719 (ст. Борковичи), ДЭУ № 736 (г. Лепель) и ДЭУ № 830 (Браславский район), обслуживавшие дороги общесоюзного значения. Масштаб проблем, стоявших перед ДЭУ, предполагал наличие у них значительных материальных ресурсов производства. К концу 1945 г. автопарк ДЭУ № 736 насчитывал 6 автомашин общим тоннажем 12 тонн [14, л. 22] и 3 трактора. Кроме того, участок располагал 15 лошадьми [14, л. 3].

ДЭУ № 736 делился на 7 дорожных дистанций и 32 ремонтных обхода [14, л. 3]. В зоне ответственности ДЭУ № 736 находилось 166,5 км дорог общесоюзного значения, из которых на булыжную мостовую приходилось 55,12 км, на щебеночное шоссе – 39,74 км, гравийные дороги составляли 28,72 км, грунтовые дороги – 42,92 км. Всего же в 1944 г. ДЭУ № 736 отвечал за состояние 123 деревянных мостов протяженностью 1,6 тыс. погонных метров и более 550 км дорог [8, л. 3]. По состоянию на 1 декабря 1944 г. участок располагал рабочей силой численностью 224 человека [10, л. 148].

Масштаб деятельности ДЭУ № 736 был весьма значительным. Планом на 1945 г. для ДЭУ № 736 предусматривалось потратить на капитальный, средний и текущий ремонт дорожной инфраструктуры 535 тыс. руб. Фактические затраты по итогам года составили 525,6 тыс. руб. (98,25% от плана). На 100% был выполнен план затрат на зимнее содержание дорог – 64,87 тыс. руб. [14, л. 4].

С окончанием войны выросли производственные возможности дорожных подразделений Полоцкой области. Происходило укрепление материально-технической базы и кадрового потенциала дорожных служб. Однако по-прежнему их производственный потенциал не соответствовал масштабу работ по восстановлению дорожной инфраструктуры области. На начало 1946 г. Полоцкое ОДО располагало всего 3 грейдерами, 7 ручными транспортными лебедками, 1 чугунной “бабой”, 38 “утюгами” для выравнивания дорожного полотна [6, л. 7].

Существовавшая проблема механизации работ стала решаться по мере возвращения страны к мирной жизни за счет поставок техники и механизмов из союзного центра, репарационных поставок из Германии, поступлений техники из Советской Армии и выделения трофейной техники. Кадровая проблема для дорожных служб решалась за счет демобилизованных из состава армии специалистов, направления инженерно-технических специалистов на курсы повышения квалификации, развития наставничества в РДО. Рабочая сила для выполнения ОДО производственных задач обеспечивалась за счет трудоустройства местного населения. В 1945 г. на ремонт местных дорог было затрачено 216,7 тыс. человеко-дней и 108,2 тыс. коне-дней [6, л. 6].

Существовавшие объективные обстоятельства создавали трудности в выполнении плана работ, утвержденного директивными органами. Выполнение плана Полоцким ОДО по местным дорогам выразилось в сумме 5,03 млн руб. (74,5% от плана) [6, л. 2]. При этом план по новому строительству дорог был выполнен на 60,1%, по заготовке материалов – на 80,6%, по капитальному ремонту дорог – на 84,4% [6, л. 2], по текущему ремонту – на 89,8%, по содержанию и благоустройству дорог – на 67,1% [6, л. 3]. Из 15 РДО, входивших в структуру ОДО, план на 1945 г. выполнили только Дриссенский РДО (149,4%) и Браславский РДО (115,3%) [6, л. 4].

Подразделения ОДО, испытывавшие в первый период своей деятельности острый недостаток людских и материальных ресурсов, в течение четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) обрели необходимую производственную базу и кадровый потенциал. Это способствовало успешному решению задач по восстановлению и развитию дорожной инфраструктуры Полоцкой области.

Масштабы деятельности Полоцкого ОДО в 1946 г. были значительными. В ведении отдела находилось 5669 км дорог, 86,8% которых составляли грунтовые дороги [6, л. 1]. ОДО отвечало за состояние 2934 мостов и 1630 труб [6, л. 36]. Выполнение плана работ в 1946 г. составило 5,4 млн руб. (91,5% к плану), что означало рост на 7% к показателям 1945 г. [6, л. 37]. План 1946 г. по новому строительству дорог был выполнен на 90,3%, по капитальному ремонту дорог – на 97,7%, по текущему ремонту – на 97,6%, по текущему ремонту, содержанию и благоустройству дорог – на 105,3% [6, л. 48], по заготовке материалов – на 99,2% [6, л. 37]. В РДО плановые задания выполнили 5 дорожных отделов (Видзовский, Дриссенский, Браславский, Дисненский, Глубокский) [6, л. 38].

Производственные возможности Полоцкого ОДО и местных дорожных отделов в течение четвертой и пятой пятилеток возрастали. Улучшилось финансирование, обеспечение техникой и кадрами. Это нашло выражение в росте экономических показателей деятельности РДО. Так, производственные расходы Полоцкого РДО на восстановительные работы, капитальный и текущий ремонт дорожной инфраструктуры района по итогам работы в 1949 г. составили 343,7 тыс. руб. За год на ремонт и строительство 24 мостов было расходовано 83 тыс. руб. (101,5% к плану) [15, л. 1].

На 1 января 1950 года в зоне ответственности Полоцкого РДО находилось 604 км областных, районных и сельских дорог, 295 мостов протяженностью 1390,9 погонных метров, 52 трубы [15, л. 9]. Из года в год производственные обязанности Полоцкого РДО увеличивались. По состоянию на 1 января 1951 г. Полоцкий РДО ведал 624 км дорог: 139 км составляли областные дороги, 281 км – районные, 204 – сельские дороги [16, л. 7].

В 1954 г. Полоцкая область в составе БССР была ликвидирована. В связи с этим весь комплекс работ по строительству и содержанию дорожной инфраструктуры перешел в ведение Полоцкого райавтотрансшоссдора. В связи с тем что зона ответственности дорожных служб сузилась до пределов Полоцкого района, значительно уменьшились как производственные задачи, так и производственные возможности дорожных служб. В 1954 г. дорожные службы райавтотрансшоссдора проделали значительную работу. Планом было установлено выполнение работ по сметной стоимости на 466,2 тыс. руб., в том числе на капитальный ремонт дорог – на сумму 266,3 тыс. руб., на текущий ремонт – дорог – 162,5 тыс. руб., на заготовку материалов – 188,9 тыс. руб. В целом план Полоцким райавтотрансшоссдором был выполнен на 103,7% [17, л. 188].

Заключение

Военные действия и три года нацистской оккупации нанесли огромный урон дорожной инфраструктуре Полоцкой области. Общий ущерб сооружениям дорожного хозяйства только Полоцкого района составил 2,2 млн руб. С образованием в составе БССР Полоцкой области в структуре Полоцкого облисполкома 6 декабря 1944 г. был сформирован дорожный отдел (Полоцкий ОДО). В оперативном подчинении Полоцкого ОДО находилось 15 районных дорожных отделов. Главным фактором, препятствующим эффективной работе Полоцкого ОДО на данном этапе, была катастрофическая нехватка рабочих рук и механизации. Данная проблема решалась: 1) за счет поставок техники и механизмов из союзного центра; 2) репарационных поставок из Германии;

3) поступлений техники из советской армии и 4) выделения трофейной техники. Кадровая проблема для дорожных служб решалась за счет демобилизованных из состава армии специалистов, направления инженерно-технических специалистов на курсы повышения квалификации, развития наставничества в РДО. Рабочая сила для выполнения ОДО производственных задач обеспечивалась за счёт трудоустройства местного населения.

Наряду с Полоцким ОДО в работе по восстановлению и дальнейшему развитию дорожной инфраструктуры Полоцкой области значительную роль играли организации Управления шоссейных дорог (УШОСДОР) НКВД БССР. Они создавались для преимущественного обслуживания шоссейных дорог общесоюзного значения, имели оборонное значение, в силу чего входили в структуру НКВД. В 1954 г. Полоцкая область в составе БССР была ликвидирована. В связи с этим весь комплекс работ по строительству и содержанию дорожной инфраструктуры перешел в ведение Полоцкого райавто-трансшосседора.

Транспортная логистика региона предусматривала наличие дорог общесоюзного, республиканского и регионального значения. Специфика рассматриваемого послевоенного периода заключается в том, что главные работы по восстановлению и развитию дорожной инфраструктуры Полоцкой области входили в зону ответственности УШОСДОР, которому подчинялись региональные ДЭУ: № 719 (ст. Борковичи), ДЭУ № 736 (г. Лепель), ДЭУ № 830 (г. Браслав), ДЭУ № 721 (г. Полоцк) и ДЭУ № 831 (г. Глубокое).

В рассматриваемый послевоенный период на шоссейные дороги с твердым покрытием приходилась небольшая часть общей дорожной инфраструктуры: на один из наиболее “загруженных” ДЭУ № 736 (г. Лепель) в 1944 г. приходилось 166,5 км дорог общесоюзного значения, из них с твердым покрытием дорог на булыжную мостовую приходилось 55,12 км (33,1%).

Планы по восстановлению, ремонту и строительству новых дорог устанавливались директивно, при этом ресурсы, особенно человеческие, восполнялись благодаря самоотверженному труду рабочих. За невыполнение планов УШОСДОР НКВД БССР по причине “недостаточного использования производственных ресурсов, неэффективного использования автопарка” руководство отдельных ДЭУ подвергалось административным наказаниям. Один из методов управления и стимулирования осуществлялся в форме социалистического соревнования: распоряжением Полоцкого ОДО от 8 февраля 1950 г. предписывалось принять социалистические обязательства о досрочном выполнении плана работ 1950 г. Как показатель эффективности такого метода в 1954 г. план Полоцким райавтотрансшосседором был выполнен на 103,7%.

В целом дорожные подразделения Полоцкого ОДО и Управления шоссейных дорог НКВД (МВД) БССР успешно решили поставленную перед ними задачу – в кратчайшие сроки восстановить всю довоенную инфраструктуру дорожного хозяйства Полоцкой области и продолжить ее последующее активное развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 14.
2. ЗГАП. – Ф. 2188. Оп. 1. Д. 7.
3. ЗГАП. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 1.
4. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 2.
5. ЗГАП. – Ф. 1139. Оп. 1. Д. 4.
6. ЗГАП. – Ф. 1139. Оп. 1. Д. 10.
7. ЗГАП. – Ф. 767. Оп. 1. Д. 1.
8. ЗГАП. – Ф. 2188. Оп. 1. Д. 2.
9. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 41.

10. ЗГАП. – Ф. 767. Оп. 1. Д. 2.
11. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 58.
12. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 7.
13. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 6.
14. ЗГАП. – Ф. 2188. Оп. 1. Д. 4.
15. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 51.
16. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 63.
17. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 3083. Оп. 1. Д. 81.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г.

Контакты: shura_ogorodnikov@mail.ru (Огородников Александр Александрович)

Ogorodnikov A. ROAD INFRASTRUCTURE OF POLOTSK REGION IN 1944–1954.

The characteristic of the state of the road infrastructure of the Polotsk region in the period of 1944–1954 is given, the sources and mechanism of the post-war restoration of the road economy of the Polotsk region are revealed, the role of the Soviet authorities in the development of the road infrastructure of the region is shown. It is concluded that in the first post-war decade in the Polotsk region, thanks to the organizational and practical measures of the party and Soviet authorities, the road infrastructure of the region was restored and further developed.

Keywords: Polotsk, Polotsk region, post-war restoration of industry, road infrastructure, Polotsk District Road Department (Polotsk DRD), Polotsk Regional Road Department (Polotsk RRD).

УДК 94(476):343.82“1905–1907”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

С.Н. Чайкин

заместитель начальника колонии
по тыловому обеспечению Исправительного
учреждения “Исправительная колония № 8”
УДИН МВД по Витебской области

На основе изучения архивных данных исследуется деятельность пенитенциарной системы на белорусских землях в период революции 1905–1907 гг. Определяется комплекс негативных явлений, повлиявших на обеспечение установленного законодательством Российской империи порядка исполнения наказания в тюрьмах, общих для белорусских земель и Российской империи в целом, а также региональные особенности состояния тюремного режима на землях Беларуси в период революционных событий 1905–1907 гг.

Ключевые слова: Российская империя, тюремный режим, тюремный надзиратель, тюремная реформа 1879 г., Главное тюремное управление, революция 1905–1907 гг.

Введение

Одной из основных функций развивавшейся в XIX – начале XX вв. на белорусских землях пенитенциарной системы являлось обеспечение установленного законодательством Российской империи порядка исполнения наказания в виде тюремного заключения. Крайне негативно на это направление деятельности уголовно-исполнительной системы повлияла революция 1905–1907 гг. Отдельные события деятельности тюрем на белорусских землях в этот период освещались в работах современных белорусских историков – В.М. Лисицына, А.М. Ненадовца, З.В. Шибeko. Однако комплексных исследований, посвященных деятельности пенитенциарной системы на землях Беларуси в период революционных событий 1905–1907 гг., до настоящего времени не проводилось.

Основная часть

Развитие пенитенциарной системы на белорусских землях после тюремной реформы 1879 г. сопровождалось формированием установленного законодательством Российской империи порядка отбывания наказания в виде тюремного заключения, или тюремного режима. Центральным органом управления пенитенциарной системой Российской империи – Главным тюремным управлением (ГТУ) на белорусских землях было организовано строительство новых мест лишения свободы и обеспечено отдельное от прочих арестантов содержание в тюрьмах несовершеннолетних преступников. Для улучшения качества тюремного надзора было окончательно упразднено несение в тюрьмах службы постами внутренней стражи и завершено формирование профессиональной службы тюремных надзирателей, улучшено качество их вооружения. Однако к началу XX в. в местах лишения свободы Российской империи активизировались процессы, крайне негативно повлиявшие на обеспечение тюремного режима. Оформление “Уголовным уложением” 1903 г. тюремного заключения в качестве определяющего вида уголовных наказаний, обусловило рост численности арестантов, осужденных за

совершение тяжких преступлений на длительные сроки тюремного заключения, что, в свою очередь, привело к формированию в местах заключения противодействующих тюремной администрации организованных преступных сообществ, называемых “арестантскими общинами” [1, с. 29]. С другой стороны, активизация на землях Беларуси революционного движения и деятельности местных организаций РСДРП, Бунда, партии эсеров, ППС на Литве, СЛКПиЛ сопровождалось репрессивными действиями правительства в отношении их участников, что привело к резкому росту численности в тюрьмах подследственных революционеров, продолжавших антиправительственную деятельность и в местах лишения свободы.

Однако в наибольшей степени состояние тюремного режима на белорусских землях ухудшилось в период революции 1905–1907 гг. В первую очередь осуществление надлежащего надзора за арестантами стало невозможно в связи с переполненностью тюрем водворенными в них участниками революционных событий. Если в январе 1905 г. в тюрьмах Российской империи содержалось 80 885 человек, то к началу 1906 г. – 95 452 человека, в январе 1907 г. – 125 298 человек, а к началу 1908 г. их численность составила 160 025 человек [2, с. 35]. Массовые аресты участников революционного движения происходили в 1905 – 1907 гг. и на белорусских землях. В январе 1905 г. после подавления забастовки рабочих в местечке Крынки Гродненской губернии в Гродненскую тюрьму было водворено 200 человек [3, с. 125]. В июне 1905 г. в ходе разгона революционной демонстрации в Минске также было арестовано около 200 человек, большинство из которых было помещено в Минскую тюрьму [4, с. 91]. В декабре 1905 г. в тюрьмы Минской губернии было водворено более 100 участников забастовки на Либаво-Роменской железной дороге, а в Могилевскую тюрьму было направлено 48 участников почтово-телеграфной забастовки в Гомеле [3, с. 154; 5, с. 419]. В феврале 1906 г. в тюрьмы Витебской губернии было водворено 60 участников забастовки в местечке Креславки [3, с. 163]. Массовые водворения в тюрьмы подследственных участников революционных событий привели к переполнению тюрем в Витебской и Могилевской губернии [6, с. 124]. В 1905 г. наибольшая численность одновременно содержавшихся в тюрьмах Гродненской губернии арестантов составила 700 человек, а в 1907 г. – более 1 000 человек, из которых 700 человек содержалось в Гродненской тюрьме при лимите ее наполнения не более 360 человек [7, с. 181]. Наиболее остро проблема переполненности тюрем проявилась в Минской губернии. По состоянию на 1 января 1905 г. в тюрьмах губернии содержалось 73 подследственных политических арестанта (30 человек в уездных тюрьмах и 43 человека в Минской тюрьме). Однако к началу 1906 г. общая численность участников революционного движения, арестованных “за участие в железнодорожных забастовках, пропаганду противоправительственных идей и революционную агитацию”, возросла до 275 человек, из которых 112 арестантов содержалось в уездных тюрьмах, а 163 человека – в Минской тюрьме [8, с. 19; 9, с. 169]. В результате общая численность содержавшихся в тюрьмах Минской губернии арестантов составила в январе 1905 г. 604 человека, в январе 1906 г. – 942 человека, а в январе 1907 г. – 1 300 человек при лимите наполнения тюрем, составляющем не более 886 человек [10, с. 80]. Из-за крайней переполненности Минского тюремного замка губернатор П.Г. Курлов циркуляром от 24 декабря 1905 г. предписал всем полицмейстерам и уездным исправникам направлять арестантов в Минскую тюрьму только с его личного согласия, а часть арестантов из Минской тюрьмы власти были вынуждены перевести в Минский арестный дом [11, с. 20; 12, с. 17].

Ослабление надзора за арестантами из-за переполненности тюрем сопровождалось ранее не происходившими в российской пенитенциарной системе нападениями на тюрьмы революционно настроенных граждан либо преступных сообществ с целью освобождения политических заключенных и лидеров преступной среды. Эти противо-

правные действия зачастую сопровождались поджогами, взрывами и покушениями на жизнь тюремных служащих. В 1905 г. в Российской империи таких нападений произошло 9, в 1906 г. – 3, в 1907 г. – 2, в результате которых из тюрем было освобождено 102 арестанта [2, с. 66; 13, с. 142]. Однако на белорусских землях в 1905–1907 гг. массовых нападений на тюрьмы не происходило, а освобождение из тюрем политических заключенных по требованиям участников революционных выступлений в редких случаях осуществлялось местными властями. 18 октября 1905 г., по требованию участников митинга, собравшихся на привокзальной площади в Минске, освободить политических заключенных из городской тюрьмы был вынужден губернатор П.Г. Курлов [4, с. 101]. 14 декабря 1905 г. в ходе политической стачки в Гродно ее участники собрались возле городской тюрьмы и потребовали выпустить на свободу всех содержащихся там политических арестантов, часть из которых местные власти также вынуждены были освободить [4, с. 184].

Для освобождения политических заключенных революционерами использовались и предъявляемые тюремной администрации поддельные документы о переводе арестантов в другие места лишения свободы. Как отмечалось в циркуляре ГТУ от 15 июля 1906 г., зачастую такие действия сопровождались применением огнестрельного либо холодного оружия [14, с. 61]. Незаконные освобождения осужденных стали настолько массовыми, что циркуляром от 22 апреля 1906 г. ГТУ предписало начальникам тюрем тщательно при необходимости – по телефону, проверять достоверность предписаний об освобождении осужденных. На белорусских землях такое освобождение арестантов, организованное минскими эсерами во главе с И.П. Пулиховым, имело место в 1906 г. в Минской тюрьме. 2 января 1906 г. в ворота женского отделения тюрьмы позвонил человек в форме нижнего чина конвойной команды и сообщил, что прибыл для конвоирования политических арестантов. Когда надзиратель открыл дверь, неизвестный выстрелил в него и помог выбежать из тюрьмы находившимся во внутреннем дворе активисткам партии эсеров Е. Измайлович и Ц. Левиной, после чего все трое скрылись на заранее подготовленных санях [15, с. 244].

Массовыми во время революции 1905–1907 гг. стали и нападения на служащих тюремного ведомства. В 1906 г. в Российской империи арестантами и их сообщниками как в местах лишения свободы, так и за тюремными стенами было убито и ранено 96 служащих тюремной администрации, а в 1907 г. численность убитых и раненых тюремных служащих возросла до 152 человек [2, с. 67]. 25 июля 1906 г. в Бресте на городском бульваре, выстрелом в затылок был убит начальник местной тюрьмы Семен Дружиловский. Убийство, мотивом которого стало усиление надзора за арестантами, было совершено бывшим заключенным [16, с. 238]. 25 апреля 1907 г. в Минской тюрьме с целью совершения убийства содержавшегося в ней провокатора “три арестанта-анархиста во время вывода их из камеры в отхожее место” убили тюремного надзирателя Антона Буткевича, нанеся ему шесть ударов в область сердца заточенным напильником [17, с. 3]. 29 октября 1907 г. в Брестской тюрьме с целью совершения побега арестантами был отравлен тюремный надзиратель Леонтий Халецкий [18, с. 406].

Ослабление режима в местах лишения свободы в период революции провоцировало и неподчинение арестантов требованиям тюремной администрации, зачастую принимавшее форму массовых беспорядков. В 1905 г. в тюрьмах Российской империи произошло 137 массовых беспорядков, в 1906 г. – 133, а в 1907 г. их число достигло 145 [2, с. 67; 13, с. 132]. Однако на белорусских землях в 1905–1907 гг. случаи массовых беспорядков в тюрьмах были единичны. 13 января 1906 г. массовые беспорядки, подавленные солдатами 313 Кинешемского полка, произошли в Витебской тюрьме [5, с. 501]. Второй случай массовых беспорядков произошел 20 февраля 1907 г. в Минской

тюрем, после того как при обыске арестантских камер надзирателями было обнаружено “значительное количество пилок для железа, множество ножей и кинжалов, а также заряженный револьвер, которые были приготовлены осужденными для совершения массового побега”. Предотвращение побега вызвало озлобление арестантов, и, когда за нанесение побоев надзирателю один из арестантов был водворен в карцер, для его освобождения около 120 арестантов, в основном уголовных, выломали двери камер и выбежали в тюремные коридоры. Для пресечения противоправных действий арестантов в тюрьму были введены войска, и все участники беспорядков были водворены обратно в камеры [19, с. 192].

Предотвращение захватов тюрем, массовых беспорядков и нападений на тюремных служащих не позволяло личному составу мест лишения свободы обеспечивать надлежащий надзор за арестантами, что в 1905–1907 гг. привело к резкому увеличению в тюрьмах Российской империи количества совершенных арестантами побегов. Если в 1904 г. из тюрем Российской империи бежало 1 262 осужденных, то в 1905 г. – 1 951 осужденный, в 1906 г. – 2 586 осужденных, а в 1907 г. – 2 185 осужденных [2, с. 62; 13, с. 142]. При этом нападениями на тюремных служащих, взрывами и проломами тюремных стен в 1906 г. сопровождалось 744 побега, а в 1907 г. – 386 побегов. В то же время на белорусских землях количество совершенных арестантами побегов было невелико. В 1906–1907 гг. наибольшая численность побегов, зарегистрированная в восьми губерниях Российской империи, составляла в среднем 118 в год, а в большинстве губерний – 35 в год. В то же время в 1907 г. в Витебской губернии произошло 7 побегов, в Могилевской губернии – 12 побегов, в Минской губернии – 19 побегов, и лишь в Гродненской губернии, где произошел 41 побег, их численность превысила общегосударственный уровень [2, с. 64]. К тому же в ходе массовых беспорядков в тюрьмах на белорусских землях не произошло ни одного группового побега заключенных. Единственный случай массового побега арестантов на белорусских землях во время революции 1905–1907 гг. произошел из мест заключения не гражданского, а военного ведомства – Бобруйского дисциплинарного батальона. Надзор за содержащимися в Бобруйской крепости осужденными на срок от года до трех лет военными арестантами осуществлялся значительно хуже, чем в “гражданских” тюрьмах: в казармы арестантам передавалось спиртное, иногда до 20 бутылок в день, а из-за ненадлежащей охраны заключенные, группами до пяти человек, неоднократно совершали побеги через чердачные окна, проломы в ремонтируемых стенах либо с помощью лестниц – через тюремную ограду [20, с. 326]. В феврале 1906 г. из крепости совершили побег 12 арестантов, в том числе участники случившегося 22 ноября 1905 г. восстания Бобруйского дисциплинарного батальона. С помощью революционеров из местных организаций РСДРП и Бунда заключенные, усыпив охрану, распилили тюремные решетки, перелезли через крепостную стену и бежали на заранее подготовленных повозках [21, с. 60]. В тюрьмах гражданского ведомства на белорусских землях единичные попытки групповых побегов произошли в 1905 и 1907 гг. в Мозырской тюрьме. 19 октября 1905 г., когда власть в городе фактически перешла к Объединенному революционному комитету, полиция бездействовала, а регулярные войска в городе отсутствовали, политические арестанты Мозырской тюрьмы, возглавляемые заключенным Коганом, обвиняемым в убийстве местного околоточного надзирателя, выломав двери камер, попытались бежать [22, с. 90]. Для предотвращения побега тюремные надзиратели вынуждены были применить огнестрельное оружие, в результате чего Коган был убит, а несколько осужденных легко ранено, после чего арестантов удалось вернуть в камеры [4, с. 142]. 29 мая 1907 г. десять уголовных арестантов в той же тюрьме, выломав двери камер и обезоружив постового надзирателя, выбежали в тюремный коридор, где стол-

кнулись с начальником тюрьмы Петром Славинским. Один из бежавших попытался выстрелить в него, но Славинский сбил арестанта с ног, отобрал у него револьвер и, предупредив осужденных что будет стрелять, снова водворил их в камеры [23, с. 438].

Крайне негативное значение массовые беспорядки и нападения на тюремных служащих имели и для осуществления повседневного надзора за осужденными. В циркуляре ГТУ от 16 декабря 1906 г. отмечалось, что за время революционных событий “беспорядки в тюрьмах привели во многих местах заключения к полному отсутствию тюремного режима – арестантские камеры остаются постоянно открытыми, обыски в них производятся редко, а арестанты хранят в камерах недозволённые вещи и носят собственную одежду” [14, с. 42]. На белорусских землях состояние тюремного режима в 1905–1907 гг. в наибольшей степени ухудшилось в Минской губернии, где к началу 1906 г. администрация мест лишения свободы, дезорганизованная революционными событиями, перестала контролировать разъединение осужденных по тюремным камерам. В октябре 1906 г. прокурор Минского окружного суда сообщал губернатору, что в Минской тюрьме “камеры никогда не закрываются и срочные арестанты имеют постоянное общение с подследственными, а политические арестанты – с уголовными, что значительно облегчает легкость совершения ими побегов” [14, с. 89]. Такое же состояние тюремного режима отмечалось и в уездных тюрьмах. Содержавшиеся в них осужденные настолько привыкли к свободному хождению по камерам и коридорам, что, когда в сентябре 1906 г. начальник Слуцкой тюрьмы, усилив тюремную стражу двумя надзирателями, запер осужденных в камерах, они немедленно объявили голодовку. “Уголовные” арестанты, угрожая физической расправой осужденным, занятым на хозяйственных работах – кашеварам, водоносам, истопникам, заставили их отказаться от работ, из-за чего на день тюрьма осталась без пищи и воды. Начальник тюрьмы докладывал губернским властям, что “причиной этих беспорядков явилось то, что в других тюрьмах губернии заключенные не разобщены, и передаваемые в Слуцкую тюрьму, они ссылаются на отсутствие порядка в этих уездных тюрьмах” [14, с. 97]. В итоге местные власти вынуждены были признать, “что в тюрьмах Минской губернии обычным явлением стало именованье арестантами при себе оружия, а также орудий взлома и подкопов вплоть до разрывных снарядов” [24, с. 23]. Для укрепления тюремного режима в сентябре 1907 г. минский губернатор поручил полицмейстерам и уездным исправникам ежемесячно проводить во всех тюрьмах Минской губернии внезапные обыски не только тюремных камер и арестантов, но тюремных надзирателей, среди которых, как отмечалось в предписании, “было обнаружено немало неблагонадежных элементов” [24, с. 23].

Комплекс мер по восстановлению в местах лишения свободы Российской империи надлежащего надзора за арестантами был организован и на государственном уровне. Наряду с предпринятыми ГТУ мерами по улучшению материального и пенсионного обеспечения служащих тюремного ведомства с 1906 г. руководством Управления были приняты правовые и организационные меры по защите личного состава тюрем от противоправных посягательств. Циркуляром ГТУ от 15 июля 1906 г. для пресечения нападений арестантов на тюремных служащих начальникам тюрем предписывалось в кратчайшие сроки проверить уровень владения тюремными надзирателями огнестрельным оружием, а при необходимости обучить их стрельбе [14, с. 61]. Продолжением мер по пресечению противоправных действий в тюрьмах стало издание Министром юстиции Инструкции “Об употреблении оружия чинами тюремной администрации и стражи” от 17 октября 1906 г., в соответствии с которой чинам тюремной администрации для защиты себя, охраняемых лиц и постов, а также в случаях оказания арестантами сопротивления силам тюремной администрации и совершения осужден-

ными побегов разрешалось применять огнестрельное оружие. Стрельба вверх или холостыми патронами при этом не допускалась. Для уменьшения фактов использования огнестрельного оружия Инструкцией определялось, что применение оружия является крайней мерой в восстановлении общественного порядка, и предусматривалось обязательное предупреждение о его применении. Вместе с тем в случаях, если арестанты вступали в разговоры с гражданским населением через окна тюрем, выбрасывали что-либо из окон или ломали оконные рамы и решетки, наружным постам надзирателей предписывалось стрелять в тюремные окна. При этом разрешение на применение огнестрельного оружия давал начальник тюрьмы, а в “не терпящих промедления случаях” надзирателям предоставлялось право использовать оружие самостоятельно [25, с. 717]. В итоге исполнение указанного предписания вызвало широкое применение огнестрельного оружия в тюрьмах, что зачастую приводило к расстрелам арестантов в российских тюрьмах без достаточных на то оснований [26, с. 28]. В 1905 г. при пресечении противоправных действий арестантов в тюрьмах Российской империи было убито и ранено 118 заключенных, в 1906 г. – 235 заключенных, в 1907 г. – 287 заключенных [2, с. 67; 13, с. 132]. Однако в тюрьмах на белорусских землях для пресечения противоправных действий арестантов в 1905–1907 гг. огнестрельное оружие применялось лишь единожды – 19 октября 1905 г. в Мозырской тюрьме, когда в ходе пресечения группового побега арестантов был убит политический заключенный Коган [4, с. 142]. В дальнейшем в процессе ослабления революционного движения и укрепления тюремного режима необходимости применения в отношении арестантов огнестрельного оружия уже не было. После 1907 г. в тюрьмах на белорусских землях не было допущено массовых беспорядков, и до 1911 г. не происходило групповых побегов. Количество же совершенных арестантами побегов значительно уменьшилось: в 1908 г. в сравнении с 1907 г. число совершенных осужденными побегов в тюрьмах Гродненской губернии сократилось с 41 до 9, в Минской губернии – с 19 до 4, в Могилевской – с 12 до 2 [2, с. 64].

Заключение

Таким образом, в процессе революции 1905–1907 гг. в тюрьмах на белорусских землях в наибольшей степени проявились проблемы функционирования мест лишения свободы – переполненность тюрем и противодействие тюремной администрации как организованных преступных сообществ, так и арестованных участников революционного движения. В результате в 1905–1907 гг. режим отбывания наказания в тюрьмах на белорусских землях был значительно ослаблен, что обусловило в период революционных событий совершение арестантами нападений на тюремных служащих и массовых беспорядков в местах лишения свободы. Однако в результате качественного несения службы личным составом тюрем во время революции 1905–1907 гг. в местах лишения свободы на белорусских землях не было допущено происшествий, наиболее негативно влиявших на надзор за осужденными, – нападений на тюрьмы и массовых побегов арестантов. Массовые беспорядки в тюрьмах и применение в отношении арестантов оружия имели место лишь в единичных случаях, не произошло на белорусских землях и значительного увеличения совершенных арестантами побегов, в связи с чем состояние тюремного режима на белорусских землях в период революционных событий 1905–1907 гг. в сравнении с общероссийским сохранилось на относительно стабильном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Саломон, А. П. Тюремное дело в России / А. П. Саломон. – СПб. : Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1898. – 38 с.

2. Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 г. // Тюремный вестник – 1910. – № 2. – С. 1–81.
3. **Агурский, С. Х.** Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1963–1917) / С. Х. Агурский. – Минск : Белорусское государственное издательство, 1928. – 346 с.
4. **Шаціла, В. В.** Рэвалюцыйная барацьба ў Мінску ў гады першай рускай рэвалюцыі (1905–1907 гг.) / В. В. Шаціла. – Мінск : Дзяржаўнае выд-ва БССР, 1956. – 142 с.
5. Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг. Документы и материалы ; редкол. : А. И. Азаров [и др.]. – Минск : Издательство Академии наук, 1965. – 745 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47002.
7. **Лисицын, В. М.** За тюремной стеной: история Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицын. – Гродно : Гродненская типография, 2003. – 352 с.
8. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 7559.
9. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 13149.
10. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 3. Д. 1382.
11. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 10.
12. НИАБ. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 264.
13. Отчет по Главному тюремному управлению за 1905 г. // Тюремный вестник – 1907. – № 2. – С. 1–150.
14. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 13513.
15. **Шыбека, З. В.** Мінск: старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада / З. В. Шыбека. – Мінск : Полымя, 1993. – 341 с.
16. Из мортиролага тюремных деятелей // Тюремный вестник – 1910. – № 2. – С. 238.
17. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 13755.
18. Отчет по фонду имени бывшего начальника ГТУ А. М. Максимовского // Тюремный вестник. – 1909. – № 4. – С. 406–411.
19. Сообщения осведомительного бюро // Тюремный вестник. – 1907. – № 3. – С. 190–192.
20. НИАБ. – Ф. 995. Оп. 1. Д. 7612.
21. **Ненадавец, А. М.** Крэпасць на Бярэзіне / А. М. Ненадавец. – Мінск : Полымя, 1993. – 71 с.
22. **Бригадин, П. И.** Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.) / П. И. Бригадин. – Минск : Згода, 1994. – 152 с.
23. Объявление начальником ГТУ благодарности чинам тюремной администрации // Тюремный вестник. – 1907. – № 6. – С. 337–438.
24. НИАБ. – Ф. 303. Оп. 1. Д. 41.
25. Инструкция об употреблении оружия чинами тюремной администрации и стражи // Тюремный вестник – 1907. – № 9. – С. 716–717.
26. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – М. : Госюриздат, 1961. – Т. 3. – 430 с.

Поступила в редакцию 03.10.2019 г.

Контакты: +375 44 709-15-39 (Чайкин Сергей Николаевич)

Chaikin S. THE ACTIVITY OF THE PENITENTIARY SYSTEM ON THE BELARUSIAN LANDS DURING THE REVOLUTION OF 1905–1907.

The activity of the penitentiary system on the Belarusian lands during the Revolution of 1905–1907 is revealed on the basis of the study of archival data. The complex of negative events that impacted the provision of the order of prison sentence established by the law of the Russian Empire as well as the regional characteristics of prison regime on the Belarusian lands in the period of Revolution of 1905–1907 are determined.

Keywords: the Russian Empire, prison regime, prison guard, the Prison Reform of 1879, the General Directorate of the Corps of Prison, Revolution of 1905–1907.

УДК 14 + 37.01

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ

М. И. Вишневский

доктор философских наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Для прояснения места философии в жизни современного общества нужно взглянуть на нее извне, например, с позиций науки или образования. Осуществление эффективных связей философии с другими сферами культуры, в том числе через философию образования, требует должного уровня философской образованности. Особое внимание уделяется в статье концепции интеллектуальных сетей и динамике их развития, разработанной применительно к философии известным социологом Р. Коллинзом.

Ключевые слова: философия образования, философское образование, интеллектуальные сети.

Наше время отмечено стремлением заново осмыслить место философии в жизни общества, ее роль в решении возникающих проблем. Для этого надо попытаться взглянуть на философию извне и охватить ее в целом, в единстве ее разнообразных форм, функций, общественных взаимосвязей. Здесь возникают затруднения двоякого рода.

Во-первых, философия многолика, вариативна по своим социокультурным основаниям и проявлениям и, вследствие этого, принципиально ускользает от унификации и стабилизации таким образом ее содержания, которой противостоят происходящие в ней разнообразные расколы. Призвание философии обычно видится в том, чтобы концентрировать внимание на фундаментальных и самых общих проблемах, возникающих в мире человеческого бытия, и осуществлять их углубленное теоретическое осмысление. Одна из наиболее плодотворных работ последних десятилетий, в которой реализуется такое осмысление, многозначительно названа ее автором Рэнделлом Коллинзом “Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения” [1]. Не касаясь пока что своеобразия авторского социологического подхода, отметим, что предмет, по отношению к которому он здесь применен, это не философия вообще, а философии во множественном числе, и обсуждение их исторических судеб ведется в форме разработки глобальной теории интеллектуальных изменений. Разговор о философии в целом осложняется тем, что не существует и, судя по всему, не может существовать единой и общеобязательной философской позиции.

Во-вторых, взгляд на философию извне или со стороны предполагает фиксацию определенной точки зрения, некоего четко заданного подхода к ней, а эта определенность неявно предполагает известную ограниченность, отличающую данный подход от других, тоже вполне возможных и по-своему вполне оправданных. Так, вполне возможно и во многих отношениях плодотворно сопоставление философии с наукой. Правда, в далеком прошлом, на ранних этапах их развития они практически не различались; в последующем нередко было понимание философии как высшей науки, по отношению к которой мерки, заимствованные из рядовых наук, оказываются неадекватными. В наши дни высказываются серьезные сомнения относительно правомерности претензий философии на роль “учителя мысли”, способного прояснять основания науки и культуры и, благодаря этому, скажем, предостерегать от неправильного упо-

требления познавательных способностей человека [2]. Эти сомнения модифицируют давнее позитивистское неприятие философии как метафизики, желающей быть верховной наукой.

Можно констатировать, что, с возникновением в XVII–XVIII вв. новой науки о природе философы в большей степени стремились понять и адекватно истолковать ее достижения и способы деятельности, нежели диктовать, по какому пути науке следует развиваться. В новом естествознании, которое, по словам Р. Коллинза, является “наукой быстрых открытий” [1, глава 10], острые дискуссии по основополагающим вопросам ведутся преимущественно на переднем фронте исследований и в основном прекращаются после выработки приемлемой парадигмы, объединяющей соответствующее дисциплинарное сообщество. В социальных и гуманитарных науках отчетливо фиксированное парадигмальное знание, как правило, отсутствует, и философия близка к ним в данном отношении. Поэтому сопоставление философии с наукой нуждается в уточнениях, ибо понятие науки столь же неоднозначно, как и понятие философии.

Мы будем исходить из того, что философия является теоретической формой мировоззрения. Такая ее общая сущность, признаваемая, правда, далеко не всеми исследователями, реализуется, как уже отмечалось, во множестве конкретных форм, каждая из которых не обязательно охватывает все широкое поле мировоззренческих проблем человеческого бытия. “Первая философия”, или метафизика, как отмечал Коллингвуд, не сводится к бесплодным попыткам познать то, что лежит за пределами опыта, а прежде всего направлена на выяснение, что люди данной эпохи думают об общей природе мира, поскольку эти представления являются “предпосылками всех их физик” [3, с. 360]. Хотя, по его пессимистическому заключению, в философских дискуссиях никто никогда ни в чем не убедит, такие дискуссии позволяют более четко сформулировать и сопоставить отстаиваемые мировоззренческие позиции, выявить их сильные и слабые стороны.

Философские учения, признанные значимыми достижениями культуры, в явной форме выражают сложившиеся глубинные мировоззренческие установки и предпочтения их создателей, определенность которых означает их некоторую ограниченность. Если подобные установки и предпочтения, даже еще не будучи отчетливо выраженными в теоретической форме, уже распространены достаточно широко, то это позволяет многим людям узнать, так сказать, в данных учениях самих себя, обнаружить близкий им строй мыслей и характер получаемых выводов. Правда, полное совпадение определенной философской концепции и жизненно-практического мировоззрения отдельного человека или какой-то социальной общности надо признать весьма маловероятным хотя бы уже потому, что это их мировоззрение не исчерпывается суммой теоретических положений. Помимо них, оно включает немало элементов, выражающих особый, во многом уникальный опыт, специфические интересы, предрасположенности, в том числе и те из них, которые характеризуют социокультурную принадлежность людей. Тем не менее, знакомясь с заинтересовавшим его философским учением, каждый человек может извлечь из него какие-то свои, во многом неповторимые уроки, соотносимые с уже сформировавшимся у него жизненно-практическим мировоззрением и, возможно, способные трансформировать его. Продолжая философское образование и осваивая другие учения, человек осуществляет работу формирования своего внутреннего мира, расширения и преобразования культурного кругозора.

Культура выступает как специфический для человечества способ бытия, охватывающий все формы жизни людей, философия же, в соответствии с принятой здесь позицией, представляет собой теоретическую рефлексию над основаниями их бытия в мире, включая и основания культуры. Необычайная широта и разноплановость данной

задачи ведет к дифференциации философии на целый ряд отраслей, каждая из которых занята теоретико-мировоззренческим осмыслением определенной области активной, созидательной, по сути дела, культуротворческой деятельности людей (наука, искусство, политика, религия, экономика, техника и т. д.). В общем ряду таких отраслей заметное место занимает философия образования. Для нас она представляет особый интерес, вызванный тем, что образование, вне всяких сомнений, является одной из ключевых отправных позиций, исходя из которой можно попытаться осмыслить философию как самобытный социокультурный феномен.

В определенном смысле вся совокупная деятельность образования по своему общему охвату мира человеческого бытия родственна философии. Образование связано с передачей новым поколениям людей накопленного культурного наследия и подготовкой их к активной работе по его использованию и дальнейшему развитию. Для решения данной задачи необходимо производить и постоянно совершенствовать упорядочение, систематизацию всего совокупного богатства культуры. Настоятельно нужно также осуществлять своеобразное уплотнение и адаптацию данного богатства, связанную, прежде всего, с его дифференциацией с учетом особенностей различных уровней, профилей образования и ряда других значимых для образования социальных и личностно-индивидуальных моментов. Этой деятельностью адаптации, уплотнения и дифференциации занята огромная армия профессиональных исследователей, методистов, авторов учебников и разнообразных пособий, работников соответствующих управленческих структур и, конечно же, педагогов-практиков.

Педагогику как науку об образовании, с учетом особой широты и социально-культурной значимости ее проблемного поля, С.И. Гессен справедливо назвал прикладной философией [4]. В области образовательной деятельности по-особому проявляется важная также и для философии и науки в целом проблема соотношения теории и практики. Будучи типичной “большой системой”, притом весьма трудоемкой и ресурсоемкой, образование в наши дни испытывает на себе угрозу заформализованности, связанную с насаждением единообразных, стандартизированных приемов и форм деятельности, использование которых оправдывается тем, что оно облегчает осуществление централизованного управления и контроля. Понимание педагогики как прикладной философии призвано уберечь науку об образовании от замыкания в узком круге своеобразных педагогических предрассудков. В этом смысле философия образования во всем многообразии развиваемых в ней концепций и идей, по утверждению В.Г. Ермакова [5], призвана выполнять функцию базовой общетеоретической педагогики. Система философии образования, как полагает он, должна вырабатывать ответы на три ключевых вопроса: чему учить? как учить? для чего учить? На эти вопросы можно дать разные ответы, которые и продуцируются на основе использования знаний из областей собственно философии, а также психологии, педагогики и др. [5, с. 7]. Философия образования толкуется как рассмотрение всех возможных целей институционализованного общего образования (для чего учить?), а также всех возможных и принципиально различных теорий научения (как учить?) и всех возможных вариантов содержания обучения (чему учить?). Делается также вывод о том, что философия образования – это сущностно интегральная научная дисциплина, не сводимая ни к одному из своих оснований, т. е. ни к “чистой” философии, ни к психологии, педагогике или политике, рассматриваемой в идеологическом аспекте и тоже активно влияющей на постановку образования.

Данная научная дисциплина должна быть принципиально недогматичной. Ее соотношение с педагогикой видится В.Г. Ермакову как соотношение возможного и действительного, причем “педагогика обогащается настолько, насколько распростра-

няется философия образования” [5, с. 13]. Имеется в виду, что при проектировании новой педагогической системы нужно, прежде всего, выбрать для нее определенное содержание образования. Далее, следует определить подлежащие использованию методики образования (а это уже другой выбор, не тождественный первому). Наконец, принципиально важно зафиксировать цели образования, перечень которых в принципе известен, но конкретный их выбор имеет самостоятельное и, в некоторых отношениях, ключевое значение. Если в результате этих трех этапов педагогического выбора появляется нечто новое, оригинальное, то это означает, что применение философии образования обогащает педагогику системой, не похожей на уже известные и возможной для практической реализации. Философия образования понимается указанным автором как совокупность всех возможных комбинаций различных вариантов ответа на три отмеченных выше вопроса; многообразие ответов свидетельствует о ее принципиальной недогматичности.

Очевидно, что для осуществления эффективных связей философии с образованием как социальным институтом и педагогикой как специализированной наукой об образовании необходимо обширный массив философских знаний необходимо предварительно адаптировать и заново интерпретировать применительно к решению соответствующих задач. Такая адаптация включает в себя соответствующее философское образование, или определенное приобщение людей, которым предстоит работать в сфере образования, к философским знаниям и традиции философских исследований. Иными словами, эти люди должны быть философски образованными. Образованность вообще принято понимать как способность развившейся личности, базируясь на усвоенном ею опыте и знаниях и осуществляя их дальнейшее обогащение, ориентироваться в окружающей среде и действовать в соответствии с реально существующими условиями, успешно продолжать самообразование, самоформирование. Весьма емкое понятие образованности охватывает не только многообразие конкретных знаний, умений и навыков, но и мировоззренческую зрелость и самостоятельность, достигаемую в значительной степени благодаря получению эффективного философского образования.

Здесь, как и в образовании в целом, необходимо решать уже отмеченные выше вопросы о цели, методах и, что, может быть, наиболее сложно, содержании образования. Дело в том, что многовековое развитие философской мысли, осуществляемое в весьма несходных исторических и социально-культурных условиях, предлагает современному человеку доступ к такому обилию идей и концепций, которые неспециалисту совершенно нереально охватить в полном объеме и с приемлемой основательностью. В уже упомянутой здесь фундаментальной работе Р. Коллинза с различной степенью детализации рассмотрены или хотя бы затронуты воззрения 2670 мыслителей. Этот колоссальный материал представлен в системе, базовые послышки которой определяются принадлежностью автора к профессиональному сообществу социологов. Этим определяется и высокая результативность, и некоторая ограниченность реализованного им подхода.

Данный подход базируется на предположении, что непосредственное влияние на конструирование философских, как, впрочем, и других фундаментальных идей (неслучайно ведь соответствующая концепция называется глобальной теорией интеллектуального изменения) оказывает сетевая структура отношений между интеллектуалами, тогда как общественные классы, экономические и политические факторы находятся скорее на “заднем плане” социальной причинности [1, с. 32]. Интеллектуалами Р. Коллинз называет людей, которые производят “деконтекстуализированные идеи”, признаваемые в среде единомышленников верными независимо от каких-либо местных условий, а также от их применения на практике. Это означает, что идеи, разрабатываемые

інтелектуалами, являються для них абсолютною цінністю. Очевидно, подібне можливо в тому випадку, коли матеріальне положення інтелектуалів звільняє їх від турбот, які негативно впливали б на їх творчість і перешкодили б наданню відкритим істинам едві ли не сакрального характеру.

Між інтелектуалами складаються прежде всего мережі особистих зв'язів, які мають як "вертикальний" (в часовому аспекті) характер відношень між вчителем і учнями, так і "горизонтальний" характер відношень між єдино-мисльниками або противниками, не одобряючими те або інші ідеї своїх колег. Розгортаючись в часі, подібні мережі здатні охоплювати цілий ряд поколінь інтелектуалів, дискусії яких можуть бути опосередковані текстами їх робіт. Складаючись на основі прямого або опосередкованого спілкування мережева структура якої-то певної області культурного виробництва толкується Р. Коллінзом як простір уваги. Іншими словами, між інтелектуалами як членами мережевих структур ідеє постійна боротьба в межах відповідного суспільства за увагу до їх ідей. Інтелектуали ранжуються в відповідності з долями уваги, одержаної ними, причому особливе значення, по думці даного автора, має оцінка розроблюваних ідей не сучасниками, а мислителями, представляючими наступні покоління інтелектуалів. "Настояща значущість філософа може бути встановлена, тільки коли велика мережа, простягаючись на декілька поколінь, розвиває певні ідейні течія і робить їх фокусом уваги для протистоящих один одному суперничальних способів мислення" [1, с. 32]. Неможливо судити про значущість опублікованих робіт до тих пір, поки "більш пізні покоління не стануть використовувати імена давніх філософів як символи, або емблеми певних способів мислення, широко розповсюджених в особистих мережах цих поколінь" [1, с. 33].

Високий авторитет не великої кількості філософів минулого взагалі не означає, що їх ідеї приймаються як непререкаема догма. Інтелектуальне життя, по словам Р. Коллінза, є в першу чергу конфлікт і незгода. Учні і послідовники, свято зберігаючи вірність ідеям їх наставників, нікого не цікавлять; значимими визнаються тільки нові і добре обґрунтовані ідеї. Однак їх дійсність цінність виявиться тільки з течією часу, по закінченні не менше двох-трьох поколінь. Тому при одержанні основної філософської освіти не слід гнатися за новинками, сенсаційність яких нерідко не перешкоджає їм бути всього лише одноразовими, про які через декілька десятиліть не згадають навіть спеціалісти.

Що ж в такому випадку можна розуміти під дійсною філософською освітністю применливо до людей, не являючись професійними філософами і не беручи участі в боротьбі за свою частку уваги на відповідному інтелектуальному полі? В філософії, як і в науці, да і, напевно, в житті в цілому особливо важливі не конкретні рішення, а проблеми, обумовивши їх і побуждаючи до нового пошуку. Але усвідомлюють ці проблеми і розробляють різні варіанти їх рішень конкретні особи. Р. Коллінз стверджує, що реальним діючим лицем на історичній сцені є мережа [1, с. 34]. В загальнотеоретичному плані це не викликає заперечень. Однак інтелектуальні мережі складаються з людей, і безпосередньою їх продукцією є тексти, в яких є певні автори і які несуть на собі відбиток їх особистості. Не існує ніякого іншого способу знайомства з філософією, крім знайомства з текстами робіт філософів або спілкування з ними, в тому числі в час академічних занять, слухання публічних лекцій, участя в дискусіях і т. д.. Можливо і потрібно дослідити, як виникли у них найважливіші

идеи и какую роль сыграло положение того или иного философа в интеллектуальной сети, но этим лучше заниматься профессионалам, а не новичкам, для которых особенно важны надежные ориентиры в создании собственной образовательной программы.

Выработка ее предполагает, в частности, так называемую навигационную компетентность, которая “включает в себя прежде всего осознание своего интереса, вопроса или осмысление своих собственных дефицитов в профессиональной или иной деятельности”, которые актуализируют у человека конкретный образовательный запрос [6, с. 69]. Интерес к философии у человека, получающего образование, может значительно расходиться с интересом зрелого философа к публикациям своих коллег. Концепция развивающихся философских интеллектуальных сетей, разработанная Р. Коллинзом, не акцентирует внимание на своеобразии позиции людей, знакомящихся с философией в процессе получения образования и не знающих наперед, как они в дальнейшем будут использовать полученные знания. Философские тексты, выражающие определенные идеи, эти люди воспринимают, кроме всего прочего, как своеобразные литературные произведения, стиль которых либо облегчает, либо затрудняет адекватное восприятие их содержания, делает эти произведения привлекательными для читателей либо, наоборот, вызывает у них отторжение, неприятие.

Самобытные философские учения действительно выступают как особые литературные памятники своей эпохи, культуры своего времени. Эти творения человеческого духа допускают извлечение из них определенных слоев или срезов, которые позволяют по-новому истолковать проблемные ситуации, возникшие в той или иной отрасли науки или же социально-исторической практики. Так возникает своеобразный симбиоз философского и конкретно-научного или непосредственно прикладного знания, в рамках которого осуществляется движение от теории к практике и обратно (в той мере, в которой потребности практики побуждают развивать теорию). Способность людей осуществлять крупномасштабные и радикальные, действительно творческие изменения в различных сферах их профессиональной и общественной деятельности во многом обусловлена широтой их мировоззренческого кругозора, их философской образованностью, которая позволяет недогматически сочетать различные философско-мировоззренческие и конкретно-научные, политические и иные значимые для культуры идеи в интересах выработки новаторских подходов к решению возникающих жизненно-практических проблем.

Успешная реализация креативного потенциала философского образования в значительной мере зависит от того, в какой форме представлены для широкой читательской аудитории философские концепции и идеи и как осуществляется их отбор в качестве обязательных или хотя бы рекомендуемых для изучения. Отбор этот может направляться соображениями их полезности для осуществления профессиональной деятельности, а также их общемировоззренческой значимости. И то и другое определить бывает весьма непросто. В мире профессий происходят поистине тектонические изменения: слияния, дробления, вырождение некоторых видов профессиональной деятельности и стремительное возникновение множества новых, предъявляющих необычные требования к исполнителям. Попытки четко зафиксировать конкретный и ограниченный набор полезных философских идей, имеющих неоспоримую профессиональную направленность, заведомо обречены на неудачу. В решении же вопроса об общемировоззренческой значимости предлагаемых для изучения концепций и идей можно было бы опереться на те оценки, которые во многом спонтанно выработаны самим философским сообществом в процессе осмысления своего исторического прошлого.

С течением времени в философии вырабатывается довольно устойчивый перечень имен мыслителей прошлого, незнание сущности вклада которых в развитие теорети-

ко-мировоззренческого знания означает философское невежество. С современными философами дело обстоит сложнее, однако при наличии базовых философских знаний знакомство с новинками может оказаться весьма поучительным. Строго говоря, для понимания того, что такое философия и какова ее роль в культуре, достаточно было бы основательно разобраться хотя бы в одном неоспоримо авторитетном учении и проследить как его истоки, генетические связи, обусловленности и противостояния, так и последствия, вызванные его функционированием в культуре. Требование изучать труды классиков философской мысли в их авторском исполнении может оказаться неоправданно жестким. Поэтому особенно важны хорошие учебники, соединяющие бережное отношение к идеям классиков с использованием понятийного аппарата, приближенного к возможностям восприятия современной читательской аудитории. В любом случае философия должна излагаться “в лицах”, иначе невозможно понять реально разворачивающуюся в ее истории драму идей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Коллинз, Р.** Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1284 с.
2. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
3. **Коллингвуд, Р. Дж.** Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 485 с.
4. **Гессен, С. И.** Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
5. **Ермаков, В. Г.** Развивающее образование и функция текущего контроля : в 3 ч. / В. Г. Ермаков. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2000. – Ч. 1 : Методологические аспекты теории формирующего контроля в сфере образования – 270 с.
6. **Ковалева, Т. М.** “Навигационная” компетентность как условие пребывания в процессе непрерывного образования / Т. М. Ковалева // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития : материалы XVII Международной конференции 26–28 сентября 2019 г. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ. – 715 с.

Поступила в редакцию 15.05.2020 г.

Контакты: vishnevskii@msu.by (Вишневецкий Михаил Иванович)

Vishnevsky M. SOCIOCULTURAL ASPECTS OF PHILOSOPHICAL EDUCATION.

To clarify the place of philosophy in the life of modern society one should view it from the outside, for example, from the point of view of science or education. The implementation of the effective relations of philosophy with other spheres of culture including the philosophy of education requires a certain level of philosophical education. Special attention is given to the conception of intellectual nets and dynamics of their development designed by a famous sociologist R. Collins.

Keywords: philosophy of education, philosophical education, intellectual nets.

УДК 1+165.12

ОТ ОЧЕВИДНОСТИ К УМОЗРИТЕЛЬНОСТИ (критический анализ современных подходов к пониманию сознания и восприятия)

В. Б. Еворовский

кандидат философских наук, доцент

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

В статье проводится критический анализ современных подходов понимания сознания и моделирования восприятия. Обосновывается, что использование современными теориями сознания (начиная от философских и заканчивая нейробиологическими) в качестве базовых установок принципа тождества идеальных мыслительных феноменов и реальности, субъект-объектных отношений направлено не на раскрытие механизмов восприятия сознанием реальности, а на формирование и расширение знания о реальности. Альтернативный путь исследования и моделирования сознания человека, являющегося, с одной стороны, биологическим существом, а с другой – личностью, конституируемой культурой, связан с созданием рациональных “умозрительных” конструкций, позволяющих с предельной точностью описывать восприятие человеком реальности. С точки зрения развития современной науки эта задача не может быть даже поставлена.

Ключевые слова: сознание, субъективный опыт, моделирование восприятия, априорные предпосылки, взаимодействие со средой.

В структуре обыденного сознания можно заострить внимание на одном из главных ее компонентов – очевидности. Мы имеем всегда определенный ряд вещей, мнений и умозаключений, вступать в дискуссию о которых не только будет считаться моветоном. Но нам для дальнейшего рассмотрения понадобится буквальное значение этого слова – “очевидность”. “Очевидное” – это то, что непосредственно предстает перед глазами, а следовательно, является наиболее простым элементом для рассмотрения.

“Простое” – это следующий ключевой концепт для этой статьи, и этот термин тоже будет многозначным. Нет, например, ничего более “простого”, чем вдох. С одной стороны, мы можем говорить о простой задаче, предполагающей легкое решение, с другой – о какой-то неделимой единице, потому что у нас нет ни нужды, ни возможности разбираться в перипетиях ее структуры. Вдох – это действительно одна из самых простых вещей, которую человек может сделать. Даже при глубоких расстройствах сознания функция дыхания может не нарушаться. А теперь представьте другую задачу, когда нам нужно смоделировать вдох-выдох и написать программу для некоего воображаемого искусственного человека, как и когда ему следует дышать. В этом случае “простое” становится ошеломляюще сложной задачей.

Для большинства из нас “очевидное” будет считаться одновременно синонимом “реального”. Приведем далее в качестве исходного и следующий тезис. Эта самая очевидность, вероятно, предстает пред глазами (и, конечно, другими органами ощущения) не только у представителей человеческого рода, но и перед многими другими организмами, которые так или иначе вынуждены приспосабливаться к изменяющимся условиям внешнего мира, выполнять те или иные функции. Проходя этот контрольный пункт, мы должны сделать следующее, еще более проблематичное допущение: тот или иной живой организм представляет некое единое целое, связанное общей целью, за-

ставляющей все части того, что мы неразрывно спаиваем самим словом “организм”, действовать не только синхронно, но и соблюдая субординацию.

В таких – назовем их опять же очевидными – рамках, некий живой организм выполняет ряд задач, суммируемых общей миссией, которую мы называем жизнью. Последняя же в контексте такой схемы может быть вписана в эволюционные рамки. Конечно, сложно и даже бесполезно в сегодняшних условиях сомневаться в эволюционной теории, однако следует отметить, что представить какие-либо убедительные доказательства предшествующим тезисам (синхронность организма, наличие общего предназначения для всех его частей, нацеленность на выполнение тех задач, которые представляются очевидными) современная наука не может. Первая причина здесь – схема миссия, цели, задачи – это уже “слишком человеческое”, причем культурно-обусловленное. Наше Я, которое во многом является продуктом того же внешнего конфигурирования, диктует самому себе и цели, и задачи, и даже в свободное от их выполнения время может порассуждать о смысле жизни. Причем заметим сразу же, что и цели, и задачи, и даже образцы миссии мы всегда берем из нашего внешнего тела, которое называем культурой. Бесконечные внутренние и внешние споры о смысле жизни – это так или иначе, соперничество цивилизационных образцов, как правило, придуманных не нами и рожденных вовне. С этой точки зрения чисто биологический человек, то есть гуманоидное существо, начисто лишенное воспитания и социализации, скорее всего будет считаться чистой абстракцией, по крайней мере, по двум очевидным причинам. Во-первых, брошенный на произвол судьбы ребенок нежизнеспособен и без внешней опеки он неизбежно погибнет. А во-вторых, если допустить существование полностью закрытого сознания (частично изолированные случаи, весьма осторожно предполагаются при наличии психических заболеваний [1; 2]), то у нас не будет достаточных средств, чтобы достучаться до него. Поэтому вопрос о том, что есть человек “сам по себе” и что он собой представляет как универсальное существо, на сегодняшний день остается открытым. Единственным решением нам видится создание его искусственного аналога, когда при доступности для познания всех его частей мы сможем понять, что это такое.

И здесь нам следует обратиться к эффекту фантастики, удивительным образом врывающейся в наш жизненный мир. Благодаря современному кинематографу, различным вариантам виртуальной реальности, создаваемой компьютерными играми, наш искусственный брат по разуму, кажется, находится совсем близко. Но тем не менее, чтобы создать настоящий искусственный интеллект, надо сначала понять, как мы устроены, далее нам будет нужна технология, чтобы переложить наш объект на язык математики. То есть в случае моделирования сознания должен быть предложен исчерпывающий алгоритм, позволяющий машине (биологической или иного рода) работать по аналогии с функционированием нашего мозга. Придавая этому мысленному эксперименту дополнительную визуализацию, применим здесь игру слов. Чуть выше мы писали об очевидности некоего события, которое многие из нас готовы приравнять к его реальности. Так вот, чтобы создать копию *что* и *как* мы видим глазами, необходимо “очевидность” заменить “умозрительностью”. А это значит, привести некие рациональные конструкции, чтобы описать максимально “простое”, как то, что нам дано непосредственно. Например, применить точные мыслительные процедуры, позволяющие получить тот же самый или предельно похожий результат отражения внешнего мира в случае копирования зрительного восприятия [3]. Это и будет аналог того, что мы получаем непосредственно.

Заметим также, что умозрительное в этом контексте уже не философская, а научная конструкция, поэтому необходимое условие некой модели, например, получения зрительных образов, их точное и воспроизводимое представление. Для естественных наук возможность полного математического описания реальности принимается на

аксиоматическом уровне. Выбор между двумя альтернативами обрисовки, например, художественного рассказа или математического очерчивания какого-либо объекта для научной программы всегда будет однозначным. Это тянет за собой следующее предположение: все, что мы видим, слышим, думаем, понимаем и даже фантазируем, поддается переводу на язык математики. Как и на многие другие вопросы, к решению которых наука даже не приблизилась, на наше вопрошание, полностью подвержен ли наш внутренний мир языку уравнений и прочих вычислительных средств, невозможно дать ни положительного, ни отрицательного ответа.

Успехи в развитии вычислительной техники и математических методов обработки информации привели к формированию в начале девяностых годов прошлого века такого направления, как вычислительная нейробиология [4]. С нашей точки зрения, применение математических методов при описании сознания привело к двум (с точки зрения самой дисциплины), видимо, побочным результатам. С одной стороны, не удалось “просчитать” не только человека, но и более примитивных живых существ, а с другой – стало очевидным, что многое из того, что непосредственно дано нам, на проверку оказывается не таким простым. Ибо создание даже самого элементарного (с обыденной точки зрения) фрагмента образа описывается как чрезвычайно запутанный процесс с до конца не проясненными алгоритмами и начальными условиями. Оказывается, что даже попытка повторить непосредственно данное нам в восприятии как максимально простое, из которого мы потом пытаемся конструировать сложное, требует необъятной интеллектуальной работы. Небольшое продвижение в тайны нашего предсознательного восприятия мира, которое проделала современная наука, показывает, что на этом уровне не только наше сознание, но и его далекие по эволюции аналоги выполняют весьма сложные операции по работе с реальностью.

Приведем здесь несколько примеров, иллюстрирующих сегодняшние достижения нейробиологии. Как известно, мозг человека состоит приблизительно из 86 миллиардов нейронов. Интересным объектом исследования ученых [5] стал круглый червь *Caenorhabditis elegans*, нервная система которого содержит только 400 нейронов. Как по структуре, так и по функциональности эта нейронная сеть действует подобно человеческой – вырабатывает некоторые общие нейротрансмиттеры (окситоцин и вазопрессин). Как показали исследования [6], у этой нематоды (с нашей точки зрения, простейшего существа), как и у человека, окситоцин регулирует сексуальное и репродуктивное поведение, а вазопрессин ответственен за гомеостатическое поддержание водного баланса. Таким образом, червь, даже в отсутствии развитого мозга и сознания, может демонстрировать прообразы поведения и приспособляемости к изменяющимся экологическим или физиологическим обстоятельствам. Более того, ученые говорят именно об интегративном поведении, когда тот или иной его элемент является не просто одиночной реакцией на раздражитель, но формируется как результат выполнения некоего алгоритма (пока неясной структуры и происхождения), данные и начальные условия для которого поступают из нескольких источников.

Наиболее интересны здесь исследования в области соотношения чувства голода и жажды. Как оказывается, потребление пищи зависит не только от степени растяжения желудка и увеличения потребности в жизненно важных веществах, но и от таких сопутствующих факторов, как уровень соли и сахара в организме, а также достаточность воды (не только внутри организма, но и вне его) для переработки данного количества пищи. Причем это свойство организма тестируется не только у рассмотренных выше круглых червей, но и у получившей широкую известность в связи с проведением многочисленных экспериментов мухи дрозофилы [7].

Теперь нам предстоит сделать внешне странный переход от мухи дрозофилы к Иммануилу Канту. В современной науке минимальным определением сознания является наличие в нем идеальных феноменов, представляющих удвоение мира [8; 9]. Причем в современных теориях сознания, которые признаются нормативными для нейробиологии и информационных технологий, так или иначе, прослеживается влияние эмпиризма Нового времени, когда обозначенные выше идеальные феномены мыслятся, как подобные реальности, а задачей мозга становится именно отражение внешнего мира. В той же неявной форме в данных конструкциях может наблюдаться еще одно роковое наследие той ушедшей эпохи, а именно субъект-объектное отношение. Мир как бы отражается нашим сознанием, причем формирование конечного знания производится по методу классической индукции, когда многочисленные данные должны стекаться в единый центр, который и формирует конкретный образ. Однако уже на примере относительно простых организмов мы показали, что это не совсем так. Одно дело – это реагировать на пустоту желудка, стремясь его наполнить, совсем другое дело – каким-то образом вычислять уровень сахара в организме, количество доступной воды и только затем продуцировать аппетит. Никто не мешает нам предположить, что подобный алгоритм является доопытным, причем в случае червя или мухи биологически приобретенным. Поэтому неудивительно, что теоретическая нейробиология все чаще начинает обращаться к Канту [10] и даже говорит о мозге кантовского типа [11] (The Kantian brain).

Произнесем далее протокольную фразу: подобная отсылка к Канту в данном контексте не более чем метафора, поскольку ответ на ретроспективный вопрос: “Что бы мог сказать об этом сам Кант?” – требует специального исследования. Тем не менее решение вопроса, как в некотором только что зарождающемся на свет живом существе закладываются довольно сложные механизмы работы с реальностью, в которой оно только что появилось, остается мистической загадкой, к разрешению которой наука даже еще не приблизилась. Однако еще более интересно поговорить о сегодняшнем месте классических кантовских априорных условий – пространстве и времени. В современной нейробиологии [10; 12; 13] вполне обоснованно предполагается, что мозг животных, как, очевидно, и других существ, которые вынуждены передвигаться в пространстве, нуждается в анализе его конфигурации. Более того, сама эта ориентация не мыслится как без внутренних счетчиков времени [14], так и некой природной координатной сетки, встроенной в мозг живых существ непонятно каким образом [15]. Если следовать этим данным, то мы имеем перед собой две системы, которые могут претендовать на первичность. С одной стороны, есть наша среда, существование которой мы вынуждены признавать независимым от нашего восприятия. А с другой – пока не до конца понятны формы работы с ней, по крайней мере, которые частично даны нам биологически.

Мир предстает перед нами дифференцированным, разделенным на громадное число объектов. Это разделение дано нам непосредственно, то есть мы не задумываемся, например, почему в определенной ситуации мы видим камень, одиноко лежащий на земле, или листок бумаги, летящий, поддаваясь дуновению ветра. В ряде случаев выделение объекта может быть все же объяснено. Кот, например, может реагировать на бегущую мышь, как на желаемый объект охоты. Однако этот последний пример показывает не на онтологичность, но функциональность в распознавании образов. Нет одной общепризнанной теории, объясняющей, как формируются образы, как и нет достаточных данных, доказывающих, что все внутренние образы – это точная копия реального разделения мира на объекты. Тем более что уже в нашем простом примере с котом мы видим, что на восприятие мира человеком влияют такие совсем не физические характеристики, как некий интерес или утилитарность.

Прослеживание протяженности объекта [16] вне зависимости от его перемещения в пространстве, а также способность уловить само движение дает шанс для нашего кота встретиться с мышью в некой заданной точке. Однако мышь должна оставаться мышью на всем протяжении того пути, когда она привлекает наше внимание. Иначе она теряет возможность быть целью. В каждый момент времени любому предмету должно принадлежать уникальное место, в котором не предполагается наличие другого объекта. «С раннего возраста люди интуитивно ожидают, что физические объекты должны повиноваться основным принципам, включая непрерывность (объекты идут по пространственно-временному континууму непрерывным путем) и цельность (два твердых объекта не могут занять одно и то же место одновременно). Эти два принципа иногда рассматриваются как происходящие из единого всеобъемлющего принципа – “постоянства”» [16, с. 827]. Эксперименты показывают, что способность к такому объектному мышлению люди проявляют еще с младенчества, а все “взрослое” восприятие мира как раз и строится на таком допущении.

Подводя итоги, можно сказать, что способность видеть мир, разделенный на объекты, дала нам природа. Добавим далее, что для выполнения простейших задач ориентации в мире это действительно является необходимым, ибо как иначе “отделять зерна от плевел”, искать съедобное среди несъедобного, проходное внутри непролазного и т. д. Можно сказать, что многие задачи, связанные с пространственной ориентацией, относятся к разряду “очевидных”. Мы никогда не задумываемся как в нашей голове рождаются каждодневные образы окружающего мира. Однако все попытки повторить этот элементарный опыт средствами науки повлекли за собой комплекс сложнейших задач, которые и на сегодняшний момент далеки от полного разрешения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Bayne, T.** Are There Islands of Awareness? / T. Bayne, A. K. Seth, M. Massimini // *Trends in Neurosciences*. – 2020. – Vol. 43, iss. 1. – P. 6–16.
2. **Northoff, G.** The brain's spontaneous activity and its psychopathological symptoms – “Spatiotemporal binding and integration” / G. Northoff // *Progress in neuro-psychopharmacology & biological psychiatry*. – 2018. – Vol. 80, Pt B. – P. 81–90.
3. **Zhaoping, L.** A new framework for understanding vision from the perspective of the primary visual cortex / L. Zhaoping // *Current Opinion in Neurobiology*. – 2019. – Vol. 58. – P. 1–10.
4. **Schwartz, E. L.** Computational neuroscience / E. L. Schwartz. – Cambridge, Mass. ; London : MIT Press, 1990.
5. **Emmons, S. W.** Neuroscience. The mood of a worm / S. W. Emmons // *Science* (New York, N.Y.). – 2012. – Vol. 338, iss. 6106. – P. 475–476.
6. **Garrison, J. L.** Oxytocin/vasopressin-related peptides have an ancient role in reproductive behavior / J. L. Garrison, E. Z. Macosko, S. Bernstein, N. Pokala, D. R. Albrecht, C. I. Bargmann // *Science* (New York, N.Y.). – 2012. – Vol. 338, iss. 6106. – P. 540–543.
7. **Mandelblat-Cerf, Y.** Bidirectional Anticipation of Future Osmotic Challenges by Vasopressin Neurons / Y. Mandelblat-Cerf, A. Kim, C. R. Burgess, S. Subramanian, B. A. Tannous, B. B. Lowell, M. L. Andermann // *Neuron*. – 2017. – Vol. 93, iss. 1. – P. 57–65.
8. **Block, N. J.** Comparing the Major Theories of Consciousness // *The cognitive neurosciences* / M. S. Gazzaniga. – Cambridge, Mass., London: MIT Press, 2009. – P. 111–1122.
9. **Block, N. J.** The nature of consciousness: Philosophical debates / edited by Ned Block, Owen Flanagan, and Güven Güzeldere / N. J. Block, O. J. Flanagan, G. Güzeldere. – Cambridge, Mass. ; London : MIT Press, 1997 : A Bradford book.
10. **Palmer, L.** Neuroscience. A Kantian view of space / L. Palmer, G. Lynch // *Science* (New York, N.Y.). – 2010. – Vol. 328, iss. 5985. – P. 1487–1488.
11. **Fazelpour, S.** The Kantian brain: Brain dynamics from a neurophenomenological perspective / S. Fazelpour, E. Thompson // *Current Opinion in Neurobiology*. – 2015. – Vol. 31. – P. 223–229.

12. **Wills, T. J.** Development of the hippocampal cognitive map in preweanling rats / T. J. Wills, F. Cacucci, N. Burgess, J. O'Keefe // *Science* (New York, N.Y.). – 2010. – Vol. 328, iss. 5985. – P. 1573–1576.
13. **Langston, R. F.** Development of the spatial representation system in the rat / R. F. Langston, J. A. Ainge, J. J. Couey, C. B. Canto, T. L. Bjerknes, M. P. Witter, E. I. Moser, M.-B. Moser // *Science* (New York, N.Y.). – 2010. – Vol. 328, iss. 5985. – P. 1576–1580.
14. **Leloup, J.-C.** Computational Models for Circadian Rhythms: Deterministic versus Stochastic Approaches // *Computational systems biology* / R. Eils, et al. – Amsterdam, Boston: Elsevier/Academic Press, 2014. – P. 183–222.
15. **Marr, D.** Vision: A computational investigation into the human representation and processing of visual information / David Marr / D. Marr. – Cambridge, Mass., London : MIT Press, 2010.
16. **Falck, A.** Core cognition in adult vision: A surprising discrepancy between the principles of object continuity and solidity / A. Falck, G. Labouret, V. Izard, A. E. Wertz, F. Keil, B. Strickland // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 2020. – Vol. 1, iss. 1. – P. 827–830.

Поступила в редакцію 29.05.2020 г.

Контакты: project@yevarovskie.net (Еворовский Валерий Борисович)

Yevorovsky V. FROM OBVIOUSNESS TO SPECULATION (a critical analysis of modern approaches to understanding consciousness and perception).

The article provides a critical analysis of modern approaches to consciousness understanding and perception modeling. It is justified that the use of modern theories of consciousness – from philosophical to neurobiological – as basic settings of the principle of the identity of ideal thought phenomena and reality; subject-object relations are not aimed at revealing the mechanisms of perception of reality by the consciousness, but at the formation and expansion of knowledge about reality. An alternative way of researching and modeling of the consciousness of the human, who, on the one hand, is a biological creature, and, on the other hand, is a person constituted by culture, is associated with the creation of rational “speculative” constructions that allow one to describe a person’s perception of reality with maximum accuracy. From the point of view of the development of modern science, this aim cannot even be set.

Keywords: consciousness, subjective experience, perception modeling, a priori assumptions, interaction with the environment.

УДК 811.161.3'36

СТЫЛИСТЫЧНЫЯ ФУНКЦЫІ ПАРЦЭЛЯЦЫІ Ў ДЫЯЛОГУ (на матэрыяле мастацкіх твораў У. Караткевіча)

В. М. Шаршнёва

кандыдат філалагічных навук, дацэнт

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

У артыкуле гаворка ідзе аб стылістычнай ролі парцэляцыі ў мастацкіх творах У. Караткевіча. Тлумачыцца, што мастацкая стылізацыя дыялогу павінна максімальна дакладна перадаць адсутнасць устаноўкі на афіцыйныя зносіны, якая з'яўляецца асноўнай прыкметай камунікацыйнага акта ў вусным маўленні. Дзецца характарыстыка чатырох асноўных функцый парцэляцыі: эмацыйна-вылучальнай, экспрэсіўна-граматычнай, выяўленчай і характаралагічнай. Асобна акцэнтуюцца ўвага на тэксталагічнай ролі парцэляцыі, яе ўплыў на фарміраванне індывідуальнага аўтарскага стылю.

Ключавыя словы: тэкст, дыялог, парцэляцыя, парцэлят, эмацыйна-выяўленчая функцыя, экспрэсіўна-граматычная функцыя, выяўленчая функцыя, характаралагічная функцыя, тэкстаўтваральная функцыя, індывідуальны аўтарскі стыль.

Уводзіны

У першую чаргу дыялог успрымаецца як “ланцуг рэплік” [1, с. 114], аб’яднанне якіх забяспечвае сэнсавую і граматычную звязнасць названай формы маўлення. Асобныя рэплікі дыялогу арганізуюцца ў залежнасці ад зместу папярэдніх або ад аўтарскіх каментарыяў і ўспрымаюцца толькі ў іх адзінстве. Так, паводле Т. Г. Вінакур, на моўны склад кожнага выказвання “ўзаемна ўплывае непасрэднае ўспрыняццё маўленчай дзейнасці суб’ектаў” [2, с. 119].

Варта заўважыць, што вербальныя сродкі выказвання вуснага і стылізаванага мастацкага дыялогу пэўным чынам адрозніваюцца. Гэта адрозненне звязана ў першую чаргу з адметнасцю функцый гутарковага і мастацкага стылю, а значыць, і функцый рэальнай і ўяўнай размовы (фатычная функцыя гутарковага і эстэтычная функцыя мастацкага стылю). На выбар моўных сродкаў сувязі рэплік аказвае ўплыў не толькі апісваемая сітуацыя, характар персанажаў, мэта зносінаў і інш., але і мастацкае светаўспрыняццё пісьменніка, яго ўласная ацэнка апісваемых падзей. Інакш кажучы, выбар сродкаў сувязі рэплік у стылізаваным мастацкім дыялогу выступае паказчыкам індывідуальнага стылю пісьменніка. В. А. Лапцева звязвае спецыфіку адлюстравання камунікацыйнай сітуацыі ў мастацкім тэксце перш за ўсё з характарам адрасата (ўспрымальніка, чытача) і фактарам адрасанта (суб’ект маўлення, аўтар). У адрозненне ад натуральнага дыялогу, які прадугледжвае наяўнасць таго, хто гаворыць, і таго, хто слухае, мастацкі дыялог аднакіраваны. Ён арыентаваны на чытача “па прычыне адсутнасці адрасата ў момант гутаркі” [3, с. 50], менавіта праз апрацаваны аўтарам дыялог чытач атрымлівае інфармацыю аб усіх неабходных кампанентах сітуацыі. Камунікатыўны падыход да тэксту дазваляе суаднесці сітуацыю, апісаную ў мастацкім творы, з рэальнымі падзеямі. Узнаўляючы пэўную маўленчую сітуацыю, пісьменнік можа па-рознаму падбіраць і кампанаваць яе элементы.

Мастацкая стылізацыя дыялогу павінна максімальна дакладна перадаць адсутнасць устаноўкі на афіцыйныя зносіны, якая, на думку А.А. Земскай, з’яўляецца асноўнай прыкметай камунікацыйнага акта ў вусным маўленні [4, с. 6]. Пры мастацкай

апрацоўцы вуснага маўлення дастаткова распаўсюджаным прыёмам з'яўляецца парцэляцыя, сутнасць якой “зключаецца ў расчлененні адзінай сінтаксічнай структуры – сказа – на некалькі інтанацыйна-сэнсавых адзінак – фраз, для таго каб узмацняць вобразнасць, перадаць аўтарскія адносіны, вылучыць тую ці іншую частку паведамлення” [5, с. 509]. Інтанацыйна аддзяляючы дадатковае паведамленне ад асноўнай яго часткі, парцэляцыя становіцца адным са сродкаў вылучэння кампазіцыйна і ідэйна важных момантаў рэплікі, павышае імпліцытную інфармацыйнасць сказаў, набліжае маўленне да гутарковага.

Парцэляваныя канструкцыі, утвараючы асобы тып выказвання, прымаюць удзел у фарміраванні тэксту, выконваюць спецыфічныя функцыі. Парцэляцыя ўспрымаецца як адзін з прыёмаў, праз які ажыццяўляецца далучальная міжфразавае сувязь [6, с. 178]. Афармленне парцэлята як структурна самастойнай сінтаксічнай адзінкі дапамагае акцэнтаваць увагу на месце вылучанай часткі, узмацніць найбольш важную інфармацыю, стварыць у выказванні “новы (дадатковы) рэматычны цэнтр (або некалькі рэматычных цэнтраў)” [7, с. 217], [8, с. 217].

Паводле І. У. Савіцкай, “сінтаксічная трансфармацыя, якая фармальна выражаецца праз графічнае выдзяленне часткі сказа ў асобную сінтаксему, актуалізуе не толькі сэнсавыя адценні думкі, але і аўтарскую інтанацыю як важны паказальнік актуальнага членення выказвання. Парцэляцыя становіцца адметным спосабам інтанацыйнага афармлення праявічнага ці пазычнага радка, сінтаксічна-рытмічнай арганізацыі мастацкага маўлення. Іншымі словамі, парцэляцыя з'яўляецца сродкам актуалізацыі важнай, з пазіцыі аўтара, у сэнсавых адносінах інфармацыі [9, с. 264]. Зыходзячы з працытаванага, можна зрабіць выснову, што аўтарка лічыць парцэляцыю адным са сродкаў выражэння суб'ектыўна-мадальнага значэння, у якім праяўляюцца адносіны аўтара да паведамлення.

В.А. Астаф'ева, Т.А. Каласкова вызначаюць універсальнасць парцэляцыі шэрагам фактараў: 1) амаль поўнай адсутнасцю абмежаванняў у рэалізацыі, 2) разнастайнасцю камунікатыўных і стылістычных функцый; 3) валоданнем найбольш яркай уласцівасцю гутарковага сінтаксісу, які вызначаецца сваёй перарывістасцю, супрацьпастаўленай сінтагматычнасці і разгорнутасці кніжнага сінтаксісу [10, с. 161].

Усе адзначаныя ўласцівасці парцэляцыі накіроўваюць да яе магчымага выкарыстання ў стылізаваным дыялагічным маўленні. У сувязі з імпліцытнай насычанасцю дыялагічнага маўлення парцэлят становіцца адным са сродкаў вылучэння інфармацыйна і кампазіцыйна важных момантаў зносін, а значыць, і падсвядомага ўзаемадзеяння аўтара і чытача. Інтэнсіўнасць і шматаспектнасць выкарыстання парцэляваных канструкцый у дыялагічным маўленні дае падставы ўспрымаць іх як неад'емны складнік індывідуальнага аўтарскага стылю У. Караткевіча, што і пацвярджаецца на прыкладзе дыялогаў, узятых з рознажанравых твораў: раманаў “Нельга забыць”, “Чорны замак Альшанскі”, апавесці “Дзікае паляванне караля Стаха”, апавядання “Ладдзя распачы”.

Асноўная частка

Дыялагічнае маўленне займае ў творах У. Караткевіча значнае месца, што паказвае схільнасць аўтара да актыўнага супрацоўніцтва з чытачом. Пісьменнік, не навязваючы сваю думку, нібы дае магчымасць паслухаць гаворку персанажаў і на падставе пачутага зрабіць самастойныя высновы.

Праявічныя творы У. Караткевіча прапануюць аб'ектыўны разгорнуты матэрыял, актуальны для шматаспектнай характарыстыкі парцэляваных канструкцый. Яго зварот да парцэляцыі з мэтай стылізацыі гутарковага маўлення дастаткова распаўсюджаны і апраўданы: аўтар максімальна набліжае апісаны дыялог да рэальнага, нават з захаваннем адпаведных сітуацыі настрою, інтанацыі, паўз. Напрыклад:

[Андрэі]: – Не ведаю. Нам даўдзецца выпіць чашу ў семдзсят... Як бацькам. І, магчыма, для нас ёсць толькі адзін выхад. Адзіны шлях. Жыць кожную секунду. Думаць, рухацца, рабіць кожную хвіліну. Тады, напэўна, за семдзсят год пражывеш, не мені за дрэва, якое трыста год стаіць на месцы... Варта наспрабаваць ва ўсякім разе.

Андрэі усміхнуўся сваім думкам: “І яшчэ кахаць. Той, хто кахае, – бессмяротны. Ён у кожную хвіліну перажывае стагоддзе. І ён – вораг смерці. Таму, што смерць не для кахання, не для маці тваіх дзяцей. А ўжо для дзяцей, для твайго бяссмерця – мені за ўсё... Толькі кахаць (“Нельга забыць”);

Перавозчык ішоў да апошніх дзвярэй.

Увесь абмяклы, увесь грузлы, ён ішоў... ішоў... ішоў і спыніўся толькі каля павуцінны. Павярнуўся. Абвёў людзей сінімі вачыма.

– Не трэба, – сказаў ён. – Я дам. Я аддам. Бо я аднаго толькі прагну. Забыцця... Забыцця... Забыцця (“Ладдзя распачы”).

Падкрэсленыя парцэляты дапамагаюць чытачу вылучыць у маўленні найбольш важныя моманты, адлюстравіць каштоўнасць і сэнс жыцця, перадаць не толькі хваляванне, узрушанасць, але і ўпэўненасць у правільнасці сваіх думак. Дыстантны зварот да папярэдня акрэсленай тэмы дапамагае максімальна затрымаць увагу на экспрэсіўна афармленых канструкцыях, тым самым паказаўшы іх эмацыянальную і змястоўную насычанасць, істотнасць для ўспрыняцця не толькі філасофскага зместу спецыфічна арганізаванай сентэнцыі, але і для характарыстыкі персанажа.

Расійскі лінгвіст А.П. Скавароднікаў называе чатыры асноўныя функцыі парцэляцыі [11, с. 87]: эмацыяна-вылучальную, экспрэсіўна-граматычную, выяўленчую і характаралагічную.

У якасці асноўнай успрымаецца эмацыяна-вылучальная функцыя, якая так ці інакш праяўляецца ў любой парцэляванай канструкцыі. Па сутнасці, сама з’ява парцэляцыі і служыць менавіта для таго, каб аформіць частку сказа ў самастойнае выказванне, указаць важныя для абмеркавання дэталі. У гэтых адносінах выразным прыкладам можа стаць наступнае дыялагічнае адзінства:

Смерць усміхалася, як шэсць тысяч год таму:

– Ты спадзяешся ўбачыць прабацьку Абрама?

– Не вельмі, – непрыкметна кніў Выліваха. – Але ж павінны былі кудысьці падзецца ўладары, патрыярхі, біскупы? Яны ж столькі крычалі аб небе.

– А цяпер яны бяднейшыя за апошняга раба на зямлі. Бо ў царстве маім раб не адчувае нічога. А яны – адчуваюць. І пустэчу, і тое, што нічога няма.

– Хай жыве справядлівасць, – сказаў Выліваха. – То ім, атрымоўваецца, усё ж дадзена неўміручасць душы?

Бязвокая паляпала яго на плячы. Нібыта бразготкай з сухім гарохам.

– Ты хочаш такога бяссмерця? Пасля ўлады над цэламі і жыццямі, над землямі і праўдай – не адчуваць нічога, акрамя свайго мозгу? Не валодаць цэлам, не мець магчымасці нічым распараджацца? Бачыць, як шчаслівыя засынаюць, як планеты паступова закоўваюцца ў лёд. Быць чымсьці накіталт паралітыка, які збярэг яснасць розуму, але ведае, што гэта будзе цягнуцца вечна, і не мець надзеі на ўратавальніцу, на мяне. Хочаш такога бяссмерця? (“Ладдзя распачы”).

Неабходнасць драблення выказвання прадывтавана самой сітуацыяй зносін – жадааннем пераканаць суразмоўцу, а значыць, падабраць аргументы настолькі важкія, што яны змогуць змяніць яго пункт погляду, ацаніць і прызнаць слушнасць іншай, да гэтага непрымальнай пазіцыі. Асобнае афармленне сэнсава і граматычна звязаных з папярэднім выказваннем частак сказа дапамагае стварыць паўзы, уласцівыя для вуснага маўлення.

Вывяўленчая функцыя накіравана на мастацкую канкрэтызацыю адлюстраванага пры разнастайных апісаннях сітуацый, з’яў, асоб. Пры дапамозе гэтай функцыі адбываецца вылучэнне важнага з пункту погляду мастацка-вобразнай канкрэтызацыі элемента, узмацненне выяўленчага кантрасту; ствараецца так званы эффект запаволення кадра, калі паступова засяроджваецца ўвага на кожным прадмеце апісання або асобным баку пэўнага дзеяння, прыметы і інш. Напрыклад:

– *Чакай, – сказала Смерць. – Ты і цяпер хацеў бы жыць? Ведаючы, што цябе чакае? Атрымаўшы маленечкую адтэрміноўку?* (“Ладдзя распачы”).

Парцэляцыя часта пабудавана на градацыі, калі кожны наступны парцэлят больш грунтоўны, пераканальна моцны ў адносінах да папярэдняга.

Леановіч маўчаў, нешта абдумваючы. Зірнуў на гадзіннік. Машынальна зірнуў і Гораў. Дванаццаць гадзін. Быццам у адказ праз рык навальніцы данесліся далёкія глухія ўдары саборнай звоніцы горада.

– *І яшчэ адна прычына, – сказаў нарэшце Леановіч. – Вераб’іная ноч. Рака ўсхадзілася. Можна патаніць паром. І вас. І людзей* (“Нельга забыць”);

Яна [Грынкевічава – В. Ш.] схіліла галаву, а потым, праз імгненне, ускінула на Горава цёмныя вочы.

– Але мне лягчэй. Людзі заўсёды людзі. Людзі паўсюль людзі... Дай вам бог шчасця за добрае сэрца. Шчасця з невядомай мне рускай жанчынай, такой самай добрай як вы.

– Не трэба, пані, – сказаў Гораў.

– *Маўчыце, – сказала яна амаль суро́ва. – Чым я магу аддзякаваць за ўсё? Толькі словам. Дай вам Бог шчасця. І вам, і дзецям, і ўсім нашчадкам вашым. Дай Бог, каб мае ўнукі ніколі не варагавалі з вашымі* (“Нельга забыць”).

Сумесна з градацыяй парцэляцыя выводзіць у цэнтр увагі члены рада, размешчаныя па нарастальнай сэнсавай або эмацыйнай значнасці, засяроджвае ўвагу на ўзрастанні градонімаў, на рэалізацыі ўзмоцненай верагоднасці.

У кожным з працытаваных прыкладаў парцэляты павышаюць экспрэсіўнасць выказвання, калі трэба не проста зрабіць акцэнт на дэталі, але і ўзмацніць агульны эмацыйны стан. Вывяўленчая функцыя парцэляцыі дапамагае ўспрымаць яе пераважна як экспрэсіўны сінтаксічны прыём пісьмовай літаратурнай мовы, пры якім сказ дэфармуецца, дзеліцца на самастойныя адрэзкі ў адпаведнасці з тымі эмоцыямі, якімі аўтар надзяляе сваіх персанажаў.

У гэтых адносінах да выяўленчай вельмі блізкая **характаралагічная** функцыя парцэляцыі, якая звычайна прымяняецца для характарыстыкі аб’екта маўлення. Прыкладам рэалізацыі названай функцыі могуць быць дыялагічныя адзінствы (элементы дыялагічных адзінстваў) з рамана “Нельга забыць”. Парцэляты прыведзеных ніжэй рэплік у абодвух выпадках вылучаюць найбольш важныя, вызначальныя ў дадзены момант, з пункту погляду сябра (першы прыклад) і маці (другі прыклад), рысы аднаго і таго ж чалавека – Андрэя.

І. – Яніс памаўчаў. Яму цяжка было зноў пачынаць размову. Але ён, відаць, не змог змоўчаць гэтага, як паслядоўны латгалец. І таму сказаў жорстка:

– *Яшчэ раз табе скажу: не падабаецца мне ўсё гэта, не тая гэта жанчына.*

– *А дзе лепшыя ёсць?*

– *Паўсюль.*

– *А чаму гэта яна “не тая”?*

– *Не тая. Жанчына павінна радасць і запал даваць або боль такі, што, здаецца, лёг бы і памёр. А гэта што? Шэрае балота звычайнага. І горш за ўсё, што ты сам гэта адчуваеш, толькі не прызнаешся. Ты паглядзі на сябе, які ты стаў? Знерваваны, прыбіты нейкі. Вершы бяскрылыя пачаў пісаць. Кінь яе, кажу, пакуль не позна.*

II. – *Мне здаецца, – не слухаючы яго [Андрэя. – В.ІІІ.], сказала маці, – усё гэта ад хворага сумлення. І я вельмі баюся за цябе. Ты занадта іхні. І зусім не стрыманы. Бацькавай сілы ў цябе няма. Ты знойдзеш нешта. Яму можна будзе дадаць частку сваёй душы. А ты аддасі ўсяго сябе. Да канца...* *Усё адно што гэта будзе: справа, вершы. А можа, жанчына.*

Працытаваныя прыклады даволі значна аддалены ад аднаго, характарыстычныя рэплікі выходзяць з вуснаў розных персанажаў, але ўжо толькі па парцэлятах можна меркаваць аб іх унутраным сэнсавым адзінстве: і сябар, і маці лічаць магутнай сілу кахання. Толькі сябар перасцерагае ад разбуральнага ўплыву жанчыны, якая знаходзіцца побач з Андрэем, а маці мяркуе, што нястрыманы Андрэй аддасць усяго сябе да канца толькі сапраўднаму пачуццю.

У творах У. Караткевіча характаралагічная функцыя часта выражаецца пры стварэнні кантэкстаў няўласна прастай мовы:

Змяў цыгарэту. Прыгожы ён [Мар'ян. – В.ІІІ.], калі думае. Не тое, што мая варажская храпа. І дурніца ж гэная праклятая баба, ягоная былая жонка. Ах, матыль серабрысты! Ах, сю-сю! Ах, Кафка! Ах, сцэна! А сама ані ў сцэне, ані ў Кафцы ані ў зуб нагою (“Чорны замак Альшанскі”).

Працытаваны прыклад фармальна не з'яўляецца адзінкай дыялагічнага маўлення, а падкрэсленыя парцэляты, адпаведна, не могуць назвацца структурнай часткай рэплікі. Аднак менавіта праз іх даецца агульная характарыстыка жонкі Мар'яна, ацэнка яе душэўных якасцей. А ўяўленне чытача можа дапоўніць яе вобраз не толькі як маўленчай асобы, але і як чалавека.

Экспрэсіўна-граматычная функцыя парцэляцыі служыць для выражэння сінтаксічных адносін паміж асноўнай часткай сказа і яго парцэлятам. Выкарыстанне парцэляваных канструкцый звязана з тэндэнцыяй да сцісласці, эканомнасці выказвання і адначасова да інфармацыйнай і эмацыянальнай насычанасці. Сінтаксічна залежныя адзінкі маўлення, адарваныя ад асноўнай часткі, набываюць выразнасць, становяцца яркімі, экспрэсіўнымі. Так, у якасці парцэлята могуць выступаць аднародныя і адасобленыя члены сказа, параўнальныя канструкцыі, часткі складаназалежнага сказа. Вылучэнне названых канструкцый у асобны сказ, знарокавае іх успрыманне ў якасці асобных элементаў дапамагае асэнсаваць падтэкставую інфармацыю, здольную перадавацца граматычнымі сродкамі: сістэмнасць і частотнасць дзеянняў (пры парцэляцыі аднародных членаў сказа), параўнальна-супастаўляльны аспект (калі парцэлятам выступае параўнальная канструкцыя), ацэнка асобы, прадмета або дзеяння (у выпадку аддзялення адасобленых элементаў), прычына, мэта, умова, магчымасць уступкі (звычайна пры дадатковай сэнсавай нагрузцы на змест дадзеных частак складаназалежнага сказа). Прыкладам экспрэсіўна-граматычнай функцыі парцэляцыі можа стаць афармленне наступных рэплік:

– *То-та ж бо, – прыгнечана сказаў Свеціловіч. – Значыцца, не ён кароль Стах. Падарунак гэты якраз на яго карысць кажэ. І ўчарашняя падзея* (“Дзікае паляванне караля Стаха”).

Інтанацыйнае і пунктуацыйнае раздзяленне і аддаленне аднародных членаў сказа накіроўвае на раўнапраўнае ўспрыняцце значнасці абодвух для адэкватнай ацэнкі апісаных падзей. Той факт, што ўчарашняя падзея ўзгадваецца не адразу, не дае падставы ўспрымаць яе як другасную. Наадварот, афармленне інфармацыі аб ёй у асобны сказ падкрэслівае істотнасць, сур'ёзнасць таго, што адбылося, узмацняе рэтраспекцыйна-праспекцыйныя сувязі, спрыяе найлепшаму ажыццяўленню кагезіі. Усё адзначанае накіроўвае на асобнае ўспрыняцце і асэнсаванне **тэкстаўтваральнай** функцыі парцэляцыі, пацвярджэннем якой могуць паслужыць наступныя рэплікі з рамана “Нельга забыць”:

– Я ведаю, ёсць многа добрых людзей, – сказала яна, людзей з усёабдымным, з чалавечым сэрцам. Такіх як вы. Але што я магу зрабіць, калі мне ўсё жыццё будуць трызніцца тыя дзесяць хвілін, на якія я спазнілася, калі для сэрца чалавека няма і не будзе забыцця... Дарагі мой чалавек. Я ведаю – у мяне ўсё канфіскуюць. Мяне, хутчэй за ўсё, чакае Сібір;

– Чакай, Яніс, – голас Грынкевіча, калі той не крычаў, быў мяккі і даволі ціхі, – я думаю, што нам трэба на якую гадзіну расстацца. Усё адно, відаць, мы ў гэтую ноч не заснем. Але ты спачатку не пра бутэльку думай, а пра жонку. Сядай, брат, і за гадзіну напішы ёй доўгі, вельмі добры ліст. Пра ўсё напішы. І як мы з табою апельсіны сёння на праспекце сеялі. І пра начны марш на калідоры. А я да цябе зайду праз гадзіну, тады і пагамонім;

– За што ты яго [Пружыніна. – В.Ш.] так ненавідзіш? – неўразумела спытаў Вайвадс.

– Чалавек павінен быць шчырым. І верным свайму сэрцу. А значыць, і вершу. На ўсё жыццё.

Як відаць з прыведзеных прыкладаў, тэкстаўтваральная функцыя пацвярджаецца стварэннем пры дапамозе парцэлятаў новага рэматычнага цэнтра; іх адносінамі да базавай часткі і магчымасцю аб'яднання з ёй у адно цэлае; накіраванасцю да кантактнай/дыстантнай папярэдняй або наступнай інфармацыі; вылучэннем новых звесак, якія не адлюстраваны па-за межамі дыялога, але маюць пэўны ўплыў на далейшае развіццё падзей або тлумачаць тое, што адбылося. З'яўляючыся мікратэкстам, дыялагічнае адзінства дае магчымасць парцэляту ў большай ступені, чым непарцэляванай канструкцыі, рэалізаваць свой тэкстаўтваральны патэнцыял, функцыянальнае прызначэнне якога заключаецца ў падкрэсліванні на камунікатыўна-сіntaxічным узроўні сэнсавых акцэнтаў тэксту.

Па сутнасці, тэкстаўтваральная функцыя парцэляцыі аб'ядноўвае ўсе пералічаныя вышэй функцыі і з'яўляецца вызначальнай пры фарміраванні індывидуальнага пісьменніцкага стылю У. Караткевіча.

Заклучэнне

Своеасаблівае мастацкае тэксту У. Караткевіча заключаецца ў арыентацыі на маўленчыя паводзіны персанажа, прычым маўленчае ўзаемадзеянне дазваляе ўспрымаць літаратурнага героя як асобу ва ўсёй сукупнасці прапанаваных у тэксце характарыстык. Дыялог у мастацкіх творах У. Караткевіча адыгрывае галоўную кампазіцыйную ролю. Устаноўка на аб'ектыўнае адлюстраванне рэчаіснасці прыводзіць пісьменніка да таго, што ён выражае сябе праз дыялогі персанажаў, што ў значнай меры спрыяе аб'ектывацыі паведамлення: зводзіцца да мінімуму суб'ектыўнасць апавядальніка, дамінуе пункт погляду і слова героя. Дыялог у такім выпадку мае высокую ступень інфармацыйнасці: ён змяняе падзеі, разгортвае сюжэт, раскрывае ўзаемаадносіны персанажаў, вызначаючы лінію іх паводзін.

Размежаванне функцый парцэлятаў у мастацкіх тэкстах У. Караткевіча даволі ўмоўнае, бо ў адным і тым жа пунктуацыйна аддзеленым элеменце могуць рэалізоўвацца дзве і больш функцый адначасова (характаралагічная і экспрэсіўна-граматычная; выяўленчая і эмацыйна-вылучальная; характаралагічная і выяўленчая і інш.). Структурна-семантычны аналіз дыялагічных адзінстваў У. Караткевіча дазваляе сцвярджаць, што функцыянальнае насычанасць дэфармаваных сказаў залежыць не толькі ад інтралінгвістычных, але і ад экстралінгвістычных фактараў, і ў першую чаргу ад сітуацыйнай абумоўленасці выкладу.

Дзякуючы свядомаму інтанацыйнаму аддзяленню ад сінтаксічна галоўнай часткі, інфармацыя, якая змяшчаецца ў парцэляце, у адпаведнасці з інтэнцыямі адрасна

актуалізуецца, пры гэтым выказванне набывае асобую сэнсавую і эмацыйную выразнасць. Парцэляваныя канструкцыі ў стылізаваным дыялогу ствараюць уражанне характэрнага для вуснага маўлення непасрэднага фарміравання думкі і яе пастаяннага разгортвання. Ствараецца ўражанне паслядоўнага, паэтапавага ўдакладнення выказвання. Сінтаксічная трансфармацыя, уплываючы на актуалізацыю не толькі сэнсавых адценняў, але і аўтарскай інтанацыі, мае ў стылізаваных дыялогах У. Караткевіча сваю спецыфіку, з'яўляецца прыкметным сродкам фарміравання яго індывідуальнага аўтарскага стылю.

Функцыянальнае прызначэнне парцэляцыі як універсальнага сінтаксічнага прыёму звязана непасрэдна са структурай парцэляванага выказвання. Афармленне парцэлянта як структурна самастойнай адзінкі дапамагае аўтару акцэнтаваць увагу чытача на вылучаным элеменце. Сінтаксічная разнастайнасць парцэляваных канструкцый У. Караткевіча сведчыць не толькі аб індывідуальнасці аўтарскага стылю, але і аб імкненні пісьменніка смадэляваць маўленча-мысліцельную дзейнасць персанажа (пры афармленні дыялогаў) і чытача (пры афармленні маналогаў, аўтарскай мовы) для максімальнага мастацка-эстэтычнага ўздзеяння на рэцыпіента.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Валгина, Н. С.** Современный русский язык : синтаксис : учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2003. – 416 с.
2. **Винокур, Т. Г.** Диалог [Текст] / Т. Г. Винокур // Русский язык : энциклопедия / гл.ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1998. – С. 119–120.
3. **Лаптева, О. А.** Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М. : Наука, 1976. – 398 с.
4. **Земская, Е. А.** Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения : учебное пособие / Е. А. Земская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 240 с.
5. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.
6. **Рамза, Т. Р.** Сінтаксіс: Тэарэтычны курс : вучэб. дапаможнік / Т. Р. Рамза ; пад агул. рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : БДУ, 2003. – 202 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 480 с.
8. **Солганик, Г. Я.** Стилистика текста : учебное пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
9. **Савіцкая, І. У.** Парцэляцыя як асобая сінтаксічная з'ява (на матэрыяле складаных сказаў) / І. У. Савіцкая // Мова – Літаратура – Культура : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф. : у 2 ч., Мінск 28–29 кастрычніка 2010 г. [Тэкст] / Беларускі дзярж. ун-т. – Мінск : РІВШ, 2011. – Ч. 1. – С. 236–239.
10. **Астафьева, О. А.** Парцеляция сочинительной связи (на материале романа В. Д. Дудинцева “Белые одежды”) / О. А. Астафьева, Т. А. Колоскова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. – № 3. – С. 161–165.
11. **Сковородников, А. П.** Экспрессивные синтаксические конструкции в современном русском литературном языке [Текст] / А. П. Сковородников. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та – 1992. – 254 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.09.2019 г.

Кантакты: shershnyova@msu.by (Шаршнёва Вольга Мікалаеўна)

Shershneva O. STYLISTIC FUNCTIONS OF PARCELLING IN DIALOGUE (on the basis of the literary works by V. Korotkevich)

The article deals with the stylistic role of parcelling in the artistic works by V. Korotkevich. It is explained that the artistic stylization of the dialogue should convey as accurately as possible the avoidance of formal communication, which is the main feature of the communication act in oral speech. The characteristic of four main functions of parcellation is given: emotional, expressive-grammatical, pictorial and characterological. Special attention is paid to the textual role of parcelling, its influence on the formation of the author's individual style.

Keywords: text, dialogue, parcelling, emotional function, expressive and grammatical function, pictorial function, characterological function, text-forming function, individual style.

УДК 811.161.3'367

РЭТРАСПЕКЦЫЙНАЯ І ПРАСПЕКЦЫЙНАЯ НАКІРАВАНАСЦЬ ПАРЭНТЭТЫЧНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ У МАСТАЦКІХ ТВОРАХ У. КАРАТКЕВІЧА

Ю. С. Заблоцкая

аспірант

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

У артыкуле разглядаюцца рэтраспекцыйныя і праспекцыйныя ўзаемаадносіны паміж асноўным зместам сказа і парэнтэтычнымі канструкцыямі ў мастацкіх тэкстах У. Караткевіча. Звесткі, пададзеныя парэнтэтычна, па-першае, вылучаюцца ў новую аўтаномную адзінку ўнутры сказа з прычыны іх важнасці для асэнсавання папярэдняй або наступнай інфармацыі; па-другое, гэтыя звесткі менш істотныя ў адносінах да сказа, бо нясуць менавіта дадатковую інфармацыю, пры гэтым не засланяючы асноўны змест сказа; па-трэцяе, гэта можа быць проста нейкая спадарожная заўвага пісьменніка, “думкі ўслых” або проста “рабочыя памяткі”. Робяцца высновы аб тым, што парэнтэтычныя канструкцыі могуць не толькі мець рэтраспекцыйныя, праспекцыйныя і рэтраспекцыйна-праспекцыйныя сувязі, але і спыняць паслядоўнасць падзей, адлюстраваных у асноўнай частцы паведамлення. Праведзены аналіз дазваляе гаварыць як аб агульных рысах катэгорыі рэтраспекцыі і праспекцыі ў творах У. Караткевіча, так і пра асаблівасці індывідуальнага стылю пісьменніка.

Ключавыя словы: тэкст, парэнтэза, парэнтэтычныя канструкцыі, устаўныя канструкцыі, індывідуальны аўтарскі стыль, рэтраспекцыя, праспекцыя.

Уводзіны

Багатыя стылістычныя магчымасці з’яўляюцца адной з асаблівасцей сінтаксісу сучаснай беларускай мовы. “Парэнтэза прадугледжвае ўключэнне ў асноўны сказ канструкцыі (слова, словазлучэння ці сказа), звязанай з ім не граматычна, а змястоўна-асацыятыўна” [1, с. 79]. Варта адзначыць, што парэнтэтычныя канструкцыі – гэта асаблівы элемент ускладнення сінтаксічнай структуры сказа, які выкарыстоўваецца з мэтай “актуалізацыі індывідуальна-аўтарскіх каментарыяў” [2, с. 6], гэта значыць, яны дапамагаюць абудзіць уяўленне на аснове тэксту (аўтара, апавядальніка) і наладзіць сувязь з чытачом. “Парэнтэзы – гэта своеасаблівыя эгацэнтрычныя знакі прысутнасці таго, хто гаворыць, мэта-выказванні другаснага сінтаксічнага ўзроўню, убудаваныя ў першаснае выказванне” [3, с. 92].

“Парэнтэтычныя канструкцыі структурна і функцыянальна разнастайныя, аднак аб’яднаны агульнай функцыяй выражэння суб’ектыўнай мадальнасці, якая перадаецца асаблівай суб’ектыўна-мадальнай формай (канструкцыяй), гэта значыць, перадае адносіны таго, хто гаворыць, да таго, што сказана, а таксама ўключэннем у сказ дадатковай інфармацыі, актуальнай аўтарскай заўвагі” [4, с. 304].

“Уключанасць парэнтэз у структуру другога сказа прыводзіць да таго, што яны афармляюць выказванні, якія знаходзяцца ў розных сэнсавых плоскасцях з асноўным сказам і, не з’яўляючыся яго неабходным кампанентам, тым самым нарошчваюць яго сэнсавы аб’ём, фарміруючы другі, дадатковы, план апавядання, які характарызуецца перадачай самых разнастайных сэнсаў” [5, с. 142]. У аснове парэнтэзы, як адзначае В.У. Русак, “ляжаць уласцівыя гутарковай мове пераходы ад аднаго паведамлення да другога, прыпамінанні, заўвагі, што ўзнікаюць па асацыяцыі. <...> Парушаючы

плаўнасць тэксту, яго лінейныя сінтаксічныя сувязі, гэтыя структурныя адзінкі, з аднаго боку, развіваюць інфармацыйны план асноўнага паведамлення, сігналізуюць пра наяўнасць пэўных канатацый, а з другога боку, адметна характарызуюць аўтарскае маўленне, а значыць, выступаюць як сродак індывідуалізацыі аўтарскага маўлення і дазваляюць больш поўна ахарактарызаваць індывідуальную мастацкую сістэму” [6, с. 37]. Пры гэтым “у мастацкім тэксце не бывае выпадковых элементаў, кожны з гэтых элементаў выкарыстоўваецца аўтарам для рэалізацыі пэўнай ідэйна-мастацкай задумкі, разумець якую важна для адэкватнага ўспрымання напісанага” [7, с. 59]. Устаўка “спыняе лінейны ход апавядання, адводзіць яго на другі наднапавядальны ярус, будзе паралельную сюжэтную лінію, прыводзіць у рух катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі” [8, с. 202].

Варта заўважыць, што парэнтэтычныя канструкцыі ўводзяцца ў канву тэкста з мэтай, якая падпарадкоўваецца мастацкай задуме пісьменніка. Такія канструкцыі хоць і ўскладняюць сінтаксічную структуру сказа, але і спрашчаюць працэс разумення ўсяго тэкста ў цэлым. Парэнтэтычныя канструкцыі з праспекцыйнай і рэтраспекцыйнай накіраванасцю пераносяць чытача з адной плоскасці апавядання ў другую, захоўваючы пры гэтым яднанне паміж асноўным зместам сказа і парэнтэзай.

Асноўная частка

Большая частка парэнтэтычных канструкцый адносіцца да неабавязковых сінтаксічных элементаў, інакш кажучы, іх выкарыстанне цалкам залежыць ад намераў аўтара, ад яго жадання выказаць той ці іншы сэнс, эмоцыю, ад імкнення ўздзейнічаць на чытача [9, с. 173].

Тым не менш парэнтэтычныя канструкцыі ў любым выпадку ў той ці іншай ступені суадносяцца з асноўным зместам сказа. Пры гэтым такія суадносіны могуць мець розную “вагу”. Змест уставак можа быць важнейшым за змест асноўнага сказа, з’яўляцца носьбітам дадатковай інфармацыі або проста быць спадарожнай заўвагай. Устаўка валодае пэўнай сэнсавай самастойнасцю, але не можа быць правільна вытлумачана па-за кантэкстам асноўнага сказа.

Разнастайныя спосабы выражэння рэтраспекцыйных і праспекцыйных узаемаадносін парэнтэз з асноўнай часткай тэксту дазваляюць успрымаць іх як сродкі фарміравання індывідуальнага аўтарскага стылю. Для аналізу ўзяты мастацкія творы У. Караткевіча, у якіх змястоўная накіраванасць парэнтэтычных канструкцый вызначаецца сістэмнасцю, выразнасцю, паслядоўнасцю. Зроблена выбарка парэнтэтычных канструкцый з наступных твораў: “Дзікае паляванне караля Стаха”, “Чорны замак Альшанскі”, “Хрыстос прызямліўся ў Гародні”, “Каласы пад сярпом тваім”.

Адметнае пунктуацыйнае афармленне парэнтэтычных канструкцый прымушае звярнуць увагу на спецыфічна аформленую інфармацыю, прачытаць дадатковыя заўвагі з асаблівай інтанацыяй. Часта такія заўвагі з’яўляюцца вельмі важнымі, а форма іх адлюстравання ўспрымаецца як выдатны спосаб сумяшчэння розных інфармацыйных блокаў. Інфармацыйная насычанасць парэнтэтычных канструкцый выклікае адчуванне, што пісьменніку цесна ў межах уласнага тэксту.

Парэнтэтычныя канструкцыі дазваляюць аўтару дзяліць тэкст такім чынам, каб, не перарываючы асноўную плынь часу, устаўляць у тэкст важныя з пункту гледжання разумення сэнсу і ўспрымання сюжэту адступленні, якія або адсылаюць да мінулага, або будуць расшыфраваны ў будучыні. Пры гэтым апавядальнік не мяняецца, а сама ўстаўка ўспрымаецца як спроба пісьменніка спыніць, укладанніць самога сябе. Такі прыём можна расцэньваць як своеасаблівую маніпуляцыю ўвагай і ўспрыманням чытача.

Варта адзначыць, што характэрнай асаблівасцю індывідуальнага аўтарскага стылю У. Караткевіча з’яўляецца спосаб, калі аўтар “мяняе вектар” значнасці двух планаў, выносячы найбольш важную інфармацыю ва ўстаўную канструкцыю. Разгледзім наступны прыклад:

Я глядзеў на цырымонію знаёмства (некаторыя з гэтых блізкіх суседзяў ніколі не бачыліся і, напэўна, не пабачацца больш – стары палац, можа, упершыню за 18 год бачыў такі наплыў гасцей) (“Дзікае паляванне караля Стаха”).

Можна меркаваць, што пісьменнік лічыць важнай інфармацыю, у якой змяшчаюцца звесткі пра суседзяў, а не тое, што ідзе працэс назірання за цырымоніяй. Істотнасць спецыфічна аформленай думкі знаходзіць пацвярджэнне далей, дзе апісваюцца згаданыя суседзі:

<...> Я бачыў замасленыя твары, якія галантна ўсміхаліся, бачыў вусны, якія цягнуліся да рукі гаспадыні. Калі яны нахіляліся, святло падала зверху, і насы здаваліся надзіва доўгімі, а раты праваленымі. Яны бязгучна дрыгали нагамі, схіляліся, бязгучна гаварылі, і ў іх вырасталі насы, пасля ўсміхаліся і адпльвалі далей, а на іх месца плылі ўсё новыя, новыя.

Варта адзначыць, што пры гэтым устаўкі ў мастацкім творы дапамагаюць перамяшчаць апавяданне ў прасторава-тэмпаральным плане. Яны разрываюць лінейнае разгортванне тэксту, пераключаюць увагу чытача то да падзей, што здарыліся, але маюць сувязь з сучаснасцю, то да падзей, якія яшчэ будуць адбывацца. У залежнасці ад накіраванасці зместу можна вылучыць наступныя групы парэнтэтычных канструкцый у творах У. Караткевіча:

1. Парэнтэтычныя канструкцыі з рэтраспекцыйнай накіраванасцю. Рэтраспекцыя, паводле І. Р. Гальперына, “аб’ядноўвае формы моўнага выражэння, якія адносяць чытача да папярэдняй змястоўна-фактуальнай інфармацыі” [10, с. 106]. Парэнтэтычныя канструкцыі, дзе “ўключаецца” мінулае (у адносінах да таго, пра што гаворыцца ў асноўным сказе), надаюць мастацкаму часу ў творах У. Караткевіча прыкмету гнуткасці, пераходу ад аднаго тэмпаральнага пласту да другога, нават нейкую ўсеабдымнасць. Пры гэтым узаемаадносіны паміж рэтраспекцыйнай парэнтэтычнай канструкцыяй і зместам асноўнага сказа ў творах пісьменніка могуць, на першы погляд, адсутнічаць. Аднак такое ўражанне будзе памылковым, пацвярджэннем чаго будзе наступны прыклад:

Сто разоў з таго часу перачытваў я гэтую легенду, напісаную наіўным і ўзнёслым стылем рамантыка (харошыя яны былі людзі, сумленныя аж да святасці, чыстыя да апошняга, не даносчыкі, не паршыўцы!) Сто разоў учытваўся ў радкі, то няладныя, а то й зусім някепскія. Нават, для зручнасці, пераклаў усё гэта на сваю мову, дарма што з юнацтва не пэцкаў рыфмамі наперу (“Чорны замак Альшанскі”).

У працытаваным прыкладзе ўстаўка падае “мінулую” інфармацыю, не адлюстраваную ў змесце асноўнага сказа, чым, на першы погляд, парушае лагічную паслядоўнасць падзей і выклікае эфект нечаканасці. Але тым больш моцнай з’яўляецца такая канструкцыя. Яна накіравана на акцэнтаванне думак аўтара і на пэўны час авалодвае ўвагай чытача, дзякуючы чаму выключаецца аўтаматызм успрымання напісанага.

Прааналізуем яшчэ адзін прыклад:

– Што ж, няўдзячная жанчына. Як многія з іх. Нездарма яе біскуп Геранім з Кладна напракаў. Уцяклі, скарб пабраўшы. Суддзя Станкевіч (а вы ведаеце, тады суддзя частку быў і следчы), сярэдневяковы беларускі Холмс (а ён быў чалавек для тых часоў гуманны, катаванні, рэч тады звычайную, прымяніў толькі два разы ў жыцці), пагоню спыніў, а тады і сам магнат пакаяўся, што быў у гневе (“Чорны замак Альшанскі”).

Пісьменнік уводзіць рэтраспекцыйную ўстаўку з мэтай зрабіць паўзу ў лінейным разгортванні апавядання, дапоўніць апавяданне, здавалася б, зусім непатрэбнай інфармацыяй. Аднак такі манеўр дапамагае чытачу не проста даведацца, хто спыніў пагоню, але і што з сябе ўяўляў гэты чалавек. Заўважым, што У. Караткевіч у адным сказе выкарыстоўвае не проста канструкцыю, якая з'яўляецца прыдаткам (*“Суддзя Станкевіч <...> сяродневяковы беларускі Холмс <...>”*), але і двойчы звяртаецца да ўстаўкі, што дазваляе прывесці дадатковыя звесткі пра суддзію і памножыць іх.

2. Парэнтэтычныя канструкцыі з праспекцыйнай накіраванасцю. Праспекцыйная ўстаўка паказвае на падзеі, якія адбудуцца (ці, што цалкам магчыма, не адбудуцца) пры пэўных умовах. Яна заклікана задзейнічаць здольнасць творча думаць, фантазіраваць, уяўляць у думках развіццё падзей і прадбачыць іх вынік. І.Р. Гальперын называе праспекцыю “адным з прыёмаў апавядання, які дае чытачу магчымасць яснай уявіць сабе сувязь і абумоўленасць падзей і эпізодаў. Ведаючы, што адбудзецца ў далейшым, ён глыбей пранікае ў змястоўна-канцэптуальную інфармацыю, паколькі сучаснае паўстае перад ім у некалькі іншым плане” [10, с. 112]. Такія канструкцыі неабходныя для ўспрымання асобных фактаў.

Разгледзім прыклад:

Бо я верыў. Верыў гэтым устрывожаным вачам, злёгку скрыўленаму роту, неспакойным пальцам, нервовай спіне, напятай, як лук (вось-вось выскачыць звер) (“Чорны замак Альшанскі”).

У працытаваным прыкладзе перад чытачом выразна паўстае вобраз не аўтара, а яго суб'яднага. Эмацыйны стан героя да такой ступені нестабільны, што ўвесь яго выгляд гаворыць пра магчымасць нервовага зрыву, пра “перараджэнне”, што і ілюструе праспекцыйна накіраваная ўстаўка. На такі напружаны стан персанажа невыпадкова была акцэнтавана ўвага У. Караткевіча. У такім выпадку чытач нібы сам становіцца не толькі ўдзельнікам дыялогу, але відавочцам стану персанажа паміж “нармальнасцю” і “зрывам”.

Разгледзім яшчэ адзін прыклад:

Бліснула наперадзе яшчэ чыстая, непазеляная вада (гэта прыйдзе пазней, з цеплынёй): рэчка не рэчка, а хутчэй рукаў рэчкі, ператвораны калісьці ў роў (“Чорны замак Альшанскі”).

На першы погляд здаецца, што парэнтэтычная канструкцыя не ўключае ў сябе нейкіх значных звестак. Аднак інфармацыя, якую змяшчае ўстаўка, не толькі паказвае на час года, у які адбываюцца падзеі, але і дазваляе чытачу ўявіць, нават убачыць малянак прыроды праз некаторы час. У такім выпадку праспекцыйная ўстаўка разам з асноўным сказам становіцца максімальна нагляднай і носіць ілюстрацыйны характар.

Не менш цікавы выпадак, калі ўстаўная канструкцыя мае далёкую праспекцыйную накіраванасць:

Па-першае, тайныя справы (доўга ім яшчэ быць тайнымі, хай не спадзяецца, і добра, калі год праз восемдзесят можна будзе ўзняць забрала і адкрыта назваць дамініканскую капліцу езуіцкай, якой яна, фактычна, вось-вось будзе, або, ні на каго не звязаючы, узвесці вялізны новы касцёл); па-другое, думы аб тым, як, акрамя невялічкай сваёй дамініканскай школкі, прыбраць у рукі, хай сабе і непрыкметна, парафіяльную ды царкоўную школы (“Хрыстос прыямліўся ў Гародні”).

З праілюстраванага прыкладу становіцца ясна, што ўстаўка нацэлена на далёкую перспектыву (*“год праз восемдзесят”*), калі, хутчэй за ўсё, ужо не будзе апавядальніка. Пры гэтым актыўным “удзельнікам” будучыні, да якога накіравана інфармацыя, становіцца ўжо чытач. Менавіта ён можа ацаніць змешчаныя ў парэнтэзе звесткі на прадмет іх дакладнасці, падумаць, ці ўдалося аўтару прадбачыць будучыню, паразважаць над тым, якой яна стане.

3. Парэнтэтычныя канструкцыі з праспекцыйна-рэтраспекцыйнай накіраванасцю. Адметнай рысай індывідуальнага стылю У. Караткевіча з’яўляецца выкарыстанне парэнтэтычных канструкцый, якія могуць “адсылаць” да падзей, дзеянняў або з’яў, якія ажыццяўляліся ў мінулым, але маюць значэнне для будучыні. Канструкцыі такога плану неабходныя для разумення не проста адзінкавага факта, а цэлага блока інфармацыі. Напрыклад:

Пакуль на бабінцы рыхтаваліся, купель ставілі, пакуль тое – матуля з кумою ды мной пайшлі на цвінтары прайсціся. Цвінтар там вялікі. Падышлі да магілы Леакадзіі Купчэўскай, швагеркі ялаўскага пана (яна маладая памерла, і ўсе казалі, што матуля чымсьці на яе падобная была, толькі прыгажэйшая, і таму маці заўсёды там спынялася). Стаяць («Каласы пад сярпом тваім»).

Змест устаўкі адсылае да ўспаміну, выкліканага словамі трэціх асоб пра падабенства жывой і мёртвай. Пісьменнік уводзіць рэтраспекцыйную ўстаўную канструкцыю з мэтай тлумачэння ўчынку маці, выкліканага, магчыма, не столькі патрэбай ушанаваць памяць памерлай сваячкі, а колькі жаданнем ўбачыць сябе ў ёй. Устаўка, з аднаго боку, з прычыны сваёй функцыянальнай значнасці, мае рэтраспекцыйны характар, але, з другога, нельга адмаўляць і праспекцыю, таму што “мінулае” мае непасрэдны ўплыў як на пастаянныя наведванні магілы Леакадзіі Купчэўскай, гераіні твора У. Караткевіча, так і на эмацыйны і душэўны стан жанчыны.

Заслугоўвае ўвагі яшчэ адзін прыклад:

Чалавек насіў кепку казырком назад (пасля я даведаўся, што гэта адна з яго заўсёдных адзнак, нават калі ён не быў у мучным пыле, а не хвілінны капрыз), і вакол яго круціліся дзясяткі два сабак усякага росту і масці і пераважна дрэннай пароды (“Чорны замак Альшанскі”).

Для мастацкіх твораў У. Караткевіча наогул характэрна шматступеннае ўключэнне парэнтэтычных адзінак, аднак працытаваны прыклад усё ж можна ўспрымаць у іншым плане. Нягледзячы на тое што катэгорыі рэтраспекцыі і праспекцыі непарыўна звязаны, назіраецца відавочная асаблівасць: у адносінах да асноўнага зместу сказа ўстаўка носіць праспекцыйны характар (апавядальнік даведаецца пра штосьці ў будучыні), але калі разглядаць увесь сказ ў цэлым, то чытачу становіцца ясна, што звесткі, адлюстраваныя ва ўстаўной канструкцыі, ужо адбыліся (апавядальнік ўжо даведаўся нейкую інфармацыю). Такі прыклад яшчэ раз пацвярджае, што парэнтэтычныя канструкцыі, уключаныя У. Караткевічам у асноўны тэкст, валодаючы праспекцыйнай, рэтраспекцыйнай і праспекцыйна-рэтраспекцыйнай накіраванасцю, як мага найлепш спрыяюць ажыццяўленню кагезіі і кантынуму.

Заклучэнне

Выкарыстанне парэнтэтычных канструкцый – даволі частая з’ява ў мастацкіх творах У. Караткевіча. Па сутнасці, яго парэнтэзы можна ўспрымаць як сродкі ажыццяўлення праспекцыйных і рэтраспекцыйных сувязей. Пры гэтым У. Караткевіч не аддае перавагу аднаму з тыпаў парэнтэз. Аб’ектыўная рэальнасць тэксту, унутры якой адбываецца ланцуг падзей, перамяжоўваецца з ўмоўнай. Пры гэтым парэнтэтычная канструкцыя можа “адсылаць” як да падзей, дзеянняў або з’яў, якія ажыццяўляліся ў мінулым, так і да тых, якія будуць адбывацца. Элементы рэтраспекцыі і праспекцыі, з аднаго боку, парушаюць аднастайнасць апавядання, але з другога – рэалізуюць шматмернасць мастацкага часу. Цікава, што рэтраспекцыйная ўстаўка паказвае на факты, якія з’яўляюцца важнымі для разумення пэўнага блока інфармацыі. Што датычыцца праспекцыйных парэнтэтычных канструкцый, то яны неабходныя для прыватных звестак, выкладзеных у тэксце.

Прааналізаваныя мастацкія творы паказваюць на тое, што існуе абавязковая сувязь паміж парэнтэтычнай канструкцыяй і асноўным зместам сказа. У. Караткевіч у сваіх мастацкіх тэкстах выступае наватарам у выкарыстанні парэнтэзы. Па-першае, аўтар часта “мяняе вектар” значнасці зместу асноўнага сказа і парэнтэзы, пры гэтым выкарыстоўвае катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі ў якасці злучальнага звяна сказа і ўстаўкі, па-другое, для пісьменніка характэрна ўзаемапрапінкненне катэгорый праспекцыі і рэтраспекцыі. Устаўкі, якія выконваюць рэтраспекцыйна-праспекцыйную функцыю ў мастацкім тэксце, максімальна дапаўняюць і пашыраюць асноўны тэкст, аб’ядноўваюць разныя тэмпаральныя пласты, што дазваляе чытачу найбольш поўна і дакладна зразумець сутнасць выкладзенай інфармацыі.

Відавочна, што парэнтэтычныя канструкцыі У. Караткевіча не толькі ўплываюць на рэалізацыю ўнутрытэкставых сувязей, але і выступаюць як важны складнік фарміравання індывідуальнага стылю пісьменніка.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Русский язык : энциклопедия / ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Дрофа, 2008. – 703 с.
2. **Пантелеева, Е. А.** Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке (на материале художественных и публицистических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Пантелеева. – Волгоград, 2005. – 20 с.
3. **Граф, Е.** Прагматика парентезы: “вторичный синтаксис” в языке (на примере русского языка) // XVI міжнародни конгрес слависта / Е. Граф. – Београд, 20–27. VIII. 2018 : тезе и резимеи : у 2 т. / главни и одговорни уредник Бошко Сувајдич. – Т. 1. – 373 с.
4. **Пацаранюк, Ю. М.** Парентетичні конструкції у реченнєвій структурі іронічних висловлень: їх ознаки та функції // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Ю. М. Пацаранюк. – Донецьк : ДонНУ, 2007. – Випуск 15. – 556 с.
5. **Сердюкова, Л. И.** Вводная предикативная конструкция как компонент объемного предложения Уильяма Фолкнера // Сборник научных трудов МГПИИЯ имени М. Тараса / Л. И. Сердюкова. – Москва, 1974. – Вып. 77. – С. 142–148.
6. **Русак, В. У.** Экспресіўны сінтаксіс праявічных твораў Янкі Сіпакова : дыс. ... канд. філ. навук : 10.02.01 / В. У. Русак. – Мінск, 2009. – 129 л.
7. **Шипова, И. А.** Прагматика элементов разговорной речи в художественном тексте (на материале немецкого языка) // Евразийский вестник гуманитарных исследований / И. А. Шипова. – Пермь : Автономная некоммерческая организация высшего образования “Пермский институт экономики и финансов”, 2014. – № 1(1). – С. 59–64.
8. **Сагирян, И. Г.** Парантеза в системе текстообразующих средств (на материале прозы М. Булгакова) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал / И. Г. Сагирян. – Владикавказ, 2011. – Вып. XIII. – С. 201–207.
9. **Элатик, А. А.** Структурно-семантические особенности вводных и вставных конструкций в прозе Б. Акунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики / А. А. Элатик. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 6(72) : в 3 ч. – Ч. 1. – С. 173–183.
10. **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 139 с.

Паступіў у рэдакцыю 24.01.2020 г.

Кантакты: julieta.92@mail.ru (Заблоцкая Юлія Станіславаўна)

Zablotskaya Y. RETROSPECTION AND PROSPECTION AS WAYS TO LINK THE CONTENT OF THE MAIN SENTENCE AND THE CONTENT OF PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS IN V. KOROTKEVICH'S LITERARY WORKS.

The article is devoted to the analysis of retrospective and prospective relationships between the main content of the sentence and parenthetical constructions in V. Korotkevich's literary works. Firstly, the information submitted as parenthetical stands out as a new autonomous unit within the

sentence because of the importance for understanding previous or subsequent information; secondly, this information is less significant in relation to the sentence as this part carries additional information, without obscuring the main content of the sentence; and, thirdly, it may be some writer's remark, "thoughts aloud" or just "working memos". It is concluded that parenthetical constructions can not only have retrospective, prospective, and retrospective-prospective connections, but also stop the sequence of events reflected in the main part of the text. The analysis allows to speak about the general features of the categories of retrospection and prospection in V. Korotkevich's works, as well as about the features of the writer's individual style.

Keywords: text, parenthesis, parenthetical constructions, introductory constructions, inserted constructions, writer's individual style, parenthesis sentences, retrospection, prospection.

УДК 821.161.3.09

**АСАБЛІВАСЦІ СТВАРЭННЯ СЭНСУ І СТРУКТУРЫ Ё
АЎТАБІЯГРАФІЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ БЕЛАРУСІ ХХ ст.
(на прыкладзе твораў Алены Васілевіч “Пачакай, затрымайся...”
і Івана Навуменкі “Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва”)**

А. В. Шарапава

старшы выкладчык

Беларуска-Расійскі ўніверсітэт (Магілёў, Беларусь)

У артыкуле разглядаюцца сэнсавыя і структурныя асаблівасці тэкстаў аўтабіяграфічнага характару на прыкладзе твораў беларускіх аўтараў Алены Васілевіч і Івана Навуменкі. Сцвярджаецца, што згаданыя творы, уваходзячы ў прастору дакументальна-мастацкай літаратуры і гісторыка-літаратурных традыцый, у літаратурна-мастацкім кантэксце ўзнаўляюць эпоху і асобу ў ёй. Творы Васілевіч і Навуменкі маюць агульныя вызначальныя прыкметы ў змястоўным і фармальным планах. Разам з тым кожны з тэкстаў мае і свае арыгінальныя асаблівасці, што тлумачыцца адметнасцямі аўтарскага стылю, а таксама часам іх стварэння.

Ключавыя словы: аўтабіяграфія, мастацкі змест, структура, аўтар канкрэтны і абстрактны, наратар, нарацыйныя планы.

Уводзіны

У беларускай прозе другой паловы ХХ ст. здзейснена адлюстраванне знакавых гістарычных падзей і постацей у аўтабіяграфічнай і дакументальнай форме мастацкіх твораў. Такая з’ява тлумачыцца не толькі кан’юнктурай, што ўлічвае цікавасць чытачоў да невядомых ці малавядомых фактаў найперш асабістага жыцця выбітных асоб, а і логікай развіцця літаратурнага працэсу, спецыфікай абранай аўтарамі мастацкай формы твораў з гістарычнай праблематыкай. Аўтабіяграфія, як ніякі іншы жанр, паказвае працэс фарміравання, самавыхавання асобы ў варунках лёсу. Гэтая асаблівасць спрыяе далучэнню мастацкага твора такой формы да грамадска-выхаваўчай прасторы, робячы яго вельмі важным у працэсе фарміравання чалавека і грамадзяніна. Апошняе з’яўляецца вельмі значным у кантэксце грамадскага функцыянавання літаратуры для дзяцей і юнацтва [1, с. 55].

Аўтабіяграфічныя творы Алены Васілевіч (нарадзілася ў 1922 г.) і Івана Навуменкі (нарадзіўся ў 1925 г.) абраны для даследавання па пэўных прычынах. Яны ахопліваюць практычна адзін і той жа перыяд ХХ ст. і даюць панараму складаных гістарычных падзей: ад першых гадоў пасля рэвалюцыі да Вялікай Айчыннай вайны ўключна. Гэтыя тэксты паказваюць, як маладыя людзі ў пошуку ўласнага жыццёвага шляху сутыкаюцца з падобнымі, нават аднолькавымі выпрабаваннямі, праблемамі, пытаннямі побытавага і экзістэнцыйнага характару.

У артыкуле вылучаюцца паказальныя структурна-сэнсавыя і жанравыя асаблівасці названых аўтабіяграфічных твораў, што асабліва выразна праяўляюцца пры адлюстраванні такіх спецыфічных элементаў аўтабіяграфічнай літаратуры, як: а) дзяцінства, падлеткавы ўзрост, юнацтва, б) прататыпная гістарычная аснова, а таксама выяўлены асаблівасці наватарскіх пошукаў аўтараў гэтых твораў у пракцыі на аўтабіяграфічны тэкст.

Прапанаваныя для аналізу творы дазваляюць, акрамя іншага, прасачыць пэўны этап развіцця мастацкай аўтабіяграфіі аповесцевай будовы ў айчыннай літаратуры другой паловы ХХ ст. (асобнае выданне тэтралогіі “Пачакай, затрымайся...” Васілевіч датуецца 1972 г., а трылогія “Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва” Навуменкі – 1997 г.).

Асноўная частка

У сучасных літаратуразнаўчых даследаваннях айчынных (В. Стральцова, Т. Тарасава, Н. Сівакова і інш.) і замежных (Г. Раманава, Н. Ніколіна, А. Пагодзіна, М. Медарыч, А. Златар і інш.) аўтараў усё часцей звяртаецца ўвага на праблему вылучэння аўтабіяграфіі ў асобны пражанры жанр, што адносіцца да такога міжродавага ўтварэння, як дакументальна-мастацкая (мемуарна-аўтабіяграфічная, мемуарыстычная) літаратура.

Названае ўтварэнне, вядомае яшчэ з антычных часоў, на працягу свайго доўгага развіцця сфарміравала разгалінаваную жанравую сістэму. Гэта аўтабіяграфія, споведзь, мемуары, дзённікі і іншыя жанравыя формы, межы паміж якімі дастаткова ўмоўныя і рухомыя. Уласна літаратурная аўтабіяграфія – гэта аб’ёмны пражанры твор, у якім аўтар рэтраспекцыйна адлюстроўвае падзеі ўласнага жыцця. *“Автобиография – это повествовательный текст с ретроспективной установкой, в котором реальная личность рассказывает о собственном бытии, и притом ударение ставит на свою личную жизнь, собственно историю становления своей личности”* [2, с. 7]. У аўтабіяграфічным жанры *“<...> автор теряет ценностную точку внеаходности героя”* [3, с. 273], г. зн. у гэтым жанры аўтар і апавядальнік тоесныя. Блізкасць названых камунікацыйных інстанцый надае тэксту суб’ектыўнасць, робіць яго лустрам канкрэтнай гістарычнай эпохі.

“Автобиографические произведения неоднородны. Развитие жанра, его взаимодействие с воспоминаниями и мемуарами, наконец, проникновение этой жанровой формы в художественную литературу привели к возникновению разветвленной внутрижанровой системы, в которую входят: 1) собственно автобиографии <...>; 2) автобиографические тексты, включающие одновременно развернутые воспоминания о прошлом, связанных с ним реалиях, лицах и т. п.; 3) автобиографии и воспоминания, тяготеющие к беллетризованной форме <...>; 4) художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора (см., например, повесть С.Т. Аксакова “Детские годы Багрова-внука”, роман И.А. Бунина “Жизнь Арсеньева”, тетралогия Б.А. Зайцева “Путешествие Глеба” и др.)” [4, с. 12]. У кантэксце чацвёртай групы аўтабіяграфічных твораў паказальнымі ў беларускай літаратуры з’яўляюцца “Камароўская хроніка” Максіма Гарэцкага, “У дрымучых лясах” Змітрака Бядулі, “Шлях з цемры” Янкі Маўра, “Муштук і папка” Янкі Брыля і інш. Сюды ж неабходна аднесці таксама чатыры апавесці Алёны Васілевіч, аб’яднаныя пад агульнай назвай “Пачакай, затрымайся...”, і тры апавесці Івана Навуменкі “Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва”.

Для аўтабіяграфічных твораў характэрна наяўнасць двух часавых планаў: першасны план (як правіла, ён звядзены да мінімуму) сучасны таму апавядальніку, які непасрэдна стварае тэкст; другасны план (галоўны) максімальна выяўлены, гэта план мінулага, пра які вядзецца апавед. Менавіта наяўнасць двух нарацыйных фокусаў і з’яўляецца сэнса- і формаўтваральным цэнтрам аўтабіяграфічнага твора. Згаданыя нарацыйныя планы дазваляюць ствараць у тэксце дыялог паміж апавядальнікамі розных узроўняў, што набліжаецца да своеасаблівага ўнутранага дыялогу ў свядомасці абстрактнага аўтара: *“Кожны раз, калі я азіраюся ў тую, цяпер ужо даўнюю далачынь, кожны раз я пытаю ў сябе: “Няўжо гэта там, за тым засмужаным ружовым туманам ранкам, жывой галінкай зелянееш ты сама? <...>.”*

І цяпер, калі між намі лягла такая неабсяжная прастора часу і ўзросту, калі лягло столькі камення на той дарозе, якая нас развяла і раз’яднала, я пытаюся, дзівячыся і спадзеючыся:

– *Тая даўняя з таго далёку ТЫ – гэта Я? І Я цяперашняя – гэта ТЫ таксама?*

І я заву цябе са смуткам і надзеяй адтуль, з тае рانیцы:

– *Пачакай, затрымайся...”* [5, с. 3].

Блізкасць аўтара з апавядальнікам праяўляецца ў паказальнай інфармаванасці пра падзеі, дакладным паказам унутранага жыцця і перажыванняў галоўнага героя: “У хаце трое хлопцаў, ядуць на поўную ічку так, што дзвюх, часам нават трох буханак хлеба не хапае. Зарплату між тым прыносіць адзін бацька. Зарплата старшага стрэлачніка вядомая – сто дваццаць іхсць рублёў. Ну, прырабатвае з паўсотню бацька, часам прагрэсёўку палучыць. Маці бялізну старым жанчынам мые. Вася за лета сотні паўтары заробіць. Але гэта дробязі. Грошай у асноўным хапае толькі на хлеб” [6, с. 245–246]. Якраз у гэтым, адным з многіх, эпізодзе адлюстраваны канкрэтныя факты з біяграфіі пісьменніка Навуменкі, пацверджаныя дакументамі, яго і сваякоў успамінамі.

Аўтабіяграфічныя творы з’яўляюцца аб’ектыўнай крыніцай звестак пра пэўны час і прастору, бо ў іх узнаўляецца побыт, карціны працы і святаў, гістарычныя аспекты, маўленчыя асаблівасці: “Мая мясцовасць – Прыдняпроўска-Прыпяцкае Палессе з гарадамі Рэчыца, Мазыр, Пінск, Брэст, у акупацыю была далучана да Украіны. Для насельніцтва гэта не мела ніякага значэння. Вёскі немцы палілі гэтак жа, як і ва ўсіх другіх мясцінах, дзе былі партызаны, вывозілі моладзь на работу ў Германію. Тут, у Роўне, сядзеў гаўляйтар Украіны Эрых Кох, а ў ровенскім банку выпускаліся ўкраінскія карбованцы. На карбованцах усе надпісы былі зроблены па-нямецку і толькі на другой палавіне банкноты, маленькімі літаркамі, – па-ўкраінску” [6, с. 478–479]. “Можна, паглядзімо [тут і далей падкрэслена намі. – А.Ш.] на іх, ды мы і самі будзем ставіць...” [5, с. 68], “От любата вам, дзяўкі, на печы! – гукнула на печ цётка Фядора, расціпільваючы здубяненымі пальцамі паўшубак” [5, с. 309], “Не ўтаўкуса ніяк адна з гэтай сваёю плоймаю. Не накармлюса ніяк” [5, с. 310].

Часава-прасторавая, а таксама ацэначная маркіраванасць выразна праяўляецца нават у назвах аўтабіяграфічных тэкстаў. Напрыклад, значэнне часу ўвасабляе назва таго ці іншага адрэзку жыцця: “Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва” (Навуменка); семантычны кампанент ацэнкі праяўляецца як у агульнай назве тэтралогіі, так і ў назвах трох першых яе частак “Расці, Ганька”, “Доля знойдзе цябе”, “Новы свет” (Васілевіч). Цікава, што і падзаглавак твора “Пачакай, затрымайся...” Васілевіч – “Крыху выдуманая апавяданне” – таксама ўтрымлівае пэўную аўтарскую ацэнку жанравай формы. Дарэчы, элемент прасторы, дзе ўтрымліваецца канцэпцыйны вобраз “шляху жыцця”, можна ўбачыць у назве аповесці Янкі Маўра “Шлях з цемры”; прасторавая пазіцыя апавядальніка адлюстравана і ў загаловку твора Змітрака Бядулі “У дрымучых лясах”.

Любая аўтабіяграфія з’яўляецца даведачным матэрыялам пра жыццё пэўнага героя тэксту. Таму абавязковымі элементамі такіх твораў будуць наступныя паняцці: нараджэнне, сям’я персанажа, занятак бацькоў, вучоба, захапленні, сталенне, працяг адукацыі і г. д.: “Так, ёсць на свеце і непрыемнасці, але Вася на іх не зважае. Не надта добра жыюць між сабой дзед Піліп і Васеў бацька. Дзед гневаецца на сына за тое, што не захацеў жыць на хутары, кінуўся на чыгунку. <...> Але бацьку, відаць, больш, чым хутар і зямля, вабіла чыгунка. Затое папаездзіў бацька на свеце” [6, с. 15].

Аўтабіяграфічныя творы вызначаюцца маркіраванасцю тэксту словамі са значэннем “памяць”, “ўспамін”, “мінулае”. Цікава, што часам успамін не з’яўляецца паслядоўным. Чалавечая свядомасць з ранняга дзяцінства ўзгадвае самае яркае і выразнае: “З якога часу Вася сябе памятае. <...> Яму здаецца, ён не нараджаўся, а быў на свеце заўсёды” [6, с. 11]. “З паасобных пробліскаў памяці, якія ўспыхваюць, нібы маланкі ў цемені начы, вымалёўваецца карціна ранейшага Васевага жыцця” [6, с. 13].

Важнае значэнне ў аўтабіяграфічных творах набывае ацэначна-рэфлексійны кампанент, у якім спалучаюцца планы апавядальнікаў абодвух узроўняў. Падобныя элементы ў тэксце насычаны словамі, якія характарызуюць эмацыйны стан, інтэлектуальныя здольнасці, эмпатійныя якасці не толькі галоўнага героя, а таксама і іншых персанажаў

тэксту: *“Васілю робіцца горка. Ён лічыў, што добра ўладкаваўся: жыве ў бацькавай хаце, мае няхай невялікі заробак і вучыцца ў школе. Але ў параўнанні з Алесяй ён лайдак і няздара. Прыгожае, шустрае дзеўчанё не пабаялася адарвацца ад бацькавай хаты, паехала ў неведомую даль і яшчэ ў тэхнікум уладкавалася”* [6, с. 372]. У падобным кантэксце вельмі паказальныя старонкі, што адлюстроўваюць трагедыю Ганькі Гурновіч – смерць маці. Дзяўчынка заўсёды адчувае яе прысутнасць. Напрыклад, яна наведвае могількі і, нібы з жывой, гаворыць з маці: *“А я ўжо ў школу пайду заўтра, – кажа яна маці, прыбіраючы яе магільку кветкамі. – Я ўжо і торбачку склала сваю, і сукенку, і хустку падрыхтавала”* [5, с. 116]. Хоць маці маўчыць, але Ганька добра ведае, што сказала б ёй матуля, і чытачы нібы чуюць тыя словы (так наратар мадэлюе гэты дыялог): *“Глядзі ж, дачушка, старайся, добра вучыся. Не лянуйся, глядзі. Настаўніка слухайся і з дзецьмі сябруй”* [5, с. 116]. Часам здаецца ёй, што *“маці ідзе ўслед за Ганькай лёгкай нячутным крокам. І Ганьцы зноў жыць добра і лёгка”* [5, с. 197].

У абраных для аналізу аўтабіяграфічных творах ключавое значэнне набываюць граматычныя формы цяперашняга часу, якія выцяснюць формы прошлага часу. Мінулае нібыта ствараецца на вачах у рэцыпіента, а апавядальнік пры гэтым перажывае яго яшчэ раз і таму здольны найбольш дакладна ўзнавіць эмацыйны фон свайго дзяцінства і маладосці. Можна параўнаць: *“Ганька з кожным днём адчувае, як жыццё яе, нібыта тая лодка, што выбілася з твані на вольную ваду, шыбуе па гэтай лёгкай вадзе наперад”* [5, с. 219]. *“Школьная навука ідзе звычайна, размерана, і тут Вася не падкачае. Яму лёгка, добра вучыцца”* [6, с. 226]. *“Кіно Васю захапляе. Трохі мени, чым птушкі, кнігі, але захапляе”* [6, с. 229].

Тыпы апаведу ў аўтабіяграфічных тэкстах выкарыстоўваюцца дастаткова стандартныя – ад 1-й асобы і ад 3-й асобы. Паказальна, што творы, абраныя для аналізу, выкарыстоўваюць абодва варыянты нарацыі: і ад 1-й асобы, і ад 3-й. Апавесці тэатралогіі А. Васілевіч напісаны ў рознай манеры: першыя дзве ад імя імпліцытнага апавядальніка, а дзве апошнія ад “Я” самой Ганькі. Першыя дзве апавесці І. Навуменкі напісаны ад 3-й асобы, а апошняя – ад 1-й. Ствараецца ўражанне, што пакуль яшчэ персанажы маленькія, то пісьменнікі “баяцца” даць ім самастойнасць. Апавядальнік нібыта апрачае маску дзіцяці, і праз гэта апаведу надаецца свежасць дзіцячага светаўспрымання: *“На стол кладзецца лыжка, якой ніхто не карыстаецца. Рэшткі яды, міскі, талеркі так і застаюцца на стале. Ноччу пасядуць за стол дзяды...”*

Дзіўна яны ядуць: усё на стале як было, так і засталася. Але дзядоў усё адно “кормяць”. Інакш яны засярдуюць і могуць наклікаць бяду” [6, с. 29].

Або: *“Ганьцы на печы гэтыя Салаўкі і Мурманск уяўляюцца не інакш як нейкай замарожанай снежнай пустыняй, з якой, калі чалавек трапіў туды, жывым ужасам ніколі не выйдзе. Няма сонца, няма свету, няма зямлі пад нагамі. (Калі няма жыта, значыць, няма і зямлі.) Кругом толькі ледзяная ноч...”* [5, с. 146].

Пры гэтым апавед ад 3-й асобы напоўнены дакладнымі імёнамі, падзеямі і фактамі, а таксама ў ім, у лірычных адступленнях, сустракаюцца пераходы да 1-й асобы: *“... У вас яна таксама ёсць – гэта чароўная краіна з нетутэйшай назвай – Ідылія. Праўда, у вас яна свая. У мяне свая.*

Хочаце ведаць, дзе яна знаходзіцца?

З гэтым, праўда, крыху цяжэй. Справа ў тым, што дзівакі, якія складаюць геаграфічныя карты, чамусьці заўсёды забываюць маю Ідылію нанесці на карту.

Але нічога. Я раскажу вам пра яе без карты” [5, с. 6]. Дадзены прыклад адлюстроўвае яшчэ адну спецыфічную асаблівасць аўтабіяграфічнага жанру – прамы зварот да імпліцытнага наратара апаведу.

Заклучэнне

Такім чынам, аналіз аўтабіяграфічных твораў А. Васілевіч і І. Навуменкі дазваляе прыйсці да наступных высноў.

1. Дакументальныя, біяграфічныя і аўтабіяграфічныя творы маюць даўнія літаратурна-гістарычныя традыцыі, з'яўляюцца своеасаблівым люстэркам эпохі. Акрамя дакладнасці ўзнаўлення разнастайных падзей эпохі, такія творы звяртаюцца найперш да адлюстравання розных праяў духоўнага фарміравання і сталення асобы, што робіць іх актуальнымі ў кантэксце выхавання маладога пакалення.

2. Аўтабіяграфічныя творы маюць наступныя агульныя вызначальныя прыкметы: у змястоўным плане – насычанасць семантычнымі элементамі са значэннем “памяць”, “час”, “шлях”; увага да пэўных перыядаў жыцця дзіцяці; у фармальным плане – варыяцыі ў выражэнні формы асобы апавядальніка; выкарыстанне розных формаў часу з перавагай цяперашняга; лірызм і суб'ектыўзм аповеду.

3. Аўтабіяграфічны твор Алены Васілевіч, а таксама творы Янкі Маўра, Змітрака Бядулі і інш. падрыхтавалі глебу для развіцця падобнага жанру ў айчыннай літаратуры, вызначыўшы найбольш традыцыйныя яго прыкметы.

4. І. Навуменка па-наватарску ўзбагаціў дакументальна-аўтабіяграфічны жанр. Письменнік імкнуўся да аб'ектывацыі аповеду, пазбягаючы часавых лакун; ён ствараў аповед, арыентуючыся на логіку гістарычных падзей, а не на плынь уласнай свядомасці. Выкарыстоўваючы лірычны па сваёй сутнасці жанр аповесці, І. Навуменка здолеў стварыць маштабнае палатно эпохі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Шарапава, А. В.** Вывучэнне творчасці Алены Васілевіч у кантэксце вучэбнай дысцыпліны “Сусветная і айчынная дзіцячая літаратура”: тэарэтычна-жанравы аспект / А. В. Шарапава // Куляшоўскія чытанні : мат.-лы Міжнар. навук.-практ. канф., 21 красавіка 2016 г. / пад агул. рэд. С. Э. Сумава. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2016. – С. 53–59.
2. **Медарич, М.** Автобиография / автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация : сб. статей ; под. ред. А. Б. Муратова, Л. А. Иезуитовой. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 5–32.
3. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
4. **Николина, Н. А.** Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 424 с.
5. **Васілевіч, А.** Пачакай, затрымайся... : Аповесці / А. Васілевіч. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 526 с.
6. **Навуменка, І. Я.** Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва / І. Я. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 622 с.

Паступіў у рэдакцыю 11.06.2020 г.

Кантакты: elenasharapova@tut.by (Шарапава Алена Васільеўна)

Sharapava A. CHARACTERISTICS OF CREATING SENSE AND STRUCTURE IN THE AUTOBIOGRAPHICAL LITERATURE IN BELARUS OF THE 20th CENTURY (on the basis of the autobiographical works by Alena Vasilevich “Wait, Stay and ...” and Ivan Navumenka “Childhood. Teenager. Youth”).

The article deals with semantic and structural features of autobiographical texts with reference to the works by the Belarusian authors Alena Vasilevich and Ivan Navumenka. It is stated that the mentioned works, entering the context of documentary fiction and historical and literary traditions, recreate the time period and the personality in fictional situations. The works by Vasilevich and Navumenka have common determining features in terms of the content and the form. However, each of the texts has its own characteristic features, which is explained by the peculiarities of the author's style and the time period the works were written.

Keywords: autobiography, content, structure, real and implied author, narrator, narrative plans.

УДК 811.581'373. 423 (045)

ОМОНИМИЯ КЛЮЧЕВЫХ КИТАЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РАЗНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

Чэнь Тин

аспирант

Минский государственный лингвистический университет

Рассматриваются причины и виды омонимии в китайском языке. Анализируются количественные и качественные показатели омонимических рядов ключевых (т. е., однослоговых, исконных, наиболее частотных и коммуникативно значимых) китайских существительных. Обосновывается необходимость уделять специальное внимание омонимии в преподавании китайского языка как иностранного

Ключевые слова: китайский язык, омоним, омограф, омофон, омонимический ряд, слог, тон.

Введение

Омонимия – звуковое и графическое (если в языке есть письменность) совпадение различных по значению языковых единиц, прежде всего, слов, является универсалией, обусловленной асимметрией языкового знака. Однако ее виды, степень и причины распространённости могут быть различными в разных языках. Так, наряду с фонологическими изменениями и другими факторами, способствующими омонимии, основной причиной 4780 слов-омонимов в английском языке является формальное совпадение этимологически разных заимствованных слов [1, с. 143, 150]. Главными же причинами омонимии в китайском языке, на протяжении всей своей истории осторожно относившемся к заимствованиям, являются особенности внутреннего развития самого языка (исторические фонологические и словообразовательные процессы, распад полисемии, сокращения слов, внутриязыковые заимствования).

Хотя омонимия, в отличие от полисемии, является в значительной степени случайным языковым явлением, нельзя исключать, однако, учитывая преимущественно внутриязыковые причины омонимии в данном языке, что семантически разные группы лексики китайского языка могут быть склонны допускать омонимические пары и ряды в разной степени. Данное предположение стало рабочей гипотезой исследования.

Основная часть

Прежде чем перейти к обсуждению полученных в работе результатов, необходимо рассмотреть основные виды омонимии в китайском языке, которые, как и в любом другом, могут иметь отличительные черты.

Совпадение и звуковой, и графической (иероглифической) форм двух и более слов при отсутствии семантической общности между ними, т. е. **омонимия**, согласно “Словарю современного китайского языка” (现代汉语词典) [2] наблюдается среди **4901** однослогового слова¹, которые образуют **348** омонимичных пар и рядов. То есть 15,2% однослоговых знаменательных слов в этом словаре являются полными омонимами [2, с. 16], например: ¹花 [huā] ‘цветок’ и ²花 [huā] ‘тратить’ [3, с. 8].

В каждом языке, имеющем письменность, встречаются разновидности омонимов – **омографы**, совершенно разные по значению и прочтению слова, но одинаковые

¹ Среди многослоговых слов омонимия встречается крайне редко.

по написанию. Хотя обычно омографы обычно рассматриваются как разновидности омонимов, они таковыми не являются, поскольку не имеют одинакового звучания. Они, скорее, смежное с омонимией явление [3], лишь одинаковая письменная форма для разных по семантике и произношению слов. В современном китайском языке около **9,6%** омографических иероглифов, имеющих более одного прочтения [4]: ¹乐 [lè] ‘радость, веселье’; ²乐 [yuè] ‘музыка’; ³乐 [yào] ‘любить (что-либо), наслаждаться’.

Некоторые омографы, возникшие в результате особых словообразовательных процессов в китайском языке в совокупности с фонетической дивергенцией формы слова, находятся на периферии группы омографов. Так, в изолирующем языке корень слова может брать на себя функции аффиксов, поэтому в китайском языке, преимущественно изолирующем, многие корни функционируют как аффиксы, полуаффиксы или аффиксоиды. Часть этих аффиксальных единиц приобрели при этом также несколько отличное фонетическое оформление, в частности, стали *нейтральными по тону*, но продолжают обозначаться теми же иероглифами, что и корни. Учитывая сложность разграничения в китайском языке корня и аффикса, а также их одинаковое с корнями написание, их можно рассматривать как особую разновидность омографов. Примером таких периферийных, нетипичных, частичных омографов может служить ¹头 [tóu] – корневое слово ‘голова’ и ²头 [tóu] – суффикс, подчеркивающий субстантивность значения слова, сохраняющий в значительной степени свое корневое значение и иероглифическое написание, но произносящийся, в отличие от исходного корня, со слабой редукцией второго тона: 石头 [shítou] ‘камень’; 眉头 [méitóu] ‘бровь’; 前头 [qiántou] ‘перед’.

Большинство одинаково звучащих слов в китайском языке на письме дифференцированы, что привело к широкому распространению в нем такого специализированного вида омонимии, как **омофония** (谐音), или фонетическая омонимия, – совпадение фонетических форм разных слов при разном их написании. Существует мнение, что китайский язык является одним из самых омофоничных языков в мире [5].

Действительно, хотя омофония – это обычное явление для всех языков, для китайского языка она особенно характерна. Так, согласно данным Ван Жуна (汪溶), который провел исследование на основе двуязычного “Русско-китайского словаря” (俄华字典) (объем 26000 слов), в русском языке насчитывается **281 омофонический ряд**, включающих **584 слова**. Согласно данным китайского лингвиста Лю Цзэсяня (刘泽先), в английском языке имеет место **1131 омофонический ряд**, включающий **2539 слов**. В китайском же языке насчитывается **2342 омофонических ряда**, охватывающих **5249 слов**, как показывают результаты японского исследователя Мотидзуки Кэйко (望月圭子), которая провела исследование на основе “Китайского словаря пиньинь” (汉语拼音词汇) (объем 45200 слов) [6].

Эти исследования проводились разными авторами и на основе словарей, составленных по разным принципам, тем не менее можно сделать вывод о том, что количество омофонов в китайском языке почти в два раза больше, чем в английском, и почти в десять раз больше, чем в русском языке.

Такая высокая степень омофонии в китайском языке объясняется в первую очередь **большим количеством в нем однослоговых слов** (монослогов¹) **при общем ограниченном количестве слогов** в языке в целом.

Так, в “Словаре современного китайского языка” (现代汉语词典) [7] содержится **10 863** однослоговых слов (включая аффиксы), но всего только **419** слогов, записанных латиницей. С учетом тоновых различий можно говорить о **1342²** тонированных слогах, или синлаблах, в китайском языке. Таким образом, на **каждое однослоговое слово** в

¹ Сложность разделения слова и слога в китайском языке в значительной степени определяется китайской письменностью, имеющей примерно 5-тысячелетнюю историю. Иероглиф обладает смысловым единством и может обозначать и слог, и слово, и даже предложение.

² Количественные данные в разных научных работах могут несколько различаться.

данном словаре приходится **25,93** одинаково звучащих монослога, записанных латиницей без учета тона ($10\ 863 \div 419 \approx 25.93$); с учетом же тоновых различий на один монослог приходится **8,09** одинаково звучащих монослога ($10\ 863 \div 1\ 342 \approx 8.09$), что является высоким показателем омофонии в китайском языке.

Вместе с тем, учитывая разные подходы к пониманию самой омонимии разными авторами, остается неясным вопрос, всегда ли различают исследователи и лексикографы полную омонимию, омографию и омофонию, что является сложным вопросом, учитывая особый вид китайской письменности и устройство слога.

Слог в китайском языке состоит из **инициали**, **финали** и **тона** – мелодического изменения высоты гласного звука, выполняющего смысловоразличительную функцию. Слог обозначается обычно отдельным иероглифом.

Каждый компонент слога, в том числе и тон, может влиять на его произношение и обуславливать использование особого иероглифа. В европейских языках индо-европейской семьи таких тонов нет, поэтому их нет и в их фонетических системах записи слов. Но если тоны не учитывать в китайском языке, в нем резко и необоснованно возрастет количество омографов и омофонов. Дай Цзяньтао (代建桃) подсчитал, что без учета тонов слог [yí] будет соотноситься с 177 иероглифами, [jī] – 149, [yū] – 145 и т. д. [3, с. 11]. Еще гораздо сложнее ситуация с разными видами омонимии станет в другом виде письменности – пиньинь, латинской записи звуков официального китайского языка путунхуа, ориентированного, как в европейских языках, на звуковой состав слова, т. е., произнесение инициалей и финалей. Именно поэтому современное латинизированное китайское фонетическое письмо пиньинь особенно последовательно учитывает тон слога.

Рассмотрим омонимию в китайских ключевых (т. е., исконных, частотных, коммуникативно значимых, морфологически и деривационно простых) существительных разных семантических групп. Ими стали в нашем материале 24 слова, именующие понятия 12 семантических групп: объекты природы, человек, животное, части тела, растение, вещество / еда, артефакты, эмоциональное состояние, пространство, время, отношения, абстрактные понятия (по 2 слова в каждой группе): 石 [shí] ‘камень’, 星 [xīng] ‘звезда’, 头 [tóu] ‘голова’, 手 [shǒu] ‘рука’, 水 [shuǐ] ‘вода’, 地 [dì] ‘земля’, 奶 [nǎi] ‘молоко’, 蜜 [mì] ‘мед’, 男 [nán] ‘мужчина’, 女 [nǚ] ‘женщина’, 狗 [gǒu] ‘собака’, 马 [mǎ] ‘лошадь’, 树 [shù] ‘дерево’, 草 [cǎo] ‘трава’, 边 [biān] ‘сторона, бок’, 顶 [dǐng] ‘вершина’, 智 [zhì] ‘разум’, 罪 [zuì] ‘грех’, 日 [rì] ‘день’, 年 [nián] ‘год’, 饿 [è] ‘голод’, 怕 [pà] ‘страх’, 家 [jiā] ‘дом, жилище’, 田 [tián] ‘поле’. Источником информации об омонимии среди выбранных для анализа слов стал толковый “Словарь современного китайского языка” (现代汉语词典).

Согласно данным используемого нами словаря среди анализируемых слов имеют место **3 полных омонима**: (12,5 %): ¹草 [cǎo] ‘трава’ – ²草 [cǎo] а. ‘грубый, небрежный’; б. ‘скорописное начертание иероглифов; скорописный стиль цаошу’; с. ‘черновик, набросок’; ¹田 [tián] ‘поле’ – ²田 [tián] ‘охотиться’; ¹男 [nán] ‘мужчина’ – ²男 [nán] ‘нань (пятый, младший титул знати при маньчжурах, соответствующий баронскому титулу)’ (хотя, с нашей точки зрения, в некоторых случаях определенная семантическая общность между словами все-таки наблюдается).

Среди анализируемых нами 24 китайских ключевых слов оказалось **5 омографов**, входящих в свои омографические пары и ряды (включая прототипические и периферийные омографы) (**20,8%**): ¹石 [shí] ‘камень’ – ²石 [dàn] а. ‘мера объема, равная 10 斗, или около 103,54 л’; б. ‘мера веса, равная 120 斤, или около 71,6 кг’; с. ‘единица исчисления оклада чиновника, размера его кормления, около 0,35 斗 риса’; ¹头 [tóu] ‘голо-

ва' – ²头 [tōu] 'суффикс имен существительных'; ¹地 [dì] 'земля' – ²地 [de] 'суффикс локатива'; ¹边 [biān] 'сторона, бок' – ²边 [bian] 'суффикс существительного положения'; ¹家 [jiā] 'дом, жилище' – ²家 [jia] 'суффикс собирательности (только о людях)' – ³家 [jie] 'суффикс наречий'.

Количество же **омофонов** – семантически разных слов, имеющих одинаковое произношение, но разное написание, оказалось весьма большим.

Если учитывать только инициалы и финалы, то важно отметить, что *все* анализируемые слова образуют **омофонические ряды**. В их число могут входить *псевдо-*, или **частичные омофоны**, в которых не учтены разные тоны. Количественный состав таких омофонических рядов, или групп, для каждого анализируемого ключевого слова оказывается различным: от **1** (для слова [rì] 日 'день') до **106** (для слова [zhì] 智 'разум').

Истинные (полные) омофоны, в которых слоги полностью совпадают (и тоны, и инициалы, и финалы) при разном их написании, также достаточно распространены и многочисленны. В нашем материале только одно слово [shuǐ] 水 'вода' не имеет истинного, полного омофона, остальные 23 слова, что составляет 95, 8 % всего материала, ими обладают, причем их количество у одного слова достигает **52** (слово [zhì] 智 'разум, ум').

Следует также учесть, что каждый омофон в омогруппе может быть многозначным, и значения могут быть весьма отдалены один от другого, указывать на разные точки зрения носителя европейских языков семантически не связанные понятия. В целом вопрос об основании внутрисловной связи полисемантического китайского слова и лексической многозначности в китайском языке еще требует специальных исследований.

Рассмотрим подробнее явление омофонии в ключевых китайских словах.

Так, слово [shí] 石 'камень' имеет в своем омофоническом ряду 86 частичных омофонов – семантически разных лексем, обозначенных разными иероглифами, но имеющих одинаковые инициалы и финалы без учета тоновых характеристик слога.

Данные омофоны подразделяются на 5 разных по объему групп омофонов с учетом 4 главных и одного нейтрального тонов в китайском языке (в пиньинь он обозначается значком над слогаобразующим гласным).

В одной из таких групп все слова являются полными омофонами для слова [shí] 石 'камень', в остальных группах – частичными, поскольку отличаются от него тонами.

Таким образом, слово [shí] 石 'камень' имеет:

18 полных омофонов [shí]:

I. *сущ.* 1. ассорти (什); 2. время (时); 3. сельдь-гильза (рыба) (鲑); 4. укроп (蒔);

II. *гл.* 1. знать (识); 2. поднять; подобрать (¹拾); 3. есть, кушать; сосать материнское молоко; (рит.) принимать жертву в храме (食); 4. пожирать (о животном) (蚀);

III. *прил.* полный, крепкий, плотный; зрелый, спелый; сильный, мощный; состоятельный, богатый; реальный, действительный; искренний, чистосердечный (实);

IV. *числ.* 1. десять (十); 2. десять (прописью, писать с большой буквы, вм. 土) (²拾).

Остальные 7 омофонов [shí] являются морфемами и входят в состав сложных слов, обозначающих: 1. перекресток; используется в японских именах (辻); 2. толстостенный фарфор (炆); 3. киот с табличкой обожествленного предка (柘); 4. насест; клеть (загородь) для кур (埽); 5. прозрачный, чистый (о воде) (澌); 6. истинный, реальный (寔); 7. крупная мышь; белка-летяга; медведка (насекомое) (鼯).

Почти три четверти омофонов слова [shí] 石 'камень' (**68** из 86) являются **частичными**, т. е., близкими с этим словом по инициалам и финалам, но разными по тону. Из них:

18 омофонов [shī]:

I. *суц.* 1. армия (²师); 2. стих (诗); 3. вошь (虱); 4. карпоед, карповая вошь (𩺰); 5. тысячелистник (蓍); 6. лев (狮); 7. желтоперка (рыба) (鰟); 8. поползень (птица) (鴞);

II. *гл.* 1. потерять (失); 2. применять, прибегать к ч.-л.; пользоваться ч.-л. (施);

III. *прил.* мокрый (湿);

IV. *межд.* Тсс! (嘘).

Остальные 8 омофонов [shī] являются морфемами и входят в состав сложных слов, обозначающих: 1. учитель, преподаватель (¹师); 2. кукушка (𪇑); 3. труп, падаль, прах (尸); 4. грубая шелковая ткань (絶); 5. река в пров. Хэнань, приток Хуайхэ (洑); 6. дурнишник (раст.) (施); 7. разливать, наливать (вино) (¹醺); 8. драгировать водные пути (²醺).

40 омофонов [shì]:

I. *суц.* 1. рынок (市); 2. дело; событие, случай; работа, занятие (事); 3. хурма (柿); 4. комната; спальная; камера; палата, зал; кабинет; бюро; отдел; дом (室); 5. церий (металл, Се) (铈);

II. *гл.* 1. пробовать, пытаться (试); 2. да (³是); 3. клятва; присяга; торжественное обещание; поклясться (кому-л., в чем-л.); присягнуть (перед кем-л.) (誓);

III. *прил./нареч.* верный, правильный, истинный; верно, правильно (¹是);

IV. *мест.* этот; такой (²是);

V. *служ.* 1. ставится после прилагательного в конструкциях сравнения для указания на усиление степени качества; 2. вводит дополнение адресата действия (часто в посвящении произведения) (似).

Остальные 29 омофонов [shì] являются морфемами и входят в состав сложных слов, обозначающих следующие понятия: 1. ученый; образованный [интеллигентный] человек; унтер-офицер; сержант (士); 2. род, фамилия (氏); 3. указание, директива; объявление, извещение, уведомление (示); 4. поколение; предки; мир (世); 5. служба (仕); 6. образец (式); 7. сила, влияние; могущество, власть (势); 8. ассистент (侍); 9. украшение (饰); 10. смотреть; рассматривать; наблюдать; вглядываться; видеть (视); 11. стирать; протирать, вытирать; чистить (拭); 12. давать взаймы (напрокат, внаем); брать (покупать) в долг (в кредит); занимать; прощать; извинять; отпускать (贳); 13. используется в именах (是); 14. соответствовать; подходить; быть подходящим (适); 15. опора, поддержка (часто о матери) (恃); 16. сажать; пересаживать (рассаду) (蒔); 17. передняя стенка-барьер (轼); 18. астроябля, гадательный диск (栻); 19. лизать, вылизывать; облизывать; пробовать (на вкус) (舐); 20. убивать (только высшего или старшего, напр. отца, государя) (弑); 21. объяснение, толкование (释); 22. кусаться, вцепляться зубами, вгрызаться (噬); 23. посмертное почетное имя, посмертный титул (谥); 24. любить на вкус; любить (что-л.); иметь склонность (пристрастие) к (чему-л.), пристраститься к (чему-л.); в сложных словах (первым элементом), соответствует суффиксам -фил, -фильный в русском языке (嗜); 25. уходить, проходить; проноситься, удаляться; миновать, быстро течь (о времени) (逝); 26. гадательная бирка (из бамбука, стебля тысячелистника), гадательный, для гадания (筮); 27. плащ; дождевик (褌); 28. жало; яд, отравка, вред (螫); 29. насыпь (на берегу реки) (淤).

8 омофонов [shǐ]:

I. *суц.* испражнения, экскременты; навоз; помет; выделения (屎);

II. *гл.* 1. посылать, командировать; использовать, применять; отправляться с миссией (в качестве посла) (使); 2. мчаться, скакать; циркулировать, обращаться (о средстве транспорта); гнать, подгонять (驶).

Остальные 5 омофонов [shǐ] являются морфемами и входят в состав сложных слов, обозначающих такие понятия, как: 1. история (史); 2. стрела (矢); 3. свинья (豕); 4. начало, исток (始); 5. древняя форма китайского иероглифа 史 'история' (𠂇).

2 омофона [shi], которые являются составными морфемами сложных слов: 1. ключ (匙); 2. кость (殖).

В среднем на каждое из анализируемых китайских слов приходится **29,08 частичных омофона** (совпадают инициалы и финалы) и с учетом их подразделения на группы – **9,9 полных омофона** (совпадают инициалы, финалы и тоны). Это больше, чем приведенные ранее средние данные об омофонии в китайском языке в целом (25,9 и 8,09 соответственно).

Интересно отметить, что в каждой группе омофонов с одинаковым тоном, как видно из приведенных примеров, происходит дальнейшее подразделение с учетом их частеречной принадлежности, хотя вопрос о частях речи в китайском языке не имеет однозначного решения, в значительной степени он решается на основе анализа семантики и функционирования слова в речи.

Таким образом, омонимия в китайском языке не является бесконечной и неорганизованной, а достаточно ограниченной ее количественными и видовыми параметрами и относительно структурированной.

Словами с **максимальным количеством омофонов**, требующими особого внимания при изучении китайского языка и переводе, в нашем материале являются:

– полные омофоны (совпадение инициалей, финалей и тона): [zhì] 智 ‘разум’ (52), [è] 饿 ‘голод’ (27), [jiā] 家 ‘дом, жилище’ (22), [dì] 地 ‘земля’ (20);

– частичные омофоны (совпадение инициалей и финалей): [zhì] 智 ‘разум’ (106) (включает 22 [zhī], 15 [zhí], 17 [zhǐ], 52 [zhì]), [shí] 石 ‘камень’ (86) (включает 2 [shì], 18 [shǐ], 18 [shí], 8 [shǐ], 40 [shì]), [dì] 地 ‘земля’ (56) (включает 9 [dī], 17 [dí], 10 [dǐ], 20 [dì]), [shù] 树 ‘дерево’ (50) (включает 20 [shū], 5 [shú], 10 [shǔ], 15 [shù]).

Минимальное количество омофонов в омофоническом ряду среди анализируемых ключевых слов имеют следующие однослоговые слова:

– полные омофоны (совпадение инициалей, финалей и тона): [shuǐ] 水 ‘вода’ (0), [rì] 日 ‘день’ (1)¹, [cǎo] 草 ‘трава’ (1), [pà] 怕 ‘страх’ (2), [dǐng] 顶 ‘вершина’ (2), [nǚ] 女 ‘женщина’ (2);

– частичные омофоны (совпадение инициалов и финалов): [rì] 日 ‘день’ (1), [nǚ] 女 ‘женщина’ (5) (включает 2 [nǚ], 3 [nù]), [shuǐ] 水 ‘вода’ (5) (включает 1 [shuí], 4 [shuì]), [tóu] 头 ‘голова’ (7) (включает 1 [tōu], 3 [tóu], 2 [tǒu], 1 [tòu]).

В омогруппы с ограниченным количеством полных омофонов (до 6) входят более половины исследуемых существительных (14), относящихся к лексико-семантическим группам “человек”, “животное”, “части тела”, “время”, а также единичные представители других групп ([shuǐ] 水 ‘вода’, [rì] 日 ‘день’, [cǎo] 草 ‘трава’, [nǚ] 女 ‘женщина’, [pà] 怕 ‘страх’, [dǐng] 顶 ‘вершина’, [tóu] 头 ‘голова’, [shǒu] ‘голова’, [nián] 年 ‘год’, [nán] 男 ‘мужчина’, [mǎ] 马 ‘лошадь’, [gǒu] 狗 ‘собака’, [zuì] 罪 ‘грех’, [nǎi] 奶 ‘молоко’).

В омогруппы с количеством полных омофонов от 8 до 52 входят остальные 10 слов, относящихся к ЛСГ “объекты природы” “пространство”, а также единичные представители других групп ([xīng] 星 ‘звезда’, [biān] 边 ‘сторона, бок’, [mì] 蜜 ‘мед’, [tián] 田 ‘поле’, [shù] 树 ‘дерево’, [shí] 石 ‘камень’, [dì] 地 ‘земля’, [jiā] 家 ‘жилище’, [è] 饿 ‘голод’, [zhì] 智 ‘разум’).

Возможно, на количество омофонов в омогруппе оказывает влияние не только семантика слов, но и другие факторы, в частности, закон экономии речевых усилий, описанный А. Мартине. Слоги с легко произносимыми инициалами и финалами-моно-

¹ Полным омофоном для [rì] 日 ‘день’ является [rì] 駢 ‘перекладной экипаж’. Однако нельзя не заметить, что этимологическая связь между этими омофонами прослеживается в частичной общности их иероглифов: сложный иероглиф (синшэн) 駢 ‘перекладной экипаж’ состоит из звуковой части [rì] 日 ‘день’ и уточняющей смысловой части [mǎ] 马 ‘лошадь’.

фтонгами более легки для произношения, а потому они наделяются большими номинативными функциями: [zhi] 智 ‘разум’ (106), [shi] 石 ‘камень’ (86), [di] 地 ‘земля’, [shu] 树 ‘дерево’. Слоги же с трудно произносимыми инициалами или сложными финалями, как правило, реже используются в номинации, а потому количество омонимов с ними обычно невелико или минимально: [ri] 日 ‘день’ (1), [nü] 女 ‘женщина’ (5), [shui] 水 ‘вода’, [tou] 头 ‘голова’.

Омофонией пронизана вся китайская лингвокультура. Она вносит большой вклад в ее уникальность и является ярким примером влияния языка на сознание. С ней связаны многочисленные обычаи и обряды, которым жители следуют до сих пор. Так, в Китае нельзя разрезать грушу, поскольку выражение для этого действия омонимично выражению, именующему расставание, нельзя дарить часы, так как китайское слово для обозначения часов является омофоном для слова, именующего кончину, смерть и т. д.

Омофоны – неотъемлемая часть китайского дискурса. Они широко используются для косвенного выражения истинного значения в сехоуи (歇后语) [xiē hòu yǔ] (дословно – ‘недоговорки-иносказания’) – разновидности паремий, где первая часть фразы – это загадка, после которой следует пауза, а вторая – отгадка.

Омофоны также являются характерной особенностью китайского языка Интернета, когда пользователи сети хотят придать разговору о неприятностях юмористический оттенок. Так, в китайском языке есть выражение 左右为难 ‘Мне тяжело/ трудно’, досл. ‘И слева, и справа приходится туго’. Заменяв последний иероглиф фразы 难 ‘трудно’ на иероглиф его омофона 南 ‘юг’, получаем юмористическую фразу 左右为南 ‘Слева и справа – юг’, хотя прочтение фразы сохраняет первоначальный передаваемый в ней смысл.

Заключение

Таким образом, все исследуемые в работе ключевые китайские существительные входят в омогруппы. На количество единиц в омогруппе влияют семантические и фонетические характеристики слов, хотя жестких закономерностей при этом не обнаружено. Омонимы в китайском языке – одно из важнейших средств языковой игры и неотъемлемая часть дискурса и национальной лингвокультуры в целом. Явлению омонимии при обучении китайскому языку как иностранному необходимо уделять особое внимание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Губанова, И. С. Омонимика современного английского языка в этимологическом и историко-лингвистическом аспектах // *Lingua mobilis*. – 2010. – № 2(21). – С. 143–151.
2. 代建桃, 现代汉语同音词研究, 四川师范大学硕士学位论文, 2008, 98页.
3. Хаматова, А. А. Омонимия в современном китайском языке : учебное пособие / А. А. Хаматова. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 120 с.
4. Омонимы и омографы в китайском языке. Причины несовпадения чтения и фонетика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/@ieroglifika2-omonimy-i-omografy-v-kitaiskom-yazyke-prichiny-nesovpadeniya>. – Дата доступа: 30. 01. 2019
5. Осмоловская, П. А. Явление омонимии китайского языка в лингвокультурном аспекте / П. А. Осмоловская // Сборник работ 71-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, Минск, 18–21 мая 2014 г. : в 3 ч. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – Ч. 3. – С. 388–391.
6. 语文现代化. 1980 年第 1 期. 第 216–217 页.
7. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 北京 : 商务印书馆, 2005, 1868 页.

Поступила в редакцію 15.06.2020 г.

Контакты: +375 33 627 96 83 (Чэнь Тин)

Chen Ting. HOMONYMY OF KEY CHINESE NOUNS OF DIFFERENT SEMANTIC GROUPS.

The causes and types of homonymy in the Chinese language are considered. Quantitative and qualitative characteristics of homonymic series of key (i.e., monosyllabic, original, most frequent and communicatively significant) Chinese nouns are analyzed. The necessity for special training in the phenomenon of homonymy in Chinese as a foreign language is substantiated.

Keywords: the Chinese language, homonym, homograph, homophone, homonymic series, syllable, tone.

УДК 81-42

РЕЦЕНЗИРУЮЩАЯ АННОТАЦИЯ К КИНОФИЛЬМУ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ

Д. Л. Тригубова,

аспирант

Минский государственный лингвистический университет

Данная статья посвящена определению понятия рецензирующей аннотации к кинофильму "film blurb", а также рассмотрению ее сущности, структуры и содержания. Рецензирующая аннотация рассматривается как краткое описание кинофильма, составленное из фрагментов рецензии или отзыва влиятельного критика, автора или источника с целью продвижения и рекламы за счет ссылок на авторитет данного критика, автора или источника. Результаты частеречного анализа показывают значимость прилагательных для данного типа аннотации. Проведенный лексический анализ позволяет установить, что для рецензирующей аннотации характерно использование значительного количества оценочной лексики.

Ключевые слова: киноаннотация, рецензирующая аннотация, частотность, частеречный анализ, оценочная лексика.

Введение

В связи с широким распространением и значительным влиянием кинематографа актуальными в настоящее время являются исследования его различных аспектов, среди которых история кино, классификация кинофильмов, кинокритика и интерпретация кино, культурологические аспекты кино, кинолингвистика и др. Кинолингвистика, в частности, занимается вопросами классификации видов кинодискурса, выявления его функций и жанровой типологии, проблемами перевода кино. Одним из малоисследованных вопросов данного научного направления является аннотирование художественных фильмов, изучение, анализ и сопоставление киноаннотаций различных типов. Данное исследование посвящено рассмотрению сущности, структуры и содержания одного из типов аннотаций к кинофильму – рецензирующей аннотации (англ. *blurb*). Актуальность исследования рецензирующей аннотации к кинофильму обусловлена ограниченной информацией о данном явлении в англоязычных и русскоязычных источниках. Особенностью данного исследования является использование главным образом электронных источников и ресурсов в связи с малой представленностью исследований по данной теме в печатной литературе. Значительное количество материала переведено автором с английского языка, систематизировано, интерпретировано и вводится в научный оборот впервые.

Основная часть

Как лингвистическое явление рецензирующая аннотация существует на протяжении полутора столетий и изначально обозначало краткие положительные комментарии, оценки и рецензии авторитетных писателей, размещенные на обложках книг менее известных авторов с целью привлечения внимания публики.

Данный тип аннотации впервые был использован американским поэтом и публицистом Уолтом Уитменом (Walt Whitman) в 1856 г. Для привлечения внимания к своей книге Уитмен использовал цитату из письма, полученного им от одного из крупнейших

ших мыслителей, эссеистов и писателей США Ральфа Уолдо Эмерсона (Ralph Waldo Emerson). Отправив Эмерсону свой сборник стихов “Листья травы”, Уитмен получил в ответ письмо с одобрением. В то время Уитмен являлся еще относительно неизвестным поэтом, а Эмерсон был популярен и уважаем на национальном уровне. Уитмен воспользовался полученным одобрением более известного автора. Газета “The New York Tribune” с согласия Уитмена опубликовала полный текст письма, а затем на корешке второго издания книги была напечатана золотыми буквами цитата из письма Эмерсона: *I greet you at the beginning of a great career* ‘Я приветствую вас в начале великой карьеры’ [1].

Несмотря на то что данный тип аннотации, как было сказано ранее, существует с 1856 г., англоязычный термин *blurb* был предложен лишь 50 лет спустя американским искусствоведом, поэтом, писателем и юмористом Фрэнком Гелеттом Берджессом (Frank Gelett Burgess). На суперобложке его книги 1906 г. “Ты бромид?” была изображена кричащая вымышленная девушка “Miss Belinda Blurb” с сопровождающей надписью *Yes, this is a “blurb”! All other publishers commit them. Why shouldn’t we?* ‘Да, это “blurb”! Все остальные издатели допускают их. Почему бы и нам так не сделать?’. Имя и термин *blurb* стали ассоциироваться с любыми комментариями авторов или критиков на обложке книги. Затем имя и изображение были забыты, остался и вошел в широкое употребление лишь термин. Ф. Берджесс определял *blurb* как *a flamboyant advertisement; an inspired testimonial* [1] ‘яркая реклама; вдохновенный отзыв’.

На обложке первой книги Эрнеста Хемингуэя (Ernest Hemingway) “В наше время” 1925 года издания также размещены рецензирующие аннотации. Не будучи на тот момент широко известным автором, Хемингуэй получил одобрение шести более популярных в то время писателей (Ш. Андерсона, Ф.М. Форда, Э.Дж. О’Брайена, Г. Селдеса, Д.О. Стюарта, У. Фрэнка / S. Anderson, F.M. Ford, E.J. O’Brien, G. Seldes, D.O. Stewart, W. Frank) и напечатал цитаты из их писем на обложке своей книги [1]. Схожий прием использовал Фрэнк Манси (Frank Munsey), основатель и издатель американского журнала “Munsey’s”. Однако вместо посторонних мнений, Ф. Манси использовал собственное. На одном из выпусков журнала он поместил надпись красными чернилами: *I consider this number of Munsey’s the hottest pie that ever came out of my bakery* [2] ‘Я считаю этот выпуск Munsey’s самым горячим пирожком из всех, что выходили из моей пекарни’.

В современных литературных источниках можно найти деление общего понятия *blurb* на *description blurb* и *review blurb*. Под первым понимается, как следует из названия, более подробное описание содержания и сюжетной линии, а под вторым – цитаты из критических обзоров [3]. Отсюда следует, что *description blurb* ближе к другому типу киноаннотации – синопсису, сутью которого является краткое последовательное изложение сюжета фильма, его завязки, поворотных моментов и основного конфликта. Термин *review blurb* более точно отражает первоначальное значение обобщенного термина *blurb*, дополнительно подчеркивая его связь с рецензиями на тот или иной кинофильм. Для данного исследования интерес представляет именно понятие *review blurb*.

Рассмотрим определения термина *blurb* в современных монолингвальных словарях:

– Cambridge Dictionary: a short description of a book, film, etc., written by the people who have produced it, and intended to make people want to buy it or see it [4] ‘краткое описание книги, фильма и т. д., написанное людьми, которые их выпустили, и предназначенное для того, чтобы люди захотели купить или посмотреть их’;

– Collins Dictionary: information about a new book, film, or exhibition that is written in order to attract people's interest [5] ‘информация о новой книге, фильме или выставке, написанная для того, чтобы привлечь интерес людей’;

– Macmillan Dictionary: information printed on the outside of something, especially something for sale, to describe it or make it attractive to buy [6] ‘информация, напечатанная на чем-либо, предназначенном для продажи, чтобы описать что-либо или сделать что-либо привлекательным для покупки’.

Приведенные словарные определения показывают, что термин *blurb* может быть использован не только для характеристики книг, но и для оценки и характеристики кинофильмов или сериалов, являясь в таком случае частью их рекламной кампании. Важно также отметить, что приведенные выше современные определения общего термина *blurb* в большей степени отражают сущность термина *description blurb*. Следовательно, можно говорить о семантическом сдвиге: изначально термин *blurb* означал цитаты критиков или других авторов, далее произошло разделение термина на *review blurb* и *description blurb*. В то время как *review blurb* сохранил первоначальное значение общего термина, *description blurb* приобрел новое значение – описание содержания, сюжета, конфликта, целевой аудитории. Значение *description blurb* затем распространилось на обобщенный термин *blurb*, что и отражено в современных словарях.

К схожим выводам можно прийти, проанализировав варианты перевода данного термина в англо-русских словарях. Как показал анализ, в русском языке отсутствует единый общепризнанный эквивалент английского термина *blurb*. Большинство вариантов перевода *blurb* содержит слово “аннотация”: издательская аннотация, краткая аннотация, начальная аннотация, рекламная аннотация, краткая издательская аннотация. Часть русскоязычных терминов подчеркивает отношение *blurb* к сфере рекламы: издательское рекламное объявление, издательская реклама, рекламное объявление. Найден и такой вариант перевода *blurb*, как положительная рецензия [7].

Из приведенных выше русскоязычных эквивалентов *blurb* самым частотным в словарях является издательская аннотация. Однако применение данного термина по отношению к объекту нашего исследования не представляется уместным. Согласно русскоязычным литературным источникам, издательская аннотация содержит характеристику целевого назначения, содержания, сюжета, ключевых моментов, аудитории, автора и других особенностей произведения или издания [8]. Таким образом, русскоязычный термин *издательская аннотация* является больше эквивалентом термина *description blurb*. В данном же исследовании *blurb* рассматривается в контексте *review blurb*.

На основании выявленных особенностей рассматриваемого явления, а также вариантов перевода в контекстном словаре (аннотация, рецензия, реклама, краткая аннотация [9]) термину *review blurb*, по мнению автора, из выявленных в словарях вариантов перевода больше всего соответствуют термины *рекламная аннотация* и *положительная рецензия*. Для объединения характеристик данных двух понятий автором предлагается собственный термин – *рецензирующая аннотация*. Под рецензирующей аннотацией мы понимаем краткое, чаще положительное описание кинофильма, составленное из фрагментов рецензии или отзыва влиятельного критика, автора или источника. Рецензирующая аннотация обычно размещается на постере, афише или обложке диска с записью фильма и используется для продвижения и рекламы.

Стоит отметить, что, хотя в преобладающем большинстве случаев в качестве рецензирующей аннотации используются положительные отзывы, существуют отдельные случаи целенаправленного использования цитат из отрицательных отзывов к

фильму или сериалу. Например, когда известное своими кинорејтингами и обзорами телевизионное шоу “Siskel & Ebert” дало кинофильму “Lost Highway” ‘Шоссе в никуда’ оценку *two thumbs down* ‘два больших пальца вниз’, режиссер Дэвид Линч (David Lynch) использовал данную цитату в качестве рецензирующей аннотации, иронично назвав ее *two more great reasons to see* ‘еще двумя вескими причинами для просмотра’ фильма. Схожим образом на постере сериала “Gossip Girl” ‘Сплетница’ была размещена цитата из негативной рецензии одной из газет, в которой говорилось, что этот сериал – *every parent’s nightmare* ‘кошмар каждого родителя’. В данном случае рецензия учитывала и использовала желание подростков действовать противоположно указаниям старших и посмотреть сериал, который не одобрили бы их родители [10].

В качестве практического материала для исследования структуры и содержания рецензирующих аннотаций собраны аннотации данного типа к 50 художественным фильмам производства США, выпуск в прокат которых состоялся в 2018–2019 гг. Всего собрано 119 рецензирующих аннотаций на английском языке.

Выявлено, что у 42 из 50 исследуемых фильмов (84%) есть рецензирующие аннотации, причем у 29% кинофильмов обнаружено по две, у 26% – по одной и у 19% – по три аннотации данного типа. Максимальное число рецензирующих аннотаций (девять) выявлено у кинофильма “Green Book” ‘Зеленая книга’ (Universal, 2018). Это можно объяснить тем, что данный фильм был достаточно популярен, активно обсуждался в СМИ и получил большое количество положительных отзывов, что дало значительное количество материала для цитирования в качестве рецензирующих аннотаций.

Собранные аннотации являются цитатами из рецензий и отзывов, размещенных в разных источниках. Самыми распространенными источниками являются влиятельные журналы, например, “Rolling Stone”, “Variety”, “Empire”, “Forbes”, “Vanity Fair”. Широко распространено цитирование рецензий из газет, таких как “The New York Times”, “The Washington Post”, “Los Angeles Times”, “USA Today”. Иногда встречаются фрагменты рецензий с онлайн-порталов (Deadline, CinemaBlend, Screen Daily, comicbook.com) и телеканалов (FOX TV, NBC TV, CBS-TV). В большинстве случаев источник указывается в круглых скобках сразу после цитаты. Часто указывается название источника, в ряде случаев дополнительно сообщается имя критика или автора рецензии.

Анализ источников рецензирующих аннотаций показывает, что наиболее цитируемым кинокритиком является Питер Трэверс (Peter Travers), один из самых популярных американских кинокритиков, с 1989 г. работающий в журнале “Rolling Stone”. Его рецензии отличаются краткостью и емкостью, а его мнение представляется авторитетным и объективным, в связи с чем использование фрагментов его рецензий в качестве рецензирующей аннотации достаточно эффективно.

Интересным представляется выявленный случай использования в качестве аннотации твита – записи из социальной сети Твиттер. В частности, на обложке диска с фильмом “Shaft” ‘Шафт’ (Warner Bros, 2019) размещена фраза *Richard Roundtree & Samuel L. Jackson didn’t disappoint* ‘Ричард Раундтри и Сэмюэль Л. Джексон не разочаровали’ с указанием авторства в виде имени профиля в социальной сети Твиттер @lifeinrumps. Данный профиль принадлежит Томике Брайант (Tomika Bryant), американскому блогеру. Возможно, данная тенденция получит более широкое распространение в ближайшем будущем, особенно для фильмов, ориентированных на молодежь, поскольку в настоящее время мнения блогеров являются авторитетными для данной целевой аудитории и молодые люди предпочитают получать информацию из социальных сетей, а не из печатных СМИ или телевидения.

Анализ частотности слов в собранных аннотациях показывает следующее. За исключением служебных слов, самыми частотными являются *be* ‘быть’, *movie(-s)*

‘фильм(-ы)’, *best* ‘лучший’, *performance(-s)* ‘игра, исполнение роли(-ей)’, *year* ‘год’, *see* ‘смотреть’, *fun* ‘веселый/веселье’, *film* ‘фильм’, *story* ‘история’, *funny* ‘смешной’, *powerful* ‘сильный’, *crazy* ‘сумасшедший’, *masterpiece* ‘шедевр’. Этот факт подтверждает, что рецензирующая аннотация описывает и оценивает фильм, его сюжет, историю, игру актеров.

Частеречный анализ позволяет сделать вывод, что 24% слов, употребленных в рассмотренных рецензирующих аннотациях, являются прилагательными или причастиями. Большое количество атрибутов направлено на яркое описание фильма и связано с главной целью рецензирующей аннотации – рекламой и привлечением внимания. Например: *stunning* ‘великолепный’, *hilarious* ‘смешной’, *delightful* ‘восхитительный’, *astonishing* ‘изумительный’, *moving* ‘трогательный’, *phenomenal* ‘феноменальный’, *creepy* ‘жуткий’, *spectacular* ‘захватывающий’, *fueled* ‘подпитываемый’, *well-structured* ‘хорошо структурированный’, *anchored* ‘привязанный’ и т. д. Выявлено 49 наречий (7% от общего количества слов), больше половины которых (29) усиливают прилагательные или причастия: *superbly entertaining* ‘потрясающе развлекательный’, *marvellously complex* ‘удивительно сложный’, *incredibly beautiful* ‘невероятно красивый’, *crazily good* ‘безумно хороший’, *authentically moving* ‘действительно трогательный’, *uprovingly funny* ‘уморительно смешной’.

Значительное количество рецензирующих аннотаций (20%) имеют в своем составе исключительно прилагательные и причастия, иногда дополненные наречием и служебными словами, например: *Powerful and unforgettable* ‘Сильный и незабываемый’ (“A Private War” ‘Частная война’, Universal, 2018); *Passionate, emotional and fearless* ‘Страстный, эмоциональный и бесстрашный’ (“A Star is Born” ‘Звезда родилась’, Warner Bros, 2018); *Practically perfect in every way* ‘Практически идеальный во всех отношениях’ (“Mary Poppins Returns” ‘Мэри Поппинс возвращается’, Disney, 2018).

Отмечено большое количество существительных (157), что составляет 21% от общего количества слов. Самые частотные связаны с фильмом, его жанром, сюжетом или оценкой. Например: *masterpiece* ‘шедевр’, *comedy* ‘комедия’, *horror* ‘ужас’, *action* ‘действие, экшн’, *romance* ‘роман’, *adventure* ‘приключение’. Глаголы не отличаются высокой частотностью: определено 60 глаголов, что составляет 8% от общего количества слов.

Приведенные выше результаты анализа частотности частей речи в исследованных аннотациях позволяют сделать вывод о принадлежности рецензирующей аннотации к такому функциональному типу текстов, как описание, речевыми особенностями которого являются преобладание существительных, прилагательных, наречий, статичность текста и относительно небольшое количество действия.

Анализ частотности употребляемых частей речи также позволяет сделать вывод, что для выявленных в аннотациях прилагательных и причастий характерны разнообразие и низкая повторяемость. 72% прилагательных и причастий не повторяются и употреблены только в какой-либо одной аннотации. Низкая повторяемость характерна и для наречий: 88% отмеченных наречий встречаются только один раз. Несколько большая повторяемость свойственна существительным и глаголам: 66% и 43% соответственно употреблены однократно. Большее разнообразие прилагательных, причастий и наречий подтверждают их значимость для данного типа аннотации.

Значительная часть рецензирующих аннотаций содержат оценочную лексику, главным образом, прилагательные, существительные и наречия. Оценочно маркированные единицы используются для того, чтобы придать аннотации драматизм и заинтересовать потенциального зрителя в просмотре фильма. Оценочная лексика используется в первую очередь для характеристики самого фильма и его сюжета. В большом

количестве аннотаций отмечена положительная оценка, т. к. цель рецензирующей аннотации – дать оценку фильму, выделить его достоинства. Например: *Hilarious, heartfelt, historic* ‘Смешной, душевный, исторический’ (“Crazy Rich Asians” ‘Безумно богатые азиаты’, Warner Bros, 2018), *Dazzling, gorgeous* ‘Ослепительный, великолепный’ (“Dumbo” ‘Дамбо’, Disney, 2019). Однако стоит заметить, что в аннотациях встречается и отрицательная оценка. В основном она используется в рецензирующих аннотациях к фильмам ужасов, триллерам и боевикам, подчеркивая их таинственный, темный, пугающий характер, что является эффективным для привлечения внимания к данному типу фильмов: *Creepy, thrilling, totally terrifying* ‘Жуткий, захватывающий, абсолютно ужасающий’ (“The Curse of La Llorona” ‘Проклятие плачущей’, Warner Bros, 2019).

В ряде аннотаций оценочная лексика используется для характеристики режиссерской и актерской работы: *A remarkable feat of both performance and filmmaking* ‘Выдающееся достижение как актерской работы, так и кинопроизводства’ (“A Star is Born” ‘Звезда родилась’, Warner Bros, 2018), *A potent drama and powerful well-acted tale of personal redemption* ‘Мощная драма и сильная, хорошо сыгранная история о личностном спасении’ (“Skin” ‘Скин’, Madman Films, 2018).

Несмотря на то что в подавляющем большинстве случаев рецензирующая аннотация явно подчеркивает достоинства фильма, в единичных случаях фрагменты аннотаций можно интерпретировать по-разному из-за отсутствия контекста. Например: *The only rational response to Mortal Engines is Wow* ‘Единственная разумная реакция на Хроники хищных городов – ого!’ (“Mortal Engines” ‘Хроники хищных городов’, Universal, 2018); *A wild ride* ‘Дикая гонка’ (“Overlord” ‘Оверлорд’, Paramount, 2018); *You can tell this movie is special within the first five minutes* ‘Можно понять, что этот фильм особенный, в течение первых пяти минут’ (“The Last Black Man in San Francisco” ‘Последний черный в Сан-Франциско’, A24 Pictures, 2019); *The Predator takes it to the next level* ‘Хищник выводит все на новый уровень’ (“The Predator” ‘Хищник’, Twentieth Century Fox, 2018). Рецензирующие аннотации в основном являются фрагментами положительных отзывов, но некоторые фильмы не слишком успешны в кинопрокате и получают негативные рецензии критиков и изданий. В таком случае в качестве рецензирующей аннотации могут использоваться фрагменты, без контекста звучащие как положительная оценка. Данный прием является одной из главных причин критики рецензирующих аннотаций, ставящей под сомнение их объективность и точность.

Данную проблему поднимает Кристофер Бим (Christopher Beam), журналист онлайн-журнала “Slate”, в статье “How do movie blurbs work?” [10] ‘Как работают рецензирующие аннотации к фильмам?’. В качестве подтверждения тезиса о ненадежности рецензирующих аннотаций автор приводит следующий аргумент: официальных проверок на точность рецензирующих аннотаций не существует. Студии обязаны предоставить все рекламные материалы, в том числе рецензирующие аннотации, Американской ассоциации кинематографических фильмов на утверждение. Но Ассоциация только просматривает объявления на предмет их тона и содержания и проверяет на наличие оскорбительных или дискриминирующих материалов, не проверяя при этом точность приведенных цитат из рецензий. Когда выходит новый фильм, отдел маркетинга студии просматривает отзывы, отбирает самые положительные цитаты и решает, как их представить в качестве рецензирующих аннотаций. Студии не стремятся к идеальной точности, избегая лишь очевидных противоречий, чтобы не допустить потенциальных исков в суд от авторов рецензий.

Стоит отметить, что в большинстве случаев неточное цитирование приводится для сокращения цитаты и экономии места. Однако есть случаи, когда цитаты вырваны

из контекста для введения в заблуждение. Например, в обзоре критик “Entertainment Weekly” в целом оценил фильм “Se7en” “Семь” невысоко, описав при этом последовательность вступительных титров фильма как *a small masterpiece of dementia* ‘маленький шедевр деменции’. Но в качестве рецензирующей аннотации было использовано лишь слово *masterpiece* ‘шедевр’, как будто относящееся ко всему фильму. Критики часто хвалят выступление одного актера в посредственном фильме, а затем похвалу вырывают из контекста и используют для характеристики всего фильма. Например, в негативном обзоре фильма “Hoodlum” ‘Гангстер’ критик назвал актера Лоуренса Фишберна (Laurence Fishburne) *fierce, magnetic, irresistible* ‘сильный, притягательный, неотразимый’. Студия затем использовала слово *irresistible* ‘неотразимый’ отдельно в качестве рецензирующей аннотации к фильму. В редких случаях используемая цитата вообще не фигурирует в обзоре или источнике, на который ссылается. Например, в своей статье в журнале “Rolling Stone” критик Питер Трэверс не утверждает, что фильм “Fantastic Mr. Fox” ‘Бесподобный мистер Фокс’ – *Rip-Roaring Comedy* ‘Уморительная комедия’, хотя так гласит рецензирующая аннотация, приведенная в другой газете [10]. Такие факты снижают репутацию рецензирующих аннотаций и вызывают сомнения в их правдивости в глазах потенциальной аудитории фильма.

Однако, несмотря на спорный характер, рецензирующие аннотации остаются важной составляющей англоязычной рекламной кампании любого художественного фильма и успешным способом влияния на целевую аудиторию. Большинство аннотаций являются достоверными и цитируют фрагменты рецензий достаточно точно и близко к оригиналу. Студии стараются приводить более развернутые цитаты в качестве рецензирующих аннотаций, поскольку аннотации, состоящие из одного слова, могут вызывать сомнения из-за отсутствия контекста.

Заключение

В рамках данного исследования рецензирующая аннотация к кинофильму *film blurb* рассматривается как краткое описание кинофильма, составленное из фрагментов рецензии или отзыва влиятельного критика, автора или источника и используемое для продвижения и рекламы фильма за счет ссылок на авторитет данного критика, автора или источника. Рецензирующие аннотации являются цитатами из рецензий и отзывов, размещенных в журналах, газетах, на онлайн-порталах и телеканалах. Проведенный анализ рецензирующих аннотаций к кинофильмам позволил установить особенности их структуры и содержания. Так, для данного типа аннотации характерно использование большого количества разнообразных прилагательных со значением оценки. Чаще отмечена положительная оценка, направленная на выделение достоинств фильма, однако в некоторых киножанрах допускается негативно-оценочная лексика. Выявлен целый ряд существительных, связанных главным образом с жанром фильма, его сюжетом и оценкой. Значительное количество рецензирующих аннотаций состоит исключительно из прилагательных и причастий, иногда дополненных наречием и служебными словами. Глаголы не являются обязательным компонентом аннотаций данного типа. Рецензирующие аннотации могут давать оценку актерской или режиссерской работе, а также выделять фильм среди других, вышедших в определенный промежуток времени.

Перспективу исследования автор видит в сравнении структуры и содержания рецензирующей аннотации с другими типами аннотаций к художественным фильмам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Dwyer, C.** Forget The Book, Have You Read This Irresistible Story On Blurbs? / C. Dwyer // NPR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.npr.org/2015/09/27/429723002/forget-the-book-have-you-read-this-irresistible-story-on-blurbs>. – Дата доступа: 15.03.2020.
2. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=blurb>. – Дата доступа: 15.03.2020.
3. How to Write a Blurb – Definition, Examples, and More [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.blurb.com/blog/writing-blurbs-for-novels/>. – Дата доступа: 21.03.2020.
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/blurb>. – Дата доступа: 18.03.2020.
5. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/blurb>. – Дата доступа: 18.03.2020.
6. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/blurb_1. – Дата доступа: 18.03.2020.
7. Словари и энциклопедии на Академике: перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://translate.academic.ru/blurb/xx/ru/>. – Дата доступа: 19.03.2020.
8. **Стексова, Т. А.** Издательская аннотация в читательском восприятии / Т. А. Стексова, М. В. Праско // Библиосфера. – Новосибирск : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 2014. – № 4. – С. 91-94. – ISSN: 1815-3186.
9. Контекстный словарь на основе искусственного интеллекта Reverso Context [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://context.reverso.net/translation/english-russian/blurb>. – Дата доступа: 20.03.2020.
10. **Beam, C.** '[Best] Film Ever!!!' How do movie blurbs work? / C. Beam // Slate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slate.com/news-and-politics/2009/11/how-do-movie-blurbs-work.html>. – Дата доступа: 29.03.2020.

Поступила в редакцию: 18.05.2020 г.

Контакты: +375295094247 (Тригубова Дарья Леонидовна)

Tryhubava D. FILM BLURB: CONCEPT, STRUCTURE, CONTENT.

The article is devoted to the definition of the film blurb concept, as well as to the analysis of its structure and content. A film blurb is defined as a brief film description composed of quotes from reviews by recognized critics or authors used for promotion and advertising through reference to authority. The part of speech analysis shows the significance of adjectives for this annotation type. The lexical analysis allows to conclude that the blurb is characterized by a notable amount of evaluation lexis.

Keywords: film annotation, blurb, word frequency, part of speech analysis, evaluation lexis.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ПАНДЕМИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Нынешние эпидемические реалии, вызвавшие в определенной степени коллапс современной цивилизации, породили множество суждений – от взвешенных до панических. Не касаясь медицинских и социально-экономических аспектов проблемы, в суждениях о которой больше некомпетентности, чем научно выверенных оценок, обратимся к демографии, точнее, к ее историческому разделу.

Еще в XVII в. Даниэль Дефо называл Великую чуму 1665 г. “избавлением”: она унесла “30–40 тысяч как раз тех людей, которые, останься они в живых, стали бы по бедности своей невыносимым грузом”. Под влиянием подобных воззрений другой англичанин, М. Гэль (1609–1676), сформулировал теорию о вредности, даже губительности роста народонаселения, которое, как тогда полагали, увеличивается в геометрической прогрессии. По его расчетам, за 34 года население может вырасти в четыре раза. И лишь разного рода препятствия (болезни, голод, войны, стихийные бедствия), являясь орудиями Бога, сдерживают рост населения. Гэль считал, что Бог не только наказывает род человеческий за его грехи и преступления, но также “удерживает от размножения людей в надлежащей пропорции и мере, чтобы для них хватило места на свете и чтобы земля могла их кормить”. Общий вывод ученого был пессимистичным, ибо он считал, что рост населения неудержим ничем и поэтому существование человечества не может быть вечным. Эту теорию позднее активно поддержал итальянский экономист Д. Ортэс (1713–1790). Он считал, что в реальной жизни celibat столь же полезен, как и брак.

Такие воззрения распространились в Западной Европе, с одной стороны, в условиях кризиса феодальных порядков, повлекших разорение дворянства, в том числе и старой аристократии, а с другой – отразили издержки становления капитализма разорением крестьянства и бедностью растущего рабочего класса.

Томас Роберт Мальтус

В этой обстановке появилась знаменитая концепция Томаса Роберта Мальтуса (1766–1834). В 1798 г. еще неизвестный широкой читающей публике викарий одного из церковных приходов Северной Англии, выходец из дворян и выпускник иезуитского колледжа, он выступил с анонимным памфлетом “Опыт о законе народонаселения и его воздействие на улучшение общественного благосостояния, ответ на замечания гг. Годвина, Кондорсе и других авторов”. Спустя 5 лет Мальтус издал расширенный вариант “Опыта...”. Затем 30 лет преподавал историю и политэкономия, выпустив “Начала политической экономии” и ряд других монографий.

В своем “Опыте...” Мальтус обобщил точки зрения ранних идеологов капитализма, опиравшихся в анализе человеческой деятельности на биологические законы. Он также отвергал идеи критиков капитализма Кондорсе, Годвина и других о том, что в “естественном обществе” все дары природы будут общим достоянием и на основе непрерывного развития науки препятствия росту народонаселения будут преодолеваться. Мальтус отклонял мысли об эгалитарном обществе (со всеобщим равенством) с непрерывным прогрессивным развитием и предвидел неизбежность развития классового общества, в котором бедные обречены довольствоваться

простым существованием. Порок и нищета, которые сдерживают рост населения, – писал Мальтус, – от неизменности законов природы и человека. Идеи Годвина о будущем всеобщем равенстве противоречат природе человека. Он подчеркивал: “Состояние равенства не подходит для выработки стимулов к труду”. Именно в росте народонаселения Мальтус видел главную причину нищеты. Суть закона народонаселения – по Мальтусу – в человеческом стремлении к безудержному росту населения. Человечество растет в геометрической прогрессии, тогда как средства существования – только в арифметической. Естественным выходом из тупика он считал эпидемии и войны, которые стихийно регулировали приемлемую на данный период численность народонаселения.

Эта теория нашла много приверженцев не столько среди демографов, сколько среди политиков и апологетов капитализма, ибо объявила объективными все основные пороки тогдашнего капиталистического развития. Столь же много у Мальтуса оказалось и противников среди выступивших против капитализма.

Но и в научной среде постепенно были найдены контраргументы. Их дала сама историческая практика. Первая научная критика Мальтуса прозвучала в середине XIX в., когда ряд исследователей с цифрами в руках опровергли его основной тезис об удвоении в XVIII в. населения через каждые 25 лет. Современная демография выяснила, что Мальтус абсолютизировал сельскохозяйственное производство, проигнорировав остальные сферы хозяйственной деятельности. К тому же он опирался на ситуацию в отсталом аграрном строе Франции XVII–XVIII вв., не увидев начавшийся промышленный переворот в Англии.

Но Мальтуса продолжают помнить до сих пор, ибо, не разрешив проблему соотношения между типом воспроизводства народонаселения и сложившимися в данном обществе условиями, он начал разрабатывать эту проблему тогда, когда она приобрела актуальность, привлек внимание к проблеме обнищания и безработицы. И, главное, выделил ключевые коллизии демографического развития человечества, сохранившие, как мы видим актуальность и в наши дни.

Вспомним, что с начала XXI в. нынешняя вспышка вирулентной вирусной инфекции, превратившаяся в пандемию, далеко не первая. Причем каждая последующая была агрессивнее предыдущей. И связано это не только с мутацией вируса, сколько с быстро прогрессирующей глобализацией, отразившейся не только на экономической взаимозависимости, но, что главное в данной ситуации, – на бытовом уровне. Взрывной рост всевозможных контактов между людьми – культурный, студенческий обмен и особенно – массовый туризм с возможностью менее чем за сутки пересекать целые континенты.

Такие динамичные, взрывные изменения обгоняют возможности людей к ним приспособляться. Вспомним, как долго привыкали горожане рубежа XIX–XX вв. к автомобилям. В наших пенатах только в последние годы большинство людей научились уважать красный свет светофоров, да и то не всегда. А многие автомобилисты все равно не соблюдают предписанные правила. Уже не ведем речь о техногенных катастрофах, среди причин которых все чаще отмечают “человеческий фактор”. И так же, как природа мстит человеку за экологические нарушения, так же биология, физиология мстят за человеческое неумение учитывать то новое, что люди сами создают. Вспомним, что помимо эпидемий, многие туристы привозили и привозят из экзотических стран всякие другие болячки (кожные, кишечные и проч.).

Очевидно, природа – точно по Гэлю, Ортесу и Мальтусу – регулирует динамику развития человечества. И не надо искать Божью волю или происки разных спецслужб. Пожалуй, не только конкретному человеку надо обжечься, чтобы опасаться касания

огня и горячего, но и человечеству как популяции надо учиться ограничивать те возможности, которые представляет современный технический прогресс.

Кстати, нынешняя ситуация как будто решила и другую проблему – проблему мигрантов в Евросоюзе. Границы закрылись и к прежней открытости, очевидно, возврата долго не будет. Правы оказались те, кто говорил и писал об издержках форсирования открытости в Европе, о крахе мультикультурализма. Получилось негуманно, но ведь кризис...

В данном случае, в отличие от времен Мальтуса, человечество пострадало не от безудержного роста населения, что было актуально в его время, а от несоответствия человеческого организма современным техническим возможностям. Надо учитывать темпы биологической эволюции. Но, в общем, Мальтус был прав: человечеству нельзя игнорировать свою природу!

Что касается возможностей преодоления возникшей ситуации, представляется перспективной мысль российско-американского философа Михаила Эпштейна о переходе в перспективе от личных, тактильных контактов, лежащих в основе антропологического развития, к виртуальным, возникшим благодаря современным технологиям¹. Это, по сути, является продолжением того же процесса, который, благодаря техническим достижениям, постепенно избавил человечество от тяжелого физического труда для обеспечения своего существования. Конечно, добавляет ученый, трудно отказываться от привычных личных встреч, контактов, и упоминает луддитов. Но ведь их движение оказалось бесполезным. Так и теперь. Вспоминается многократно встречавшаяся в книге другого философа, Юрия Рюрикова, фраза о том, что человечество в своем развитии, постоянно что-то приобретая, что-то и теряло². Печально, но человеческая история такова.

Я.Г. РИЕР,
доктор исторических наук, профессор
Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова

¹ svoboda.org/a/30595563.html

² Рюриков Ю.Б. Три влечения. – М., 1967.